

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

НЕКОТОРЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ
В ЭНАНТИОСЕМИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЯХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОРРЕКТНОЙ
ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НА ДРУГОЙ ЯЗЫК

ДИНАМИКА ЦВЕТОВОЙ СЕМАНТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА
ПОТРЕБЛЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

2022 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 10.02.04 – Германские языки; 10.02.05 – Романские языки; 10.02.19 – Теория языка; 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 10.02.04 – Germanic languages; 10.02.05 – Romanic languages; 10.02.19 – Theory of the language; 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ощепкова В. В. — д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Жирова И. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Максименко О. И. — д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Викулова Л. Г. — д. филол. н., проф., Московский городской педагогический университет;

Гринев-Гриневич С. В. — д. филол. н., проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ;

Карпова О. М. — д. филол. н., проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. — д. филол. н., проф., МГОУ;

Маслова В. А. — д. филол. н., проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д. филол. н., доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён — д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д. филол. н., проф., Башкирский государственный университет;

Прошина З. Г. — д. филол. н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Сесил Л. Нельсон — доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США);

Скуратов И. В. — д. филол. н., доц., МГОУ;

Сулейманова О. А. — д. филол. н., проф., Московский городской педагогический университет;

Филиппова И. Н. — д. филол. н., доц., МГОУ;

Хухуни Г. Т. — д. филол. н., проф., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

**Индекс серии «Лингвистика»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40713**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2022. — № 2. — 118 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic»:
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V. V. Oshchepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I. G. Zhirova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O. I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

L. G. Vikulova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Moscow City University;

S. V. Grinev-Grinevich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

O. M. Karpova – PhD in Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

M. N. Levchenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

V. A. Maslova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Doctor in Philological Sciences, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bashkir State University;

Z. G. Proshina – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

Cecil L. Nelson – Ph.D., Indiana State University (Terre Haute, Indiana, USA);

I. V. Skuratov – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

O. A. Suleimanova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Moscow City University;

I. N. Filippova – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

G. T. Khukhuni – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73342.

Index of the series «Linguistics» according to the Union catalog «Press of Russia» 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2022. – № 2. – 118 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Ефименко Т. Н., Зурабова Л. Р.* Языковая интерпретация рекламных сообщений в масс-медийном дискурсе 6

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Аверина А. В.* Аспектуальный потенциал артикля и падежных форм в немецком языке 17
- Архипова И. В.* Таксисные актуализаторы в английском языке 30
- Горбунова Е. В., Донскова И. И., Пугина Е. Ю., Яшенкова Л. А.* Семантические особенности лингвистических средств выражения категории модальности в художественной литературе (на материале повести-сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес») 38
- Колесникова О. П.* Некоторые модальные глаголы в энантиосемичных синтаксических конструкциях в немецком языке 48
- Ражева Е. С., Нуриева Н. С.* Ономаσιологический портрет насекомого *муха / fly* в английской и русской лингвокультурах 57
- Романова Т. А.* Общие и частные вопросы изучения специальной лексики (на примере специальной лексики анимации) 64

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Воробьева Е. Ю.* Динамика цветовой семантики в пространстве общества потребления и взаимодействия культур 79
- Евсеева М. В.* Англицизмы в гражданском праве современного французского языка. . .87

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Лебедева А. А.* К вопросу о проблемах корректной передачи семантической конфигурации юридических терминов на другой язык 96
- Пономарева С. Н., Овчинников А. В.* О межъязыковой передаче зоонимов в переводах рассказов Дж. Хэрриота на русский и испанский языки 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Вековщица С. Н., Савченко Е. П.* «Значимые личности в языке и культуре»: международная конференция к 140-летию со дня рождения Вилема Матезиуса. . . 114
- Некролог 117

CONTENTS

THEORY OF LANGUAGE

T. Efimenko, L. Zurabova. Linguistic Interpretation of Advertisements in Media Discourse. . . . 6

GERMAN LANGUAGES

A. Averina. The Aspectual Potential of the Article and Case Forms in German 17

I. Arkhipova. Taxis Actualizer in English. 30

E. Gorbunova, I. Donskova, E. Pugina, L. Yashenkova. Semantic Peculiarities of Linguistic Means of Expression Modality in Fiction (Based on the Fairy Tale by Lewis Carroll "Alice's Adventures in Wonderland"). 38

O. Kolesnikova. Some Modal Verbs in Enantiosemy Syntax Constructions in German. . . 48

E. Razheva, N. Nurieva. Onomasiological Portrait of an Insect *Fly / Myxa* in English and Russian Lingvocultures 57

T. Romanova. General and Special Questions of Studying Special Vocabulary (By the Example of Special Vocabulary of Animation). 64

ROMAN LANGUAGES

E. Yu. Vorobyeva. The Dynamics of Color Semantics in the Space of the Consumer Society and the Interaction of Cultures. 79

M. Evseeva. Anglicisms in the Civil Law of the Modern French Language 87

COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

A. Lebedeva. On the Problem of Correct Legal Terminology Interlingual Semantic Transference 96

S. Ponomareva, A. Ovchinnikov. Interlingual Transfer of Zoonyms in Russian and Spanish Translations of Short Stories by James Herriot 106

ACADEMIC LIFE

S. Vekovischeva, E. Savchenko. "Significant Personalities in the Language And Culture": International Scientific Conference Dedicated To Vilém Mathesius (140th Jubilee) 114

Obituary. 117

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81.119

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-6-16

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Ефименко Т. Н., Зурабова Л. Р.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Подробно рассмотреть рекламные сообщения как жанр масс-медийного дискурса с точки зрения когнитивного подхода и выявить, на каких когнитивных механизмах основывается языковая интерпретация; определить типы языковой интерпретации.

Процедура и методы. Проанализированы рекламные сообщения англоязычного масс-медийного дискурса в интернете посредством использования лингвокогнитивного, аналитического методов и метода сплошной выборки рекламных сообщений на предмет выявления специфики языковой интерпретации.

Результаты. Языковая интерпретация рекламных сообщений как познавательная деятельность человека проявляется в трёх основных типах: селективном, классифицирующем и оценивающем. В качестве когнитивного основания языковой интерпретации выступают следующие когнитивные механизмы: концептуальная метафора и метонимия, инференция и использование названия компании как когнитивного контекста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обзор теоретической литературы, анализ практического материала и предложенные выводы способствуют развитию проблематики языковой интерпретации в рамках изучения различных жанров масс-медийного дискурса, в частности, рекламы. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов в спецкурсах по языкознанию, психо- и социолингвистике.

Ключевые слова: языковая интерпретация, когнитивные механизмы, реклама, масс-медийный дискурс

LINGUISTIC INTERPRETATION OF ADVERTISEMENTS IN MEDIA DISCOURSE

T. Efimenko, L. Zurabova

Moscow City University

Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd 4, build.1, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider in detail advertising messages as a genre of mass media discourse from the viewpoint of a cognitive approach and to identify the cognitive mechanisms on which language interpretation is based; to determine the types of language interpretation.

© CC BY Ефименко Т. Н., Зурабова Л. Р., 2022.

Methodology. The advertising messages of the English-language mass media discourse on the Internet are analyzed by using the linguo-cognitive, analytical methods and the method of continuous sampling of advertising messages in order to identify the specifics of linguistic interpretation.

Results. Linguistic interpretation of advertising messages as a human cognitive activity manifests itself in three main types: selective, classifying and evaluating. The following cognitive mechanisms serve as the cognitive basis of linguistic interpretation: conceptual metaphor and metonymy, inference and the use of the company name as a cognitive context.

Research implications. The review of theoretical literature, the analysis of practical material and the proposed conclusions contribute to the development of the language interpretation problem in the study of various genres of mass media discourse, in particular, advertising. The practical significance lies in the possibility of using the findings in special courses in linguistics, psycho- and sociolinguistics.

Keywords: linguistic interpretation, cognitive mechanisms, advertisement, media discourse

Введение

За последнее десятилетие вопросы рекламы, рекламных сообщений, текстов и рекламного дискурса в целом неоднократно становились предметом обсуждения во многих работах, что вполне объяснимо. Трудно представить себе современное общество (независимо от национальной и культурной принадлежности) без рекламы. Представляя определённый вид социального взаимодействия, реклама охватывает практически все сферы жизни современного социума, связана с различными видами деятельности людей. Рекламный текст и рекламный дискурс изучаются с позиции социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, медиалингвистики (Т. Г. Добросклонская [6], Х. Кафтанджиев [9], Е. В. Медведева [12], А. В. Олянич [13], М. В. Томская [14] и др.). Помимо информирования аудитории об объектах и событиях, реклама служит инструментом привлечения и удержания внимания аудитории, оказания определённого воздействия (с помощью различных стратегий и тактик), а именно: речевого воздействия и побуждения к каким-либо действиям. Такого рода воздействие предусматривает формирование общего эмоционального фона или настроения реципиента. «Эмоции выступают как наиболее глубокие факторы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира» [13, с. 321].

Актуальность проблематики данной работы обусловлена ролью рекламы, как жанра масс-медийного дискурса в формировании коллективной и индивидуальной концептуальной и языковой картин мира, концептуальной системы субъекта интерпретации окружающего мира. Представляется интересным и значимым рассмотрение рекламного сообщения с позиции выявления его смысловой составляющей, а именно участия когнитивных структур человеческого сознания в получении, структурировании, формировании и трансформации знаний о мире, т. е. интерпретации знаний. Материалом исследования послужили современные англоязычные рекламные сообщения в интернете.

Таким образом, цель данного исследования состоит в рассмотрении и выявлении способов языковой интерпретации рекламных сообщений с точки зрения когнитивного подхода. В задачи данной статьи входят 1) обзор теоретических трудов по исследованию рекламы как жанра масс-медийного дискурса, а также изучение интерпретации с точки зрения когнитивного подхода, 2) рассмотрение и анализ примеров рекламных сообщений и 3) выявление основных когнитивных механизмов интерпретации. Для реализации цели работы применяется метод лингвокогнитивного анализа, в рамках которого предполагается изучение коллективного знания, закреплённого в

языковых единицах, и индивидуального, полученного в результате личного опыта, при взаимодействии с окружающим миром. Именно такой опыт позволяет человеку по-разному конструировать и форматировать когнитивное содержание сообщения. Материалом данной работы послужили рекламные сообщения в интернете в количестве 100 единиц, которые были отобраны методом сплошной выборки. К сожалению, в рамках статьи не представляется возможным представить анализ всех примеров, поэтому в данной работе приводятся результаты анализа лишь нескольких рекламных сообщений.

Теоретические предпосылки исследования

Выступая определённым жанром масс-медийного дискурса, рекламные сообщения конструируют медиaproстранство и создают собственную модель «виртуальной» реальности. Реклама выполняет роль триггера в формировании восприятия и интерпретации мира, и служит механизмом моделирования ценностей массовой культуры. Как справедливо отмечает Н. Н. Трошина, реклама формирует «определённое когнитивное состояние у аудитории, вызывает у нее определенный отклик, конструирует / корректирует интенции» [15, с. 7]. Реклама оказывает информационное и эмоциональное влияние на людей, в результате чего происходит формирование определённого восприятия себя и социума [7, с. 10], оказывает воздействие на формирование коллективных и индивидуальных поведенческих моделей, в которых отражаются «важнейшие особенности восприятия и осмысления мира человеком» [2, с. 6].

Масс-медийный дискурс определяется как речемыслительное образование событийного характера, как социальная деятельность, в рамках которой основную роль играют «когнитивные образования, фокусирующие в себе различные

аспекты внутреннего мира языковой личности» [1, с. 10]. Образование любого дискурса концентрируется вокруг некоего обобщённого (обыденного понятия) прототипического знания (понимания), результатом чего становится создание определённого смыслового контекста, включающего информацию о субъекте, объекте, коммуникативной ситуации, событиях и их определённых обстоятельствах, оценке данного события.

Являясь одним из жанров масс-медийного или массово-информационного дискурса, реклама помогает систематизировать информацию, делает её доступной для когнитивной деятельности человека. С одной стороны, она облегчает процесс интерпретации информации (предоставляя когнитивный контекст), а с другой, преломляет интерпретацию, смещая модус нашего восприятия действительности, что обусловлено субъективным отношением автора к рекламируемому объекту или событию. Под интерпретацией событий рассматривают и процесс, и результат субъективного толкования события и предполагают некоторую степень свободы толкования смысла. При этом границы интерпретации обусловлены законами сематического соответствия и идеологическими факторами [6, с. 19].

Помимо двух основных функций (когнитивной и коммуникативной), как указывает Н. Н. Болдырев, язык реализует и интерпретирующую функцию, т. е. функцию интерпретации мира и знаний о мире. В процессе познания окружающей действительности, человек конструирует в своём сознании окружающий мир (объекты, события, их характеристики) и знания о мире, с учётом коллективного и индивидуального знания, своего опыта взаимодействия с миром. «В процессе конструирования человек опирается на общие (коллективные) и частные (индивидуальные) когнитивные схемы языковой интерпретации, к которым относятся: пропозициональные,

образно-схематические, метафорические и метонимические модели и структуры, концептуально-тематические области, лексические, грамматические и модусные категории и концепты, частные системы категоризации, индивидуально-авторские метафоры и образные сравнения» [4, с. 18–19].

Таким образом, с одной стороны, язык для человека является одним из инструментов познавательного процесса. С другой, язык имеет социальное значение, поскольку оказывает влияние на межличностные отношения говорящих. Любая языковая код имеет индексальный характер, поскольку указывает на набор прав и обязанностей, говорящих в процессе коммуникации [8, с. 296]. С помощью слов человек формирует свои представления о предметах, объектах, событиях и их основных свойствах. Следовательно, знания передаются в этих языковых формах и составляют смысл соответствующих языковых выражений. «Знания и смыслы кодируются в языке, поскольку все знания передаются преимущественно в языковой форме» [5, с. 170].

Методология исследования

В основе интерпретации лежат два основных процесса познания: концептуализация и категоризация мира. Люди по-разному структурируют и трактуют одни и те же события в своём сознании, моделируют ситуации. При этом по мере поступления информации человек трансформирует или формирует заново когнитивное содержание с помощью языка. Возникает новое знание, которое можно назвать совокупным знанием (новое знание + имеющееся знание, которое было получено в результате взаимодействия с окружающим миром и его познания). Познавая мир, человек сам выбирает объект концептуализации, категоризации и языковые средства его репрезентации. Рассуждая о категоризации, Дж. Лакофф подчёркивает, что это есть «продукт человеческого опыта и воображения, восприя-

тия, двигательной активности и культуры, а с другой стороны, метафоры, метонимии и ментальной образности» [11, с. 23].

Нельзя не согласиться с той точкой зрения Е. С. Кубряковой, что «человек каждый раз заново формирует смыслы и выбирает средства их репрезентации, используя, в том числе, собственный языковой опыт, а не строит свои высказывания по готовым моделям» [10]. Стоит отметить, что собственный опыт есть совокупность коллективного и индивидуального знания о событии или объекте. Репрезентация раскрывает особенности восприятия, осмысления и интерпретацию окружающего мира на концептуальном и языковом уровнях. В. З. Демьянков характеризует интерпретацию как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий»¹. Интерпретация представляет собой сложное понятие и рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле, подчёркивает Н. Н. Болдырев, интерпретация трактуется как «любая мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного уровня, в то время как в узком понимании под интерпретацией следует понимать языковую познавательную активность преимущественно отдельного индивида; результатом данной деятельности выступает репрезентация его субъективного понимания объекта и событий, их характеристик» [5, с. 253].

Человеческое сознание представляет собой определённую структуру или систему знаний и представлений об окружающем мире, состоящую из взаимосвязанных элементов (квантов) знания. Для эффективной и слаженной работы любой системы, в том числе и когнитивной, структурирование знаний является необходимым условием, поскольку не-

¹ Демьянков В. З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 31.

структурированное сознание не может успешно функционировать и усваивать поступающую информацию, не сможет распознать, интерпретировать и соотнести новую информацию с уже имеющимися знаниями. Наше сознание можно сравнить с калейдоскопом (поворачивая калейдоскоп, мы всякий раз получаем новую картинку) – получая новое знание о событии, объекте или ситуации, мы каждый раз «настраиваем» наше сознание на восприятие поступающей информации, мы соотносим новую информацию с уже имеющимися знаниями, другими словами, в сознании человека формируются, структурируются и схематизируются новые знания и трансформируются старые. Таким образом, интерпретация – это всегда взаимодействие коллективного и индивидуального знания. Данное положение будет выступать в качестве основной концепции при анализе практического материала в данной работе.

Интерпретация мира (а значит, всех событий и объектов, существующих в мире) рассматривается с точки зрения когнитивной лингвистики как «процесс и результат субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира» [3], учитывая коллективный и индивидуальный опыт взаимодействия с миром. В зависимости от вектора взаимодействия языкового знака с внешним, окружающим миром и концептуальной системой человека разделяют два основных вида интерпретации: первичная (взаимодействие языкового знака с внешним миром) и вторичная (направленная на взаимодействие языкового знака с концептуальной системой человека). Следовательно, в качестве «объекта языковой интерпретации выступает либо сам окружающий мир (первичная интерпретация), либо знания о мире (вторичная интерпретация), вербализованные языковыми единицами.

В первом случае целью интерпретации является отражение многообразия

объектов, событий и особенности их восприятия человеком, как представителем определённого социума, а во втором случае подразумевается интерпретация (толкование) уже имеющихся знаний для уточнения, классификации или оценки события в соответствии с индивидуальной концептуальной системой конкретного человека» [4, с. 13]. При этом и первичная, и вторичная языковые интерпретации могут носить как общий, так и частный характер.

Результатом общей первичной интерпретации выступает категоризация объектов и событий на базовом уровне, в то время как общая вторичная интерпретация проявляется в субъективной интерпретации знаний о мире, в оценке этих событий и объектов с учётом коллективных ценностей, оценок и норм. Частная первичная интерпретация связана с дифференциацией объектов и событий (автомобиль – различные марки автомобиля, например). Частная вторичная интерпретация фокусирует внимание на субъективной оценке человека в отношении объекта или события, его характеристик и свойств с точки зрения личностных норм, шкал оценок и ценностей [5, с. 262]. Н. Н. Болдырев совершенно справедливо подчёркивает, что интерпретация «заложена в самой системе языка и по-разному проявляется в его структуре, в его категоризации и в когнитивном основании, которое выступает в качестве когнитивного контекста реализации интерпретирующей функции языка» [там же, с. 263]. На когнитивном и языковом уровнях первичная языковая интерпретация находит своё отражение в концептуально-тематических областях и лексических категориях, которые представляют собой коллективные когнитивные схемы. «Сочетание лексических категорий и концептуально-предметных областей из разных предметных областей даёт право говорить о развитии у языковых единиц вторичных (интерпретационных значений), то есть вторичной

языковой интерпретации коллективных когнитивных схем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека» [там же, с. 263]. Следовательно, наличие общей и частной интерпретации даёт право говорить об общих и частных когнитивных схемах или моделях языковой интерпретации. «Общие схемы носят универсальный характер и связаны со структурированием языка и сознания. Такие схемы представлены концептами, категориями и пропозициями, которые служат инструментом формирования концептуальной системы человека как представителя определенного социума» [там же, с. 300], т. е. речь идёт о коллективном знании. «Частные когнитивные схемы передают структурную специфику концептуальной системы конкретного человека, индивидуальные способы структурирования информации и дискурса» [там же], и здесь акцентируется внимание на индивидуальном знании.

Наряду с общей и частной интерпретацией, выделяют селективную, классифицирующую и оценивающую, которые, в свою очередь, реализуют функции: селекции, классификации и оценки. «Селективная функция состоит в выборочной концептуализации и репрезентации мира в сознании человека» [5, с. 257] как представителя определённого социального коллектива (национального / профессионального) и находит своё отражение в структуре языковой картины мира человека, как субъекта интерпретации. «Классифицирующая функция предусматривает классификацию объектов, формирование абстрактных понятий и номинаций для создаваемых классификаций. Оценивающая функция обусловлена субъективной оценкой человека в отношении объектов и событий окружающего мира с учетом коллективных норм, оценок и ценностей, принятых в рамках той или иной культуры» [там же].

Учитывая основной постулат когнитивной лингвистики, что в процессе познания окружающего мира и себя в этом

мире, человек познаёт мир (процесс концептуализации), классифицирует объекты в соответствии с их характеристиками (процесс категоризации) и интерпретирует знания (процесс интерпретации) в соответствии с уже имеющимися знаниями об этих объектах или событиях, формируется концептуальная система каждого человека [3; 4; 5]. Следовательно, для успешного понимания в процессе общения необходимо установление соответствий между концептуальными сущностями (элементами концептуальных систем) в сознании говорящего и слушающего. Такие соответствия достигаются посредством использования определённых языковых единиц и структур, которые и формируют необходимые смыслы. Учитывая, что значение слова не равно передаваемому концепту, в сознании говорящего и слушающего одним и тем же словам могут соответствовать разные концептуальные сущности, т. е. разное концептуальное наполнение. Очень часто люди используют слова и выражения, не учитывая все их значения (словарные дефиниции), а прибегая к использованию операционных концептов и концептуальных признаков. Как справедливо отмечает Ж. Фоконье, «Язык – это только верхушка когнитивного айсберга» [16, р. 96], остальное мы домысливаем сами, интерпретируя по-своему и конструируя смысл, основываясь на имеющемся коллективном и индивидуальном знании.

Основная функция когнитивных механизмов – трансформирование исходного смысла и формирование нового. В основе формирования смысла лежат определённые когнитивные механизмы: профилирование, фокусирование, ориентация на нормы, идеалы, стереотипы, коллективные ценности, а также различные способы вторичной репрезентации исходного концептуального содержания [5, с. 189]. Такого рода механизмы получили название «концептуальной деривации», поскольку формирование нового смысла происходит в результате того или

иногое способа интерпретации исходного вербализованного знания» [там же]. К когнитивным механизмам вторичной репрезентации знания относятся: концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная интеграция, инференция, импликация и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Принимая во внимание вышеуказанные теоретические положения, можно сказать, что рекламные сообщения представляют собой примеры общей вторичной языковой интерпретации, т. е. коллективного знания об объектах и событиях окружающего мира. Представляется необходимым и интересным рассмотреть, какие когнитивные механизмы, используемые в рекламных сообщениях, служат основанием языковой интерпретации.

В рекламе, как и многих других социальных сферах, отражаются все социальные изменения. Пандемия, во время которой большая часть населения вынуждена была работать онлайн, стала причиной возникновения нового требования к интернет-рекламе: *e.g. Zoom aesthetic* – эстетика Zoom¹. Данное рекламное сообщение представляет собой пример общей вторичной языковой интерпретации, поскольку, во-первых, ориентировано на коллективное знание людей как представителей определённого социального коллектива, во-вторых, связана с вторичной концептуализацией и вторичной категоризацией. В качестве первоначальных знаний о платформе Zoom выступало понимание как о специализированной программе, позволяющей проводить встречи и совещания онлайн. Данное выражение (*Zoom aesthetic*) демонстрирует развитие вторичной языковой интерпретации, ос-

нованное на инференции, поскольку для интерпретации требуется привлечение дополнительного знания, а именно «эстетически, красиво, презентабельно выглядеть». В результате вторичной концептуализации и категоризации первичное знание реконструируется и формируется новое: 1) *how to look aesthetic while working from home* и 2) *to make the Internet advertisement pleasant to look at*, которое подразумевает соблюдение определённых принципов привлечения внимания к той или иной рекламе. Известно, что во время пандемии многие рекламные ролики отличались мрачностью, и создатели рекламы решили использовать новый подход. В результате чего появились новые рекламы, которые получили название *Zoom aesthetic*, доказывая, что эффективная реклама способна удивлять, вдохновлять, восхищать.

Рассмотрим следующий пример рекламы, который также связан с работой на платформе Zoom: *e.g. Groom the Zoom. Who said Zoom can't be beautiful?* Согласно словарной дефиниции, глагол *to groom* имеет значения 1) *to clean animal, often by brushing its fur*, 2) *to make the surface smoother, flatter or harder so it is easier to ski on*; 3) *to prepare someone for a special job or activity*². Данное выражение представляет собой пример метафорической интерпретации, поскольку в качестве когнитивного механизма выступает концептуальная метафора *groom the zoom*, обозначающая «предварительную подготовку и настройку платформы Zoom для работы» (например, установку фона). Интерпретируя данное рекламное сообщение, человек выбирает в своём сознании определённые единицы знания о данной платформе, её свойствах, т. е. апеллирует к своим первичным знаниям. Здесь языковая интерпретация реализует селективную функцию, т. е. мы можем говорить о селективном типе интерпретации. Опи-

¹ Здесь и далее примеры рекламных текстов приводятся из материалов обзора: McLaughlin A. The best ads of 2020 // *Creative Review* : [сайт]. URL: <https://www.creativereview.co.uk/the-best-ads-of-2020/> (дата обращения: 20.10.2021).

² См.: *groom* // *Cambridge Dictionary* : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/groom> (дата обращения: 20.10.2021).

раясь на свои первичные знания, представители данного социума (люди, которые работают с этой платформой) формируют новое знание об особенностях работы с данной платформой (каким образом её можно использовать / настроить), другими словами, происходит вторичная языковая интерпретация и формирование коллективной концептуальной системы и языковой картины мира.

Ещё одним примером метафорической интерпретации является рекламное сообщение e.g. *Keep your eyes on the new* – реклама автомобиля Audi. Предполагается, что в данном примере используются два когнитивных механизма. Первым механизмом, способствующим конструированию смысла, является концептуальная метафора *keep your eyes on* – ‘следите за’ (в данном случае за новинкой), а вторым механизмом выступает название компании Audi, без которого интерпретация могла быть не совсем верной, поскольку такое рекламное сообщение можно было бы применить к любому продукту, появление которого ожидается на рынке.

Похожим примером может быть и рекламная кампания известной кофейни Starbucks: e.g. *Starbucks, Every name's a story*. На первый взгляд, в качестве когнитивного механизма здесь также выступают концептуальная метафора (*name's a story*) и название компании *Starbucks*. Однако для точной интерпретации данного рекламного сообщения необходимо дополнительное знание, а именно: компания Starbucks известна тем, что пишет имена своих клиентов на стакане с кофе, подчёркивая свою ориентированность на каждого покупателя. Подразумевается, что каждое имя, написанное на стакане с кофе, – это история из жизни определённого человека. Следовательно, языковая интерпретация данного рекламного сообщения в своём основании опирается на 3 когнитивных механизма: концептуальная метафора, инференция и название компании.

Использование концептуальной метафоры *blow your mind away* и названия самой компании *Burger King* с целью развития вторичной интерпретации наблюдается и в рекламе компании *Burger King*: e.g. *It'll blow your mind away (Burger King)*. В данном примере когнитивным механизмом языковой интерпретации выступает метафорическая интерпретация, в частности классифицирующий тип метафорической интерпретации, который предполагает использование метафорических средств для обозначения чувств и эмоций.

Основой для языковой интерпретации в примере: e.g. *Burger King, Moldy Whopper. The beauty of no artificial preservatives*, выступает концептуальная метафора *the beauty of no artificial preservatives*, без использования которой возникает когнитивный диссонанс – зачем рекламируют заплесневелый гамбургер? Однако использование далее концептуальной метафоры способствует формированию правильного смысла, она выступает своеобразным вектором интерпретации; определяет продукт в категорию качественных продуктов без искусственных консервантов. Следовательно, так же, как и предыдущем примере, когнитивным механизмом выступает классифицирующий тип метафорической интерпретации.

В качестве когнитивного механизма конструирования смысла и интерпретации, в следующем примере рекламы британской сети строительных магазинов B&Q используется концептуальная метонимия: e.g. *Build your life. You don't buy a life. You build one* – построй сам свою жизнь, не покупай её. Предполагается, что концептуальная метонимия строится по принципу: специфика компании (функция компании) – призыв к определённому стилю жизни, а именно: строительные магазины призывают строить свою жизнь самим.

Заклучение

Проведённый анализ практического материала показывает, что несмотря на то, что в данных рекламных сообщениях нет прямого указания на оценку продукта или товара (как объекта интерпретации), имплицитно она всё же прослеживается: в некоторых рекламных сообщениях рекламируются качественные, новые товары, в других содержится призыв к действию, подразумевающий переход на качественно новый уровень жизни. Следовательно, можно сделать вывод, что языковая интерпретация рекламных сообщений представлена 3 типами: селективной, классифицирующей и оценочной. Интерпретируя рекламное сообщение, человек как представитель определённого социума выбирает в своём сознании те единицы знания об объекте (в данном случае о товаре, услуге) окружающего его мира, которыми он владеет, т. е. происходит выборочная концептуализация, а значит – реализуется селективная функция интерпретации. Классифицирующий тип

языковой интерпретации подразумевает апеллирование к определённым эмоциям и чувствам субъекта интерпретации, а также «распределение товаров по категориям» (вкусные, полезные, качественные, новые), что явно прослеживается в рекламных сообщениях. И, наконец, имплицитно выраженная оценка товаров и услуг как объектов интерпретации указывает на оценочный тип языковой интерпретации.

Таким образом, языковая интерпретация рекламных сообщений как познавательная деятельность человека может проявляться в трёх основных типах: селективном, классифицирующем и оценочном. В качестве когнитивного основания языковой интерпретации выступают следующие когнитивные механизмы: концептуальная метафора, концептуальная метонимия, инференция и использование названия компании как когнитивного контекста.

Дата поступления в редакцию 11.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Вып. 7. Ставрополь: Ставропольский гос. пед. ин-т, 2009. С. 7–17.
2. Афанасьева О. В. Имена прилагательные в системе кардинальных частей речи английского языка. М.: Центральный НИИ конструктивных материалов «Прометей», 1992. 95 с.
3. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (93). С. 9–16.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 10–20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20
5. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018. 480 с.
6. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция: Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар : сборник научных работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 13–22.
7. Ефименко Т. Н., Идилова И. С. Гендерная идентичность в рекламном дискурсе // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук : сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению / под ред. К. М. Барановой, О. Г. Чупрыны. М.: Принтика, 2021. С. 5–11.
8. Зурабова Л. Р. Коммуникативно-прагматический аспект переключения языковых кодов: стратегии и функции // Человек в информационном пространстве : сборник научных статей. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 292–298.
9. Кафтаджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации. М.: Эксмо, 2005. 85 с.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
12. Медведев Е. В. Рекламная коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2016. 304 с.
13. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
14. Томская М. В. Рекламный дискурс в гендерном аспекте (аналитический обзор) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 17 (703). С. 95–108.
15. Трошина Н. Н. О языке средств массовой информации: к постановке вопроса // Язык средств массовой информации : сб. обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2007. С. 5–13.
16. Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. P. 95–124.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. [Cognitive-discursive paradigm of a linguistic sign]. In: *Yazyk. Tekst. Diskurs. Vip. 7* [Language. Text. Discourse. Iss. 7]. Stavropol, Stavropol State Pedagogical University Publ., 2009, pp. 7–17.
2. Afanas'eva O. V. *Imena prilagatel'nyye v sisteme kardinal'nykh chastey rechi angliyskogo yazyka* [Adjectives in the system of cardinal parts of speech in English]. Moscow, Central Research Institute of Structural Materials "Prometheus" Publ., 1992. 95 p.
3. Boldyrev N. N. [The role of an interpretative function in linguistic category formation]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2011, no. 1 (93), pp. 9–16.
4. Boldyrev N. N. [Cognitive schemas of linguistic interpretation]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2016, no. 4 (49), pp. 10–20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20
5. Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. Moscow, YASK Publ., 2018. 480 p.
6. Dobrosklonskaya T. G. [News discourse as an object of media linguistic analysis]. In: *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: Aktual'nyye problemy sovremennoy mediallyngvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom: II Mezhdunarodnyy nauchnyy seminar : sbornik nauchnykh rabot* [Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education: II International scientific and practical conference: Actual problems of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad: II International scientific seminar : collection of scientific papers]. Belgorod, Belgorod State University Publ., 2016, pp. 13–22.
7. Efimenko T. N., Idilova I. S. [Gender Identity in Advertising Discourse]. In: *Yazyk i literatura v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk* [Language and Literature in the Problems of Modern Humanities]. Moscow, Printika Publ., 2021, pp. 5–11.
8. Zurabova L. R. [The communicative-pragmatic aspect of switching language codes: strategies and functions]. In: *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [Man in the information space]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 292–298.
9. Kaftandzhiev Kh. *Garmoniya v reklamnoy kommunikatsii* [Harmony in advertising communication]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 85 p.
10. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p.
11. Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i opasnyye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kniga 1: Razum vne mashiny* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Book 1: The Mind Out of the Machine]. Moscow, Gnozis Publ., 2011. 512 p.
12. Medvedev E. V. *Reklamnaya kommunikatsiya* [Advertising communication]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 304 p.
13. Olyanich A. V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 407 p.

14. Tomskaya M. V. [Advertising discourse from a gender perspective (analytical review)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2014, Iss. 17 (703), pp. 95–108.
 15. Troshina N. N. [On the language of the media: to the formulation of the question]. In: *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the mass media]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2007, pp. 5–13.
 16. Fauconnier G. Methods and Generalizations. In: *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1999, pp. 95–124.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефименко Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: tefimenko@mail.ru;

Зурабова Лана Руслановна – старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: zurabovalr@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Efimenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Institute of foreign languages, Moscow City University; e-mail: tefimenko@mail.ru;

Lana R. Zurabova – Senior Lecturer, Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City University; e-mail: zurabovalr@mgpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ефименко Т. Н., Зурабова Л. Н. Языковая интерпретация рекламных сообщений в масс-медийном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 6–16.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-6-16

FOR CITATION

Efimenko T. N., Zurabova L. R. Linguistic interpretation of advertisements in media discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 6–16.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-6-16

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-17-29

АСПЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРТИКЛЯ И ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аверина А. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель – описать контекстуальные условия, при которых выбор говорящим определённого артикля и падежной формы в немецком языке влияет на аспектуальную интерпретацию глагола в предложении.

Процедура и методы. Для проведения исследования были использованы данные веб-корпусов DWDS, ENCOW 16 и DECOW 16A. В отдельных случаях примеры приводились из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Анализ осуществлялся посредством использования описательного метода, метода компонентного анализа и сопоставительного метода. Описательный метод был использован для интерпретации примеров; метод компонентного анализа и сопоставительный метод позволили определить типичный для видового артикля контекст.

Результаты. Показано, что видовая функция немецкого артикля находит реализацию в следующих условиях: (1) предикат маркирует будущее, прошедшее время или является составным, включающим изменяемую форму глагола и инфинитив; (2) имя существительное относится к неисчисляемым (абстрактные, вещественные); (3) имя существительное относится к классу исчисляемых и имеет форму множественного числа; (4) предикат является аспектуально двузначным, т. е. способным маркировать предельность / неопределённость в зависимости от контекстуального окружения и (5) имя существительное выступает в роли ремы. Падежная семантика влияет на аспектуальную интерпретацию глагола, если имя существительное – обстоятельство места в сочетании с предлогом, а предикат аспектуально двузначен. В этом случае использование имени существительного с предлогом в форме дательного падежа позволяет интерпретировать глагол как передающий значение несовершенного вида, в форме винительного — значение совершенного вида.

Теоретическая и практическая значимость определяется тем, что в работе описаны условия реализации аспектуальной функции артикля и падежа. Полученные результаты могут найти применение на занятиях по теоретической и практической грамматике немецкого языка.

Ключевые слова: аспектуальность, артикль, падеж, определенность, неопределённость, немецкий язык

THE ASPECTUAL POTENTIAL OF THE ARTICLE AND CASE FORMS IN GERMAN

A. Averina

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the contextual conditions under which the speaker's choice of a definite article can influence the aspectual interpretation of the verb in the sentence.

Methodology. To conduct the study, data from the German corpora DWDS, ENCOW 16, and DECOW 16A was used. In some cases, examples were given from a parallel subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. The analysis was carried out by using the descriptive method, the method of component analysis and the comparative method. The descriptive method was used to interpret the examples; the method of component analysis and the comparative method allowed us to determine the context typical for the generic article.

Results. It is shown that the generic function of the German article finds realization under the following conditions: (1) the predicate marks the future, the past tense, or is a compound, including the variable form of the verb and the infinitive; (2) the noun refers to the uncountable (abstract, real); (3) the noun can belong to the class of countable, but must have the plural form; (4) the predicate is aspectually two-valued, i.e. capable of marking the limit / non-limit depending on the contextual environment and (5) the noun belongs to the rhema of the utterance. Case semantics affects the aspectual interpretation of a verb if the noun acts as a circumstance of a place in combination with a preposition, and the predicate is aspectually ambiguous. In this case, the use of a noun with a preposition in the form of the dative case allows us to interpret the verb as that in the non-perfect aspect, in the form of an accusative - as in the perfect aspect.

Research implications. The paper describes the conditions for the implementation of the aspectual function of the article and the case. The results obtained can be used in the classes on theoretical grammar of the German language.

Keywords: aspectuality, article, case, definiteness, indefiniteness, the German language

1. Введение

В центре внимания данной работы – аспектуальный потенциал определённого артикля и некоторых падежных форм в немецком языке. Сам по себе артикль относится к категории хорошо исследованных и не вызывающих спорных вопросов: в традиционных немецких грамматиках не существует больших расхождений относительно функций артикля. Так, в грамматике Duden значит: «*Определённый артикль используется в случае, если обозначаемый именем существительным объект является определённым. Определённость означает, что говорящий и собеседник идентифицируют его одинаково и он известен обоим*»¹. В классической не-

мецкой грамматике Э. Хенчель и Х. Вайдта определённому артиклю приписывается идентифицирующая функция [13, S. 206]. Аналогично интерпретируется и назначение английского определённого артикля. В качестве примера можно привести следующие высказывания грамматистов:

– «*определённый артикль идентифицирует уже известные предметы*» [6, с. 31];

– определённый артикль как отдельный класс операторов служит для того, чтобы дать сигнал слушающему, что объект, к которому осуществляется референция, «*является членом соответствующе-*

stimmt' ist. ‚Bestimmt' meint dabei, dass Sprecher und Hörer es in gleicher Weise identifizieren; es ist beiden bekannt“ [12, S. 314].

¹ В оригинале: „Der bestimmte Artikel ist zu wählen, wenn das vom Substantiv bezeichnete Objekt ‚be-

го прагматически определимого набора» [11, с. 195]; он способствует оформлению «сверхфразового единства и сложной синтагмы фокусного объекта, которым является существительное» [5, с. 84].

Кроме идентифицирующей функции определённый артикль обладает ещё одним свойством, на которое в своё время уже обратили внимание исследователи: немецкий германист Э. Лайсс [16] и отечественный лингвист К. Г. Крушельницкая [9, с. 52], – речь идёт об аспектуальном потенциале артикля, т. е. способности передавать видовую семантику. В своей работе Э. Лайсс [16] обозначает артикль в видовой функции как определяющий (*Definitartikel*), а артикль, указывающий на известную информацию, – как анафорический (*der anaphorische Artikel*). В данной публикации во избежание терминологической путаницы будут использованы термины *видовой* (или *детерминирующий*¹) и *анафорический артикль*. В обоих случаях речь идёт только об определённом артикле (*der, die* или *das* в единственном и *die* во множественном числе).

По предварительным наблюдениям, видовой артикль встречается не в любом контекстуальном окружении. Чаще всего определённый артикль в немецком языке выполняет анафорическую функцию – по всей видимости, этим и объясняется преобладающее большинство работ, в которых именно этот аспект получает подробное описание [1; 3; 4; 10]. Определённым аспектуальным потенциалом обладают и падежные формы. Поскольку в немецком языке отсутствуют видовые пары глагола, семантика вида может быть передана средствами именной системы. В этой связи существует

¹ По мнению некоторых исследователей, определённый артикль относится к детерминативам и может маркировать как определённую, так и неопределённую (см., например, [2]). В данной работе под детерминативной функцией понимается исключительно определённая, маркированная определённым артиклем. Немецкий исследователь Х. Фатер относит к детерминативам только определённый артикль [18].

потребность в исследовании контекстуальных условий функционирования видового артикля в современном немецком языке, в выявлении взаимосвязи между употреблением определённого артикля и аспектуальной характеристикой глагола, а также в описании аспектуального потенциала падежных форм. Это может, во-первых, послужить основой для проведения дальнейших типологических исследований, а, во-вторых, позволит увидеть скрытые грамматические свойства немецкого определённого артикля, что, в свою очередь, и определяет актуальность проводимого нами исследования.

Цель данной работы заключается в том, чтобы описать контекстуальные условия, при которых выбор говорящим определённого артикля и падежной формы в немецком языке влияет на аспектуальную интерпретацию глагола в предложении. Цель определила следующие задачи:

- дать краткое описание функций определённого артикля в древневерхне-немецком;
- показать, что детерминированность / недетерминированность можно рассматривать как базу построения грамматической системы языка в целом;
- описать типы контекстов, характерных для употребления детерминирующего (видового) артикля в современном немецком языке;
- рассмотреть аспектуальный потенциал падежных форм в немецком языке;
- сопоставить аспектуальный потенциал немецкого артикля с таковым в английском языке.

Теоретической базой послужили работы М. Л. Котина [14], В. Б. Кашкина [7; 8], К. Г. Крушельницкой [9], Э. Лайсса [16], О. И. Москальской [17] и других лингвистов. Для проведения исследования были использованы данные корпусов: веб-корпуса DWDS, ENCOW 16, DECOW 16A, а также примеры, отобранные из художественной литературы и параллельного подкорпуса Националь-

ного корпуса русского языка. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. В процессе анализа были использованы следующие методы: описательный, посредством которого была дана интерпретация примеров; метод компонентного анализа и сопоставительный метод, что позволило определить типичный для анафорического и видового артикля контекст. В некоторых случаях для демонстрации видовой семантики, выраженной в немецком предложении, были использованы параллельные тексты из Национального корпуса русского языка. Это позволило наглядно продемонстрировать скрытые видовые значения в немецких высказываниях.

2. Основная часть

2.1. Функции артикля в древневерхненемецком в концепции Э. Лайсс¹

Работы по истории немецкого языка показывают, что в древневерхненемецком определённый артикль имел место, в то время как неопределённый как таковой ещё отсутствовал. В этой связи

можно привести наблюдения О. И. Москальской, что определённый и неопределённый артикль на данном этапе развития языка не образуют какой-либо оппозиции [17, S. 98].

Э. Лайсс анализирует в своей работе грамматическую систему древнеисландского, готского и древневерхненемецкого и обращает внимание на то, что большее сходство проявляют готский и древневерхненемецкий. Готский язык она рассматривает как язык с развитой видовой системой, древневерхненемецкий в период с VII по XI в. представляет собой языковую систему с постепенным исчезновением видов (Э. Лайсс характеризует видовую систему древневерхненемецкого как несовершенную²) и сохранившую приставочные глаголы; древнеисландский XII и XIII вв. уже был полностью лишён приставочных глаголов. В древневерхненемецких текстах артикль встречается там, где он не может быть употреблён в древнеисландском и готском: так, на следующем примере, приведённом в табл. 1, Э. Лайсс показывает, что функция артикля – сигнал тема-рематического членения:

Таблица 1 / Table 1

Перевод с латинского на древневерхненемецкий текстов из Татиана / Translation from Latin into Old High German of texts from Tatian

Latein In principio erat uerbum & uerbum erat apud deum. ^c & deus erat uerbum ,	Althochdeutsch In aniginne uua uuort Inti thaz uuort uuas mit gote. Inti got selbo uuaz thaz uuort ,	Neuhochdeutsch Im Anfang war das Wort , und das Wort war bei Gott, und Gott war das Wort
--	--	--

Источник: Э. Лайсс [16, S. 161].

В первой строке при первом использовании имени существительного *uuort* / *Wort* отсутствует определённый артикль. Он появляется в двух случаях в последующем тексте и служит для маркировки тема-рематической прогрессии. Слово *gote* / *Gott* использовано без артикля – оно относится к именам существительным, обозначаю-

щим единственные в своём роде явления. Аналогичные случаи Э. Лайсс описывает и на других примерах из древневерхненемецкого [16, S. 162]. Особый интерес в этой связи представляет наблюдение Э. Лайсс, что абстрактные имена существительные фактически не используются с определённым артиклем (см. табл. 2).

¹ Согласно работе Leiss E. "Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit" [16].

² В оригинале: „das noch rudimentär vorhandene Aspektsystem“ [16, S. 160].

Таблица 2 / Table 2

Перевод с латинского на древневерхненемецкий текстов из Татиана / Translation from Latin into Old High German of texts from Tatian

Latein	Althochdeutsch	Neuhochdeutsch
Si ergo lumen quod in te est tenebre sunt. , ipse tenebre quantæ erunt	oba thaz liot thaz thar in thir ist finstarnessi ist. Thiu finstarnessiu uuvo mihillu sint	Wenn nun das Licht in dir Finsternis ist, wie groß muss dann die Finsternis sein!

Источник: Э. Лайсс [16, S. 163].

Интерпретируя пример, Э. Лайсс показывает, что указательное местоимение *thiu* используется не как анафорический артикль, а именно как указательный маркер, т. е. дейктик. По её наблюдениям, из 18 случаев употребления слова *finstarnessi / Finsternis* лишь в трёх перед ним использован артикль, который при этом выполняет лишь указательную, а не анафорическую функцию. Э. Лайсс пишет о следующих закономерностях:

– в древневерхненемецких текстах определённый артикль имеет место в большинстве случаев перед именами существительными мужского рода, гораздо реже – перед существительными женского и среднего рода. Как правило, к существительным мужского рода относятся исчисляемые имена существительные, что и объясняет выявленную закономерность;

– детерминирующий артикль находит своё повсеместное использование в тех случаях, когда глаголы не имеют аспектуальной пары¹.

Второе наблюдение Э. Лайсс представляется значимым для дальнейшей интерпретации видовых функций артикля.

Э. Лайсс называет вид и аспект фено-типами² одной и той же грамматической категории. Фенотипы – универсальные языковые функции, которые в процессе

¹ В оригинале: „Überall dort, wo gi-Verben keine vollständig lexikalisch synonymen Aspektpartner zum Simplex darstellen, springt der definite Artikel regulär ein“ [16, S. 182].

² Фенотип – совокупность характеристик, присущих индивиду на определённой стадии развития; в данном случае речь идёт о грамматических характеристиках конкретного языка.

грамматической реорганизации становятся стабильными. Если эта функция реализуется в глагольном окружении, возникает категория вида; в именном – категория артикля. Они описаны в грамматической традиции посредством различных терминов и предстают как различные категории, хотя на самом деле являются различными формами репрезентации одной категории [16, S. 239].

Таким образом, как видно из анализа концепции Э. Лайсс, употребление определённого артикля в древневерхненемецком обусловлено, во-первых, маркировкой темы, а во-вторых – отсутствием аспектуальной пары глагола. М. Л. Котин, анализируя обширный фактический материал готского языка, приходит к выводу, что наблюдения Э. Лайсс подтверждают генетическое родство глагольного вида и детерминированность имени в раннегерманском [14, S. 60]. Остановимся подробнее на теоретическом обосновании существования анафорического и детерминирующего (видового) артиклей в современном немецком языке.

2.2. Анафоричность и детерминированность в концепции Э. Лайсс и В. Б. Кашкина³

В основе славянской категории вида в славянских языках и артикля в германских языках лежит категория детерминированности / недетерминированности (*die Kategorie der Determiniertheit / Indeterminiertheit*) – она может быть представ-

³ Согласно работе Кашкина В. Б. «Функциональная типология (неопределенный) артикль» [8].

лена как исходная база построения всей грамматической системы языка в целом:

«Становится понятным, какое значение имеет категория детерминированности / недетерминированности для построения грамматики. Эта категория является составляющей самого знака. Она не может быть производной от другой основополагающей категории, так как представляет собой исходную базу, на которой строится любая грамматическая система»¹.

Универсальная категория детерминированности / недетерминированности может находить своё материальное воплощение в категориях глагола и имени. Э. Лайсс показывает, что глагол и имя существительное могут получить интерпретацию с позиции внешней и внутренней перспективы. Перспектива – взгляд на явление с позиции говорящего. В случае с внутренней перспективой события предстают как длящиеся (речь идёт об актуализации в глаголе неопределённости – например, *lieben*), а объекты окружающего мира не обладают свойством целостности (например, абстрактные и неисчисляемые имена существительные, такие, как *die Liebe, die Dunkelheit*); внешняя перспектива, напротив, является характеристикой действия / объекта с позиции его целостности. Она характерна для исчисляемых имён существительных, таких, как, например, *Baum, Haus, Bleistift*. Позиция наблюдателя в случае их употребления локализована вне их, благодаря чему предмет воспринимается как нечто целое. Признак целостности связан с контурностью, т. е. определённой. То же самое характерно и для глаголов (например, *aufstehen, einschlafen*). Таким образом, для существительных с внешней

перспективой характерна целостность, что находит своё выражение в свойствах исчисляемости, для глаголов – предельность [15, S. 50; 16, S. 143].

Чёткое представление о типе кодированной в глаголе и в имени существительном перспективы позволяет понять, в каких типах контекстов имеет место анафорический, а в каких – детерминирующий, или видовой артикль. Анафорическое отношение предполагает, что имеет место отсылка к той информации, которая была изложена ранее, или к той информации, которая ясна из контекста. Условием реализации детерминирующего (видового) артикля является его использование перед именем существительным в позиции ремы, т. е. только в этом случае он выполняет видовую функцию:

«Между определённым артиклем и анафорическим артиклем существует значительная разница. Анафора имеет отношение к известной и тем самым к подразумеваемой информации. Определённый артикль служит для выделения рематической и новой информации»².

Соответственно, с совершенным видом можно соотносить только детерминирующий артикль, но никак не анафорический³.

Согласно Э. Лайсс в одних языках определённость кодирована в глаголе, в других – в имени. Схожую позицию можно проследить и в работах отечественного исследователя В. Б. Кашкина [7; 8]: он показывает, что перфектность / неперфектность в одних языках и определённость / неопределённость имени в других языках являются составляющими единого смыслового континуума, т. е. речь идёт

¹ В оригинале: „Es wird deutlich, welche Bedeutung die Kategorie der Determiniertheit / Indeterminiertheit für den Aufbau der Grammatik hat. Diese Kategorie ist eine konstitutive Eigenschaft des Zeichens selbst. Sie lässt sich nicht von einer anderen, grundlegenden Kategorie ableiten, da sie selbst die Ausgangsbasis darstellt, auf der jegliche grammatische Architektonik aufbauen muss“ [16, S. 7].

² В оригинале: „Zwischen einem definiten Artikel und einem anaphorischen Artikel besteht ein entscheidender Unterschied. Anaphern beziehen sich auf alte Information und damit auf hintergründierte Information. Der Definitartikel vordergründigt dagegen rhematische und damit neue Information“ [16, S. 261].

³ В оригинале: „Nur der Definitartikel lässt sich mit dem perfektiven Aspekt vergleichen“ [16, S. 262]. „Nicht vergleichbar ist der perfektive Aspekt mit dem anaphorischen Artikel“ [Там же].

о «кластерах элементарных смыслов, повторяющихся в функциональных комплексах различных языков» [8, с. 3].

Остановимся подробнее на описании условий реализации аспектуальных функций определённого артикля и падежа в немецком языке.

2.3. Условия реализации видовой функции артикля и падежа в немецком языке

Известно, что совершенный / несовершенный вид в русском языке может быть определён только в формах прошедшего и будущего времени или в инфинитиве (*делать / сделать*). Для выявления случаев, когда немецкий артикль и падежные формы способны выполнять видовую функцию, были отобраны примеры, содержащие данные временные формы либо инфинитив. Ещё один параметр, определивший отбор фактического материала, – позиция имени существительного в функции ремы, что позволяет исключить его анафорическую функцию. Третий существенный момент – предикат в предложении должен быть аспектуально двузначным, т. е. может приобретать как семантику предела, так и выступать как неопределённый в зависимости от контекстуального окружения (например, глагол *kommen* обладает свойством предельности; глагол *schlafen* неопределённый, что подтверждает способность сочетаться с обстоятельствами типа *lange – er schlief 2 Stunden lang*, но: **er kam zwei Stunden lang*; глаголы типа *steigen, holen* и т. д. аспектуально двузначны). Таким образом, для проведения анализа были отобраны примеры, отвечающие следующим параметрам: (1) предикат имеет форму настоящего или прошедшего времени или содержит форму *Infinitiv*; (2) имя существительное стоит в позиции ремы; (3) предикат аспектуально двузначен.

Как показал анализ фактического материала, видовая семантика может быть передана в предложениях как с именами существительными, обозначающими

вещества и абстрактные понятия, так и в предложениях с исчисляемыми существительными. Рассмотрим сначала случаи использования артикля перед неисчисляемыми именами существительными.

Если глагол аспектуально двузначен, то использование определённого артикля приводит к возникновению семантики предела, в русском переводе оправданно использована форма совершенного вида:

(1a) *Sie schüttelte das Wasser aus ihrem kurzen, krausen Haar und watete zum Ufer zurück* (М. Auer. *Geschichten vom Krieg*)¹.

(1b) *Она стряхнула воду с коротких кудрявых волос и вышла на берег* (М. Auer. *Geschichten vom Krieg*; перевод Д. Чурсинова)².

В приведённом высказывании аспектуально двузначный глагол *schütteln* приобретает значение завершённости благодаря использованию определённого артикля перед существительным *Wasser*. Семантику русского несовершенного вида (2a) передаёт нулевой артикль перед именами вещественными (2b):

(2a) *Я сидел, ел ягоды и пил воду* (В. Г. Сорокин. *Путь Бро*)³.

(2b) *Ich saß dabei, aß meine Beeren und trank Wasser* (В. Г. Сорокин. *Путь Бро*; перевод Андреас Третнер)⁴.

Видовую функцию определённого и нулевого артиклей можно проследить на примере следующих высказываний, содержащих имя существительное *Wasser* и глагол *holen*:

(3) *Wo haben sie das Wasser geholt und wie haben sie ihre Wäsche gewaschen?*⁵

(4) *Hat der Knecht das Wasser geholt, ist die Richtschnur erfüllt worden?*⁶.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.10.2021). Далее – НКРЯ.

² НКРЯ.

³ НКРЯ.

⁴ НКРЯ.

⁵ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения: 01.10.2021). Далее – DECOW 16A.

⁶ DECOW 16A.

(5) «*Wo warst Du jetzt?*» «*Ich habe Wasser geholt*». «*Du selbst?*»¹

(6) *Wir haben zum Glück nur Wasser geholt*².

В (3) говорящий, задавая вопрос, пытается выяснить, как собеседнику удалось осуществить действие – совершенно однозначно речь идёт о результате и свершившемся событии, что и подчёркивается использованием определённого артикля перед вещественным существительным *Wasser*. В (4) результативность кодирована в главном предложении формой *Zustandspassiv* и коррелирует с результативностью в придаточном предложении, где она также получает маркировку посредством использования определённого артикля. В (5) и (6) в центре внимания говорящего уже не результат и не завершённость действия, а само действие, сигналом процессуальности которого выступает нулевой артикль. Русским соответствием глагола *holen* будет глагол несовершенного вида 'носил' для случаев (5) и (6) и глагол совершенного вида 'принёс' / 'взял' для (3) и (4).

Рассмотрим использование артикля перед именами существительными, обозначающими чувства и эмоции. Определённый артикль в видовой функции позволяет ограничить временные рамки. Так, в следующих высказываниях глаголы *philosophieren* (7) и *sprechen* (8) приобретают семантику внутреннего предела и соответствуют русским глаголам в форме совершенного вида (*пофилософствовать*, *поговорить*) благодаря использованию определённого артикля перед именем существительным *Liebe*:

(7) *Vielleicht ein guter Anlass mal über die Liebe zu philosophieren*?³

(8) *An fünf Abenden haben sich 14 Paare im Xpresso-Raum der FeG zusammengefunden, um über die Liebe zu sprechen*⁴.

Отсутствие определённого артикля перед абстрактным именем существительным позволяет трактовать аспектуально двузначный глагол как неопределённый – в русском эквиваленте ему будет соответствовать глагол *говорить* в форме прошедшего времени несовершенного вида (*говорили*):

(9) *Lange haben wir über Liebe [...] und über unsere Fragen dazu gesprochen*⁵.

Отсутствие предела подчёркивается дополнительно и благодаря использованию в предложении обстоятельства *lange*.

Употребление определённого артикля перед именами существительными, обозначающими вещества, в предложениях с предельными глаголами не влияет на их аспектуальную интерпретацию. Проследим это на примерах, содержащих имя существительное *Wasser* и предельные глаголы: в (10) в роли предиката выступает *kommen*, в (11) – *abnehmen*:

(10) *Ist es glaubhaft, dass ich mir keine Gedanken darüber machte, woher das Wasser kam oder der Strom für die Lampe, die das fensterlose Bad beleuchtete*?⁶

(11) *Auch das Wasser in den Beinen hat abgenommen*⁷.

Использование определённого артикля в приведённых высказываниях подчёркивает завершённость действия, которая одновременно маркирована и в предельном глаголе. В данном случае артикль не влияет на аспектуальную интерпретацию глагола.

Артикль перед исчисляемыми именами существительными в некоторых случаях также способен выполнять видовую функцию. Рассмотрим следующие высказывания:

(12a) *Ich habe dort die größte Doppelbuche gezeichnet, die ich je gesehen, ich habe Pflanzen und Steine gesammelt ... (A. Stifter. Der Nachsommer)*⁸

¹ DECOW 16A.

² DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 01.06.2021). Далее – DWDS.

³ DECOW 16A.

⁴ DECOW 16A.

⁵ DECOW 16A.

⁶ DWDS.

⁷ DWDS.

⁸ НКРЯ.

(12b) Я зарисовал там самый большой бук, который когда-либо видел, **собирал** там растения и камни ... (перевод С. Апт)¹

(13a) *Mein Vater hat die Menüs gesammelt und einbinden lassen.* (E. M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge)²

(13b) *Папаша мой собрал целую коллекцию меню и переплел их в книжки* (перевод Д. Н. Шаповаленко)³.

В (12a) нулевой артикль позволяет интерпретировать предикат *sammeln* как неопределённый, в (13a) тот же самый глагол приобретает семантику предела благодаря использованию определённого артикля. Видовая функция артикля находит свою реализацию благодаря использованию имён существительных в форме множественного числа в позиции ремы.

Не во всех случаях использование определённого / нулевого артикля перед именами существительными с абстрактным значением или с обозначением вещества влияет на аспектуальную интерпретацию глагола. Очень часто она зависит от падежной семантики, передаваемой формой артикля. Видовой потенциал падежных форм можно проследить на примере предложений с аспектуально двузначными глаголами и обстоятельствами места, в роли которых выступают абстрактные имена существительные с предлогами. Рассмотрим для наглядности примеры из параллельного корпуса:

(14a) *Staubfinger hauchte in die Dunkelheit, und statt des Käfigs formte das Feuer das Zeichen, das Mo auf den Einband so vieler Bücher geprägt hatte: den Kopf eines Einhorns* (C. Funke. Tintentod)⁴.

(14b) *Сажерук тихонько подул в темноту, и на месте клетки огонь нарисовал знак, которым Мо помечал свои переплеты: голову единорога.* (C. Funke. Tintentod; перевод М. М. Сокольской)⁵.

¹ НКРЯ.

² НКРЯ.

³ НКРЯ.

⁴ НКРЯ.

⁵ НКРЯ.

(15a) *Er fand an diesem Abend lange keinen Schlaf. Vetter röchelte leise. Holt starrte in die Dunkelheit* (D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend)⁶.

(15b) *В тот вечер он долго не мог заснуть. Рядом похрапывал Феттер. Хольт уставился в темноту* (D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend; перевод В. Курелла, Р. Гальперина)⁷.

В приведённых высказываниях использованы аспектуально двузначные глаголы *hauchen* и *starren*. Обстоятельства места выражены посредством сочетания имени существительного *Dunkelheit* с предлогом *in*, в данном случае предлог управляет винительным падежом. Это, в свою очередь, оказывает влияние на аспектуальную интерпретацию глагола: он воспринимается как предельный, в предложениях передаётся семантика совершенного вида, что можно увидеть и в вариантах перевода на русский язык.

Рассмотрим ещё два примера из параллельного корпуса, в которых содержится имя существительное *Tiefe*:

(16a) *Wasser rauschten in der Tiefe zur Rechten; links strebten dunkle Fichten zwischen Felsblöcken gegen einen steingrauen Himmel empor* (Th. Mann. Der Zauberberg)⁸.

(16b) *Справа, внизу, шумели воды; слева темные пихты, росшие между глыбами скал, тянулись к каменно-серому небу* (Th. Mann. Der Zauberberg; перевод В. Станевич)⁹.

(17a) *Welche Kühnheit, hinab in die Tiefe zu steigen, wo Tote nichtig und sinnlos wohnen ...* (Th. Mann. Der Zauberberg)¹⁰

(17b) *Какая смелость – спуститься в бездну, где в бессмысленном ничтожестве обитают мертвые ...* (Th. Mann. Der Zauberberg; перевод В. Станевич)¹¹.

В предложении (16a) глагол *rauschen* приобретает семантику предела, по-

⁶ НКРЯ.

⁷ НКРЯ.

⁸ НКРЯ.

⁹ НКРЯ.

¹⁰ НКРЯ.

¹¹ НКРЯ.

скольку в роли обстоятельства места выступает имя существительное с абстрактным значением *Tiefe* в сочетании с предлогом *in* и с артиклем, маркирующим дательный падеж. Значение совершенного вида передано при переводе (16b). В следующем высказывании (17a) глагол *hinabsteigen* трактуется как предельный, поскольку имя существительное в функции обстоятельства места имеет форму винительного падежа, на что указывает определённый артикль; в свою очередь, это находит отражение в использовании глагола в форме совершенного вида при переводе на русский язык (17b).

В предложениях, содержащих предельные глаголы или конструкции с результативным значением, отсутствие артикля никак не влияет на аспектуальную интерпретацию предиката, как и в случаях (10) и (11):

(18) *Es versank schon um vier Uhr nachmittags in Dunkelheit, und von sechs an war sowieso alles zu – weniger Leben, mehr Sicherheit*¹.

(19) *Teile des Großraum Tokios sind in Dunkelheit gehüllt*².

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что видовая функция артикля может быть реализована только в определённых условиях и прослеживается не в каждом предложении. Важно учитывать предельность глагола, синтаксическую роль имени существительного в предложении, падеж имени, его отнесённость к семантическому классу (исчисляемость / неисчисляемость) и число (единственное / множественное).

Немецкий видовой артикль является спецификой не только немецкого языка. Можно заметить, что в английском языке в некоторых случаях артикль также способен выполнять видовую функцию наряду с местоимениями и временными формами, что, в свою очередь, подтверждает идею о едином смысловом конти-

нууме, формируемом определённой / неопределённой имени и перфектностью / неперфектностью глагола. Так, имя существительное *water* в высказывании (20) использовано с нулевым артиклем, в (21) – с определённым; в первом случае передаётся семантика несовершенного вида, во втором – совершенного, на что влияет, в том числе, и перечисление следующих друг за другом действий. Сравним:

(20) *The Arabian chiefs brought water to his army in skins carried by camels*³.

(21) *Turning on the tap, he splashed water in his face, then cupped his hand and brought the water to his mouth*⁴.

Есть, тем не менее, случаи, когда нулевой артикль в позиции ремы не несёт видового значения – оно передаётся временной формой *Present Perfect*:

(22) *By his own estimate, he 's brought water and sewer service to some 100,000 homes and still does some good by providing 200 high-paying jobs*⁵.

Таким образом, артикль в германских языках выполняет детерминирующую функцию только при определённых условиях.

3. Заключение

Анализ теоретического и фактического материала позволил сделать следующие выводы.

1. В предложениях с анафорическим артиклем аспектуальная интерпретация глагола не зависит от его наличия / отсутствия перед именем существительным. Видовая функция артикля находит реализацию в предложениях, отвечающих следующим условиям: (1) предикат маркирует будущее, прошедшее время или является составным, включающим изменяемую форму глагола и инфинитив; (2) имя существительное относится

³ ENCOW 16 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 01.10.2021). Далее – ENCOW 16.

⁴ ENCOW 16.

⁵ ENCOW 16.

¹ DWDS.

² DWDS.

к неисчисляемым (абстрактные, вещественные); (3) имя существительное относится к исчисляемым и имеет форму множественного числа; (4) предикат является аспектуально двузначным, т. е. способным маркировать предельность / непредельность в зависимости от контекстуального окружения; (5) имя существительное выступает в роли ремы.

2. Падежная семантика влияет на аспектуальную интерпретацию глагола, если имя существительное относится к классу абстрактных, выступает в роли обстоятельства места в сочетании с пред-

логом, а предикат аспектуально двузначен. В этом случае использование имени существительного с предлогом в форме дательного падежа позволяет передать значение несовершенного вида, в форме винительного – значение совершенного вида.

Перспективным представляется сопоставительное исследование контекстуальных условий, при которых артикль в германских языках выполняет детерминирующую функцию.

Дата поступления в редакцию 20.10.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Б. Л., Гордиенко М. С. Категория определенности-неопределенности в английском и немецком языках (на примере информационных сообщений) // Вестник адъюнкта (электронный научный журнал). 2019. № 3 (5). URL: <http://www.vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/164-kategoriya-opredeljonnosti-neopredeljonnosti-v-anglijskom-i-nemetskom-yazykakh-na-primere-informatsionnykh-soobshchenij> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Долматова О. В. О базовой характеристике английских детерминативов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-2 (63). С. 88–91.
3. Емец Т. В. Переводческий аспект категории определенности и неопределенности в немецкой художественной литературе // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2020. Т. 11. № 2. С. 68–70.
4. Ершова Н. Б. Функционирование имени существительного в немецком языке (категория падежа) // Неофилология. 2021. Т. 7. № 26. С. 270–275. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-270-275.
5. Жирова И. Г. Контекстуальная обусловленность употребления определенного артикля в английском языке: когнитивный аспект // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 77–85.
6. Иванова И. П., Булакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 287 с.
7. Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Издательство ВГУ, 1991. 128 с.
8. Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. 255 с.
9. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. 2-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
10. Тымчук Е. В., Красикова М. Б. Когнитивный подход к сопоставительному изучению артиклей в германских языках // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2018. Т. 14. № 4 (42). С. 43–53.
11. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Академия, 2005. 255 с.
12. Duden – Die Grammatik / Hrsg. Von Angelika Wöllstein und der Dudenredaktion; 9. vollständig überarbeitete und aktualisierte Auflage. Bd. 4. Berlin: Duden, 1341 p.
13. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. 2. Auflage. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. 484 S.
14. Kotin M. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 371 S.
15. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin: De Gruyter, 1992. 341 S.
16. Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin: De Gruyter, 2000. 309 S.
17. Moskalskaja O. I. Deutsche Sprachgeschichte. 2-е изд. М.: Академия, 2003. 288 с.
18. Vater H. The word class „Article“ // Vater H. Linguistik und deutsche Grammatik im Fokus. Ausgewählte Schriften. Gdańsk: Wydawnictwo uniwersytetu gdańskiego, 2010. S. 245–258.

REFERENCES

1. Boiko B. L., Gordienko M. S. [Category definiteness - indefiniteness in the German and English languages (on the example of news items)]. In: *Vestnik ad'yunkta (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Bulletin of Adjunct (electronic scientific journal)], 2019, no. 3 (5). Available at: <http://www.vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/164-kategoriya-opredeljonnosti-neopredeljonnosti-v-anglijskom-i-nemetskom-yazykakh-na-primere-informatsionnykh-soobshchenij> (accessed: 01.09.2021).
2. Dolmatova O. V. [On basic characteristic of English determinatives]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 9-2 (63), pp. 88–91.
3. Emets T. V. [Translation aspect of the category of definiteness and indefiniteness in German fiction]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Actual problems of modern science, technology and education], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 68–70.
4. Ershova N. B. [The functioning of a noun in German language (case category)]. In: *Neofillogiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, no. 26, pp. 270–275. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-270-275.
5. Zhirova I. G. [Contextual conditioning of the use of the definite article in English: a cognitive aspect]. In: *Teoriya yazyka i mezkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of language and intercultural communication], 2021, no. 2 (41), pp. 77–85.
6. Ivanova I. P., Burlakova V. V., Pocheptsov G. G. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern English]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 287 p.
7. Kashkin V. B. *Funktional'naya tipologiya perfekta* [Functional typology of the perfect]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1991. 128 p.
8. Kashkin V. B. *Funktional'naya tipologiya (neopredelennyi artikl')* [Functional typology (indefinite article)]. Voronezh, Voronezh State Technical University Publ., 2001. 255 p.
9. Krushel'nitskaya K. G. *Ocherki po sopostavitel'noy grammatike nemetskogo i russkogo yazykov* [Essays on comparative grammar of German and Russian languages]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 264 p.
10. Tymchuk E. V., Krasikova M. B. [Cognitive approach to comparative study of articles in Germanic languages]. In: *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 2018, vol. 14, no. 4 (42), pp. 43–53.
11. Khudyakov A. A. *Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazyka* [Theoretical grammar of the English language]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 255 p.
12. Wöllstein A. und der Dudenredaktion, hrsg. Duden – Die Grammatik. Bd. 4. Berlin, Duden, 1341 p.
13. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1994. 484 S.
14. Kotin M. *Die Sprache in statu movendi*. Bd. 2. Heidelberg, Winter Verlag, 2007. 371 S.
15. Leiss E. *Die Verbalkategorien des Deutschen*. Berlin, De Gruyter, 1992. 341 S.
16. Leiss E. *Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit*. Berlin, De Gruyter, 2000. 309 S.
17. Moskalskaja O. I. *Deutsche Sprachgeschichte*. Moscow, Academia Publ., 2003. 288 c.
18. Vater H. The word class „Article“. In: Vater H. *Linguistik und deutsche Grammatik im Fokus. Ausgewählte Schriften*. Gdańsk, Wydawnictwo uniwersytetu gdańskiego, 2010. S. 245–258.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: Anna.averina@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Averina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German philology, Moscow Region State University;
e-mail: Anna.averina@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аверина А. В. Аспектуальный потенциал артикля и падежных форм в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 17–29.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-17-29

FOR CITATION

Averina A. V. The aspectual potential of the article and case forms in German. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 17–29.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-17-29

УДК 811.112.2`36

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37

ТАКСИСНЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Архипова И. В.

Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы заключается в рассмотрении английских предложных девербативов на *-ing*, *-ment*, *-ion*, *-ance* (*-ence*), *-age*, *-al*, *-ure* и др. в роли таксисных актуализаторов.

Процедура и методы. В статье проанализированы различные девербативы, употребляемые с монотаксисными и политаксисными предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики *upon*, *on*, *at*, *by*, *with*, *after*, *before*, *since*, *during*, *following*, *in*, *because of*, *despite* / *in spite of*, *for*. При проведении исследования применены следующие методы: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, метод классификации, контекстуальный метод, обобщения и интерпретации языкового материала, а также корпусный и компонентный анализ.

Результаты. На основе анализа эмпирического материала в результате исследования было выявлено, что при употреблении с предлогами темпоральной семантики девербативы актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. В случае сочетания с предлогами обстоятельственной семантики они выступают в качестве актуализаторов различных секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (модально-таксисных, медиально-таксисных, каузально-таксисных, кондиционально-таксисных, concessивно-таксисных, финально-таксисных).

Теоретическая и практическая значимость. В статье рассмотрен обширный языковой материал в аспекте актуализации таксисных категориальных ситуаций одновременности и одновременности в высказываниях с предложными девербативами и введён в научный обиход термин «таксисный актуализатор». Результаты исследования вносят определённый вклад в теорию таксиса. Материалы и основные положения исследования могут быть использованы в практике преподавания теории языка и функциональной грамматики в высшей школе.

Ключевые слова: девербатив, предложный девербатив, монотаксисный предлог, политаксисный предлог, таксисный актуализатор, примарно-таксисная категориальная ситуация, секундарно-таксисная категориальная ситуация

TAXIS ACTUALIZER IN ENGLISH

I. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University,
ul. Vilyuiskaya 28, Novosibirsk 630126, Russian Federation

Abstract

Aim of this work is to consider English prepositional deverbatives in *-ing*, *-ment*, *-ion*, *-ance* (*-ence*), *-age*, *-al*, *-ure*, etc. in the role of taxis actualizers.

Methodology. The article analyzes various deverbatives used with monotaxis and polyaxis prepositions of temporal and adverbial semantics *upon*, *on*, *at*, *by*, *with*, *after*, *before*, *since*, *during*, *following*,

with, in, on, upon, because of, despite / in spite of, for, etc. During the research, the following methods were used: hypothetical-deductive, inductive, descriptive, classification method, contextual method, generalization and interpretation of linguistic material, as well as corpus and component analysis.

Results. Based on the analysis of empirical material, the study revealed that when used with prepositions of temporal semantics, deverbatives actualize primary-taxis categorial situations of simultaneity, precedence and posteriority. When combined with prepositions of adverbial semantics, they act as actualizers of various secondary-taxis categorial situations of simultaneity (modal-taxis, medial-taxis, causal-taxis, conditional-taxis, concessive-taxis, final-taxis, etc.).

Research implications. The article examines extensive linguistic material in the aspect of actualizing taxis categorial situations of simultaneity and non-simultaneity in statements with prepositional deverbatives and introduces the term “taxis actualizer” into scientific use. The research results make a certain contribution to the taxis theory. The materials and the main provisions of the research can be used in the practice of teaching language theory and functional grammar in higher education.

Keywords: deverbative, prepositional deverbative, monotaxis preposition, polytaxis preposition, taxis actualizer, primary-taxis categorial situations, secondary-taxis categorial situation

Введение

Проблемы таксисной категориальной семантики одновременности / разновременности её актуализации в разноструктурных языках (немецком, английском, нидерландском, русском, чешском, польском, нивхском и др.), в частности в различных типах высказываний с неличными формами глаголов и предложно-именными конструкциями, освещаются в ряде работ современных лингвистов (А. В. Бондарко [2], В. П. Недялков, Т. А. Отаина [7], Я. Коцкова [4], Н. А. Ляшенко [6], Н. Л. Кудинова [5], И. В. Архипова [1] и др.).

В фокусе данного исследования находится вопрос актуализации таксисной категориальной семантики одновременности, предшествования и следования посредством английских предложных deverбативов.

Современные исследователи, как правило, оставляют вне поля рассмотрения функциональный потенциал английских deverбативных существительных, выступающих в случае сочетания с темпоральными и обстоятельственными предложениями в качестве так называемых таксисных актуализаторов. Исключение составляет исследование Н. Г. Васиной, отмечающей важную роль deverбативов в организации таксисной семантики предложения в современном английском языке [3].

В этой связи актуальность изучения вопроса актуализации категориальной семантики таксиса в высказываниях с английскими предложными deverбативами не вызывает сомнения.

Результаты

Среди английских deverбативов следует различать: (1) имена, образованные в результате конверсии (*run, walk, smile, wonder, try, surprise, study, stutter*); (2) deverбативы на *-ing* (*dancing, twittering, winking, turning, prohibiting, supervising, inspecting, thinking, doubting, speculating*); (3) суффиксальные deverбативы, образованные с помощью таких суффиксов, как: *-ment* (*movement, tremblement, excitement, ravishment, harassment, resentment, astonishment, wonderment, excitement, incitement*), *-ion* (*distraction, repetition, intervention, expectation, permission, presentation, prohibition, intrusion, observation, revision, interpretation, calculation, hesitation, admiration, contemplation, exhilaration, excitation, fascination, rumination, speculation, confusion*), *-ance* (*-ence*) (*disturbance, resistance, attendance, hesistance*), *-age* (*usage*), *-al* (*arrival*), *-ure* (*departure*).

Вышеперечисленные deverбативы различной словообразовательной семантики (на *-ing, -ment, -ion, -ance* (*-ence*), *-age, -al, -ure* и др.) при условии сочетания с темпоральными и обстоятельственными

ми предложениями реализуют свой функциональный потенциал, выступая в качестве таксисных актуализаторов. Темпоральные и обстоятельственные предлоги, будучи монотаксисными или политаксисными, выступают в качестве таксисных маркеров. Монотаксисные предлоги маркируют одну разновидность таксисной категориальной ситуации, а политаксисные предлоги могут эксплицитировать несколько вариантов таксисных категориальных ситуаций.

Английские девербативы как актуализаторы примарно-таксисных категориальных ситуаций

В высказываниях, содержащих монотаксисные и политаксисные предлоги темпорального значения *upon, on, at, by, after, before, during, since, following, till / until*, актуализируются примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности. Например:

(1) *Upon arrival at an unkempt house, a few strays in the yard immediately ran away*¹.

(2) *During the inspection, Xi said that the Falcons are the preeminent national anti-terror force.*

(3) *U. S.-based Xerox agreed Wednesday to a takeover by after sustained pressure from big investors.*

(4) *The Great Falls High School campus is undergoing several changes after the passage of the operational levy.*

В высказываниях (1–2) с монотаксисным темпоральным предлогом *during* и политаксисным предлогом темпорального значения *upon* актуализованы примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, а в высказываниях (3–4) с монотаксисным темпоральным предлогом *after* с семантикой следования

– примарно-таксисные категориальные ситуации следования.

Английские девербативы различной словообразовательной семантики (см. *departure, prohibition, disturbance, revision, calculation*) при условии их сочетания с политаксисными и монотаксисными предложениями темпоральной семантики *upon, on, at, by, with, after, before, during, since, following, till / until* выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования, например:

(5) *With Warren's departure, the presidential race has returned to a status quo where the votes of marginalized Americans are taken for granted.*

(6) *Arguably its biggest issue, however, came after Joss Whedon was hired to take over and significantly change the project after Snyder's departure.*

(7) *Below Deck without the infamous chief stew has been on fans' minds since her departure.*

(8) *Following his departure from the military, Mr. Goudreau founded Silvercorp, which, according to its website, has planned international security for President Trump and the secretary of defense.*

(9) *Before their departure, there are a couple of impostors placed into their midst.*

(10) *Physical distancing of at least six feet is required between disassociated groups from the time of arrival until departure.*

(11) *Here is a useful glossary of terms used or invented during prohibition that we still use.*

(12) *Students who had come into the atrium during the disturbance now stood in groups looking warily around them.*

(13) *Before the revision, only working-age persons were allowed to participate in voluntary social insurance.*

(14) *Leasing also comes with an added advantage in that the rentals paid by the lessee are allowable expenses to the business and are deducted before calculation of tax, making leasing a more tax efficient financing solution.*

¹ Здесь и далее примеры приводятся из Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета. См.: Deutscher Wortschatz: Leipzig Corpora Collection [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.10.2021).

В высказывании (5) английские девербатив *departure* с политаксисным предлогом *with* в темпоральном значении выступает в качестве актуализатора примарно-таксисной категориальной ситуации одновременности. В высказываниях (6–8) тот же самый девербатив *departure* в сочетании с монотаксисными темпоральными предлогами *after*, *since* и *following* актуализирует примарно-таксисные категориальные ситуации следования. В высказываниях (9–10) девербатив *departure* с монотаксисными предлогами темпоральной семантики *before* и *until* выступает в качестве актуализатора примарно-таксисных категориальных ситуаций предшествования.

В высказываниях (11–12), содержащих монотаксисный темпоральный предлог *during*, в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают английские девербативы *prohibition* и *disturbance*.

В высказываниях (13–14), содержащих монотаксисный предлог предшествования *before*, в роли таксисных актуализаторов выступают девербативы *revision* и *calculation*. Данные девербативы актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации предшествования.

Английские девербативы как актуализаторы секундарно-таксисных категориальных ситуаций

В английских высказываниях, содержащих монотаксисные и политаксисные предлоги обстоятельственной семантики *on*, *upon*, *at*, *with*, *by*, *in*, *because of*, *despite*, *in spite of*, *for*, актуализируются различные секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности: модально-таксисные, инструментально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, concessивно-таксисные или финально-таксисные. Например:

(15) *Mendoza was also temperate and treated his family with admiration.*

(16) *Her mind raced with distraction during the Mass even as she focused on the liturgy.*

(17) *Grant County magistrates responded with hesitance and lots of questions after Dry Ridge Mayor Jim Wells' EMS cost-sharing proposal Nov. 2 during a caucus meeting.*

(18) *Wills even visited a private doctor for intervention but was offered anxiety pills and an inhaler.*

(19) *This came despite some confusion over unofficial drop boxes placed by the California Republican Party, and online chatter about whether drop boxes were secure.*

В приведённых выше высказываниях (15–17), содержащих английские девербативы в сочетании с политаксисным предлогом модальной семантики *with*, актуализируются модально-таксисные категориальные ситуации одновременности (см. предложные девербативы *with admiration*, *with distraction*, *with hesitance*). В высказываниях (18–19), содержащих монотаксисные предлоги финальной и concessивной семантики *for* и *despite*, актуализованы финально-таксисная категориальная ситуация (см. предложный девербатив *for intervention*) и concessивно-таксисная категориальная ситуация одновременности (см. предложный девербатив *despite some confusion*).

Как уже отмечалось выше, при условии сочетания английских девербативов с монотаксисными и политаксисными предлогами обстоятельственной семантики *with*, *by*, *at*, *on*, *upon*, *in*, *because of*, *despite*, *in spite of*, *for* они реализуют свой функциональный потенциал и выступают в функции таксисных актуализаторов. Прототипичностью отличаются при этом таксисные предлоги, маркирующие в силу своей семантики ту или иную разновидность секундарно-таксисной категориальной ситуации одновременности. Так, монотаксисный предлог финальной семантики *for* маркирует финально-таксисную категориальную ситуацию, а монотаксисный обстоятельственный предлог с семантикой уступки *despite* –

концессивно-таксисную категориальную ситуацию.

В ходе исследования было установлено, что английские девербативы при сочетании с различными моноксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной семантики выступают в качестве актуализаторов финально-таксисных, концессивно-таксисных, а также модально-таксисных, инструментально-таксисных, медиально-таксисных, кондиционально-таксисных, каузально-таксисных и консекутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности. Ср. также:

(20) Some businesses, especially grocery stores, in sales yesterday as shoppers rushed to stock up *in expectation of the first Sunday closure*.

(21) Shareholders made their investment *with the expectation* that copper prices would remain high.

(22) But she chafed *at the expectation* ...

(23) *Despite a hesitance on the board's behalf* to get too deep into criticisms of the policy, Ngenda pointed out that the proposed changes conflicted with existing policy and argued that policy should not require explanation.

(24) *Despite her early departure from the race* last year, allies have long retained an unshakable belief in her talents as a prospective future standard-bearer for the party.

(25) The proposed assessment roll is on file *for public inspection* at the city clerk's office.

(26) A road ambulance took the car's male driver and female passenger to Colac Hospital *for observation*.

(27) *Upon closer inspection* I was able to identify the hairy creature as a coyote.

(28) The art of mushroom identification is gained *by diligent observation and study*.

В вышеприведённых высказываниях (20–22) девербатив *expectation* в сочетании с политаксисными предложениями модальной семантики *in*, *with* и *at* является актуализатором модально-таксисных и каузально-таксисной категориальных ситуаций одновременности (см. предложные девер-

бативы *in expectation of the first Sunday closure, with the expectation, at the expectation*).

В высказываниях (23–24) девербативы *hesitance* и *departure* при условии их употребления с моноксисным предложением уступки *despite*, являющимся маркером концессивного таксиса, актуализируют концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (см. предложные девербативы *despite a hesitance on the board's behalf, despite her early departure from the race*).

В высказываниях (25–26) девербативы *inspection* и *observation* с моноксисным предложением финальной семантики *for* выступают в функции актуализаторов финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности (см. предложные девербативы *for public inspection* и *for observation*).

В высказывании (27) девербатив *inspection* употребляется с политаксисным предложением *upon* с семантикой условия и дополнительным кондициональным экспликатором *closer*, что позволяет ему в данном синтагматическом контексте выступать в качестве актуализатора кондиционально-таксисной категориальной ситуации одновременности.

В высказывании (28) девербативы *observation* и *study* при сочетании с политаксисным предложением *by* в медиальном значении актуализируют медиально-таксисную категориальную ситуацию одновременности (см. предложные девербативы *by diligent observation and study*).

При наличии итеративных девербативов с семантикой генетической или словообразовательной кратности, а также в случае дистрибутивной множественности субъектных или объектных актантов актуализируются итеративно-таксисные, мультипликативно-таксисные и дистрибутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности или разновременности, например:

(29) However, like many cheap horror franchises, bled out *because of too much repetition*.

(30) She shied away from the media attention *because of a severe stutter*.

(31) *Many patients* choose Costa Rica *because of its reputation* and low-cost dental implants.

В вышеприведённых высказываниях (29–31) с монотаксисным каузальным предлогом *because of* актуализируются итеративно-каузально-таксисная (см. пример 29 с предложным девербативом *because of too much repetition*), мультипликативно-каузально-таксисная (см. пример 30 с девербативом генетической мультипликативности *stutter*) и дистрибутивно-каузально-таксисная (см. пример 31 с предложным девербативом *because of its reputation*) категориальные ситуации одновременности. Актуализация итеративно-каузально-таксисной категориальной ситуации в высказывании (29) детерминирована итеративным квантификатором *much*. Актуализация мультипликативно-каузально-таксисной категориальной ситуации в высказывании (30) обусловлена наличием генетически-мультипликативного девербатива *stutter*. Актуализация дистрибутивно-каузально-таксисной категориальной ситуации одновременности в высказывании (31) детерминирована дистрибутивной множественностью субъектных актантов (см. *many patients*).

При наличии у английских девербативов дистрибутивных значений (в частности, субъектов *they, we, crews, these garrison troops, the thoughts, numerous sycophants* или объектов действий *two stolen vehicles* и др.) [3, с. 14–15; 1, с. 112–113] они выступают в качестве актуализаторов категориальной семантики дистрибутивного таксиса одновременности или разновременности. Например:

(32) *Upon arrival they* located an extinguished appliance fire and an injured male with third degree burns.

(33) *On arrival, police officers* noted *two stolen vehicles* in plain view on the property.

В высказываниях (32–33) с поли-таксисными предложениями темпоральной

семантики *on* и *upon* актуализируются дистрибутивно-примарные таксисные категориальные ситуации одновременности. Прототипический характер имеет при этом дистрибутивная множественность субъектных актантов (см. *they* в высказывании 32) и объектных актантов (см. *two stolen vehicles* в высказывании 33).

При наличии в обследованных высказываниях английского языка различных итеративных квантификаторов *always, seldom, regularly, often, usually, daily, each, every day, sometimes, rarely, twice, many, much* актуализируются итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования, например:

(34) *After much contemplation*, we are assured that Annie's pragmatic, equitable, and inclusive vision will be the best voice for Duke's student body.

(35) Yet, Yassin *always* understood Egypt's important role in the region and steered clear of direct support for Iran, *despite his admiration* and enthusiasm for the Islamic Revolution.

(36) Change happened here slowly, then all at once, but *with each repetition to new ears*, the islands' heritage endures.

В вышеприведённых высказываниях (34–36) с девербативами *contemplation, admiration* и *repetition* и таксисными предлогами *after, with, despite* актуализируются итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности и следования.

В высказывании (34) девербатив *contemplation* с монотаксисным предлогом темпоральной семантики *after* актуализирует итеративно-примарно-таксисную категориальную ситуацию следования, детерминированную итеративным квантификатором *much*. В высказывании (35) девербатив *admiration* выступает в качестве актуализатора итеративно-концессивно-таксисной категориальной ситуации одновременности, обусловленной итеративным адвербиалом *always*. В высказывании (36) девербатив *repetition* при сочетании с

политаксисным предлогом *with* в темпоральном значении становится актуализатором примарно-итеративно-таксисной категориальной ситуации одновременности, детерминированной итеративным атрибутом *each* (см. предложный девербатив *with each repetition to new ears*).

Заключение

Таким образом, английские предложные девербативы на *-ing*, *-ment*, *-ion*, *-ance* (*-ence*), *-age*, *-al*, *-ure* и др. выступают в качестве таксисных актуализаторов.

При употреблении девербативов с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики *upon*, *on*, *at*, *by*, *with*, *after*, *before*, *since*, *during*,

following они актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. В высказываниях с монотаксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной семантики *with*, *by*, *in*, *at*, *on*, *upon*, *because of*, *despite* / *in spite of*, *for* обследованные английские девербативы являются актуализаторами различных секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (модально-таксисных, медиально-таксисных, каузально-таксисных, кондиционально-таксисных, concessивно-таксисных, финально-таксисных).

Дата поступления в редакцию 21.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках : монография. Новосибирск: НГПУ, 2020. 173 с.
2. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 234–242.
3. Васина Н. Г. О роли отглагольных имен в организации таксисной семантики предложения в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. 2008. № 3. С. 16–24.
4. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 87–110. DOI: 10.30842/alp2306573715304.
5. Кудинова Н. Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5. С. 73–80. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-8.
6. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках : монография / Н. Г. Скларова, А. В. Николаева, К. Н. Симонова, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
7. Неделков В. П., Огаина Т. А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 296–319.

REFERENCES

1. Arkhipova I. V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh* [The category of taxis in multi-structural languages]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2020. 173 p.
2. Bondarko A. V. [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. In: Bondarko A. V., ed. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 234–242.
3. Vasina N. G. [On the role of verbal names in the organization of the taxis semantics of the sentence in modern English]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University. Series: Philology], 2008, no. 3, pp. 16–24.

4. Kockova J. [Non-finite forms of verbs as means of expression of the taxis in Russian and Czech]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2019, vol. 3, no. 15, pp. 87–110. DOI: 10.30842/alp2306573715304
5. Kudinova N. L. [The realization of the taxis semantics of simultaneousness by means of dependent taxis in the Russian and English languages]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2018, no. 5, pp. 73–79. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-8
6. Lyashenko N. A. [Functional-semantic field of taxis in English]. In: Sklyarova N. G., Nikolaeva A. V., Simonova K. N., Lyashenko N. A., Molchanova S. E. *Funktsional'no-semanticheskiye polya raznykh tipov v angliyskom i russkom yazykakh* [Functional-semantic fields of different types in English and Russian]. Rostov-on-don, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 2019, pp. 101–129.
7. Nedyalkov V. P., Otaina T. A. [Typological and comparative aspects of dependent taxis (based on the Nivkh language in comparison with Russian)]. In: Bondarko A. V., ed. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 296–319.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: irarch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of French and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University,
e-mail: irarch@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архипова И. В. Таксисные актуализаторы в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 30–37.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37

FOR CITATION

Arkhipova I. V. Taxis actualizer in English. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 30–37.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37

УДК 811.111.1'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-38-47

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ-СКАЗКИ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС»)

Горбунова Е. В., Донскова И. И., Пугина Е. Ю., Яшенкова Л. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению категории модальности и семантических особенностей лингвистических средств её выражения в жанре литературного произведения. Материалом исследования послужила англоязычная повесть-сказка Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес», изданная в 1865 г. Сюжет произведения построен на невероятности событий, и в этой связи авторам статьи представлялось важным изучить эпистемические квалификаторы, которые отражают степень вероятности того или иного события.

Процедура и методы. На основе методов сплошной выборки, структурно-семантического и стилистического анализа были выделены и описаны лексические, лексико-грамматические, грамматические и графические средства выражения категории модальности. На основе статистического анализа были сделаны выводы о частотности использования этих средств.

Результаты. В результате проведённого исследования были выделены лексические средства выражения модальности (модальные слова, глаголы с модальным значением, прилагательные, вспомогательные глаголы и междометия), лексико-грамматические (модальные глаголы и устойчивые сочетания с модальными глаголами), грамматические (наклонения, восклицательные предложения, риторические вопросы), графические (выделенные слова). Были также проанализированы семантические оттенки данных средств (возможность, сомнение, уверенность, предположение, разочарование, вежливая просьба, совет, рекомендация, желание и пожелание, недоумение, удивление), которые наиболее точно передают эмоциональные высказывания и характерные черты героев сказки, создают особую тональность и колорит данного художественного произведения.

Теоретическая и практическая значимость. Помимо собственно теоретической значимости, результаты проведённого исследования могут найти применение и в педагогической практике высшей школы, в частности в учебных курсах лингвистической семантики, теоретической грамматики, стилистики и др.

Ключевые слова: модальность, эпистемические классификаторы, семантические особенности, модальные слова, глаголы с модальным значением, междометия, косвенные наклонения, восклицательные предложения

SEMANTIC PECULIARITIES OF LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION MODALITY IN FICTION (BASED ON THE FAIRY TALE BY LEWIS CARROLL “ALICE’S ADVENTURES IN WONDERLAND”)

E. Gorbunova, I. Donskova, E. Pugina, L. Yashenkova

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article is devoted to the research of the category of modality and the semantic peculiarities of linguistic means of its expression in the genre of fiction. The fairy tale by Lewis Carroll “Alice’s Adventures in Wonderland” published in 1865 was selected as the main research material. The book is considered to be one of the best examples of literary works in the absurd genre. The plot of this tale is based on the improbability of the events, which enabled the authors to study epistemic qualifiers reflecting the degree of probability of this or that event.

Methodology. Applying the methods of entire selection, structurally-semantic and stylistic analysis, the authors described lexical, lexico-grammatical, grammatical and graphical means of modality expression. The statistical method enabled the researchers to make conclusions about the usage frequency of these means.

Results. The authors of the research identified lexical means of modality expression (modal words, verbs with a modal meaning, adjectives, auxiliary verbs, interjections), lexico-grammatical (modal verbs and fixed modal expressions), grammatical (oblique moods, exclamatory sentences, rhetorical questions), graphical (marked words). Apart from this, the authors described the semantic shades of these means (possibility, doubt, certainty, supposition, disappointment, a polite request, advice, recommendation, wish, perplexity, surprise), which reflect emotional involvement and characteristic traits of the tale characters, creating a special coloring and mood of the book.

Research implications. The results of the research along with their theoretical importance may be applied in the pedagogical practice of higher school, particularly in the courses of linguistic semantics, theoretical grammar, stylistics and others.

Keywords: modality, epistemic qualifiers, semantic peculiarities, modal words, verbs with a modal meaning, interjections, modal verbs, oblique moods, exclamatory sentences

Введение

С развитием всех видов коммуникации в современном обществе возрастает интерес к языку как одному из самых важных компонентов общения. Любое речевое общение базируется на языковых средствах, понимание которых способствует результативности общения.

Важную роль в семантической структуре языка играет такая грамматическая категория, как модальность. Данная категория привлекала в прошлом и привлекает в настоящее время внимание лингвистов по причине многогранности её проявления и разнообразия средств её выражения.

Настоящая статья посвящена семантическим особенностям лингвистических средств выражения категории модальности в художественной литературе.

Новизна исследования заключается в том, что впервые выделены семантические оттенки лингвистических средств выражения модальности в английском языке, представленные в произведении Л. Кэрролла “Alice’s Adventures in Wonderland”¹, которые были выражены автором при помощи использования большого количества модальных средств, создающих тональность данного про-

¹ Carroll L. Alice’s Adventures in Wonderland. M.: Progress Publishers, 1979. 235 c.

изведения и наиболее точную передачу отношений между героями, а также раскрытие их характерных черт.

Категория модальности в теории языка

Известно, что термин «модальность» уже давно получил освещение в работах многих исследователей. Впервые непосредственно категорию модальности стал изучать В. В. Виноградов, он не только рассмотрел все модальные значения в русском языке, но и определил способы их выражения [1, с. 59]. Категорию модальности исследовали такие авторы, как Дж. Лайонз [13], М. Е. Эрман [10], Л. Хермерен [11], Дж. Лич [12] и другие. Дж. Лайонз [13, р. 343] определяет категорию модальности, как понятие, которое имеет непосредственную связь больше с возможностью и необходимостью, чем просто с правдой и ложью, причём он указывает на 3 вида модальности: деонтическую, основанную на понятии «необходимость»; алетическую, основанную на понятии «возможность»; и эпистемическую, относящуюся к знанию, вере.

Некоторые лингвисты, например, Л. А. Давыдова [2], Л. С. Ермолаева [3], Е. А. Зверева [4], Г. А. Золотова [5], выделяют два типа модальности:

1) субъективная модальность:

а) отношение между предметом действия и действием,

б) отношение говорящего к содержанию высказывания;

2) объективная модальность – отношение содержания высказывания к действительности.

Говорящий, который произносит что-то, имеет в своём распоряжении ряд лингвистических единиц, которые используются для утверждения реальности или нереальности данного события. В некоторых случаях доказательство не оставляет сомнения в том, что высказывание верно. Следовательно, высказывающий употребляет слова, которые указывают на полную вероятность дан-

ного высказывания (must, certain, etc.). В других ситуациях он может опираться на своё собственное мнение, если нет объективных приемлемых доказательств, он может рассматривать что-то как возможное (may, possible) или невероятное (can't). Он может предполагать (I don't know) или предлагать, что возможно что-то противоположное данному высказыванию (I don't believe). Выражения, которые сообщают что-то о доказательствах говорящего и степени достоверности данного события, называются эпистемическими квалификаторами. Высказывающий может квалифицировать высказывание, относящееся к утверждению какого-либо лица, как доказательство (doctors believe) или указывать на утверждение, которое основано на слухах (it is said). Он может основываться также на личном мнении (I think) или на том, что он знает (I know), на информации, основанной на чувствах (I can see), или на предыдущем опыте (I remember). Утверждение может быть основано на доказательствах, которые имеют под рукой (It seems).

Результаты оригинального авторского исследования

Эпистемические квалификаторы представляют собой несколько языковых средств в английском языке.

Это, во-первых, лексические средства, такие, как:

а) существительные (chance, hope, presumption, expectation, intention, determination);

б) прилагательные (conceivable, possible, likely, obvious; appropriate, necessary), которые используются в безличных конструкциях. Другие прилагательные, такие, как sure и surprised, встречаются в личной конструкции типа 'I am surprised that he has come', а прилагательные able и willing используются в конструкциях 'I am willing to tell him about it'. Третья группа прилагательных, таких, как doubtful и certain, могут встречаться как в личных, так и в безличных конструкциях: 'It is

doubtful that he knows the truth' и 'I am doubtful that he will make a report';

в) модальные слова, которые трактуются в словарях как наречия (hardly, possibly, perhaps, evidently, assuredly, fortunately, regrettably, surprisingly);

г) глаголы с модальным значением (to doubt, to think, to believe, to predict; to suggest; to want, to prefer, to desire, to wish, to permit, to forbid);

д) вспомогательные глаголы, которые употребляются для усиления значения в утвердительной форме: I do help him;

е) междометия – это часть речи, которая выражает эмоциональную реакцию говорящего на какое-то событие. Этимологически они происходят от эмоциональных возгласов и звучаний, которые сопровождают рефлексы нашего организма на внешние раздражения: Oh, it's a surprise!

Во-вторых, это лексико-грамматическое средство – модальные глаголы.

В-третьих, это грамматические средства:

а) формы наклонений. Как указывает К. Ш. Мирискаева, модальность, ориентированная на говорящего, проявляется в грамматической категории наклонения [6, с. 25]. Согласно А. И. Смирницкому [7, с. 342], в английском языке существует 6 наклонений: изъявительное, которое выражает реальные факты; повелительное, которое выражает волеизъявление говорящего; сослагательное I и предположительное наклонение, которые выражают проблематичные действия; сослагательное II и условное, которые выражают нереальные действия;

б) вводные предложения: Doctors know that pneumonia is cured;

в) риторические вопросы: How should I know? С. С. Стеля называет их одним из средств выражения экспрессии [8, с. 69];

г) восклицательные предложения: How beautiful she is! Они являются эмоционально окрашенными и передаются специальной восклицательной интона-

цией, т. е. они передают отношение говорящего к происходящему, таким образом являясь одним из синтаксических средств субъективной эмоциональной модальности, как отмечают Т. В. Чумакова и О. К. Малышева [9, с. 93].

В-четвёртых, графические средства также выступают одним из способов проявления авторской позиции, оценки героев, одним из важных средств воздействия на читателя и, следовательно, являются одним из средств выражения отношения автора к содержанию высказывания.

В исследуемом произведении эмоциональный эффект достигается путём выявления контраста между невероятностью ситуации и чёткой конкретностью переживаний. Характерной чертой данного описания является достоверность детали, реальность мысли в нереальной обстановке. Для создания эмоционального эффекта, а также для выражения степени достоверности событий Л. Кэрролл использует большое количество модальных средств, которые явились предметом данного исследования. Обращение к семантически насыщенному тексту Л. Кэрролла объективно, т. к. жанрово-стилистические особенности его творческой манеры обуславливают активное использование различных вербальных средств выражения модальности. В связи с этим эмпирический материал адекватен избранной проблематике, количественно достаточен, обеспечивает надёжность полученных результатов. Использование объективных лингвистических и общенаучных методов анализа языковых фактов (структурно-семантический, стилистический анализ, метод сплошной выборки, статистическая обработка) также обеспечивает достоверные результаты.

Лексические средства выражения модальности

Среди лексических средств Л. Кэрролл чаще всего использует модальные слова и глаголы с модальным значением. В пред-

ложении "... she finds he had forgotten the little golden key, and when she went back to the table for it, she found she **could not possibly reach it**"¹ (с. 44) используется модальное слово *possibly* для усиления значения невозможности модального глагола *could* в отрицательной форме, чтобы показать, что главная героиня Алиса никак не могла достичь стола. Используя многократно модальное слово *perhaps*, Л. Кэрролл хотел показать сомнения Алисы по поводу разных событий. Например, когда Алиса спрашивает Мышь, Мышь только смотрит на неё и ничего не отвечает, при этом Алиса отмечает, что она, возможно, не знает английский язык: "**Perhaps it doesn't understand English**", thought Alice (с. 52).

Для усиления уверенности говорящего в данном событии используется модальное слово *of course*. Когда Утёнок спрашивает Мышь, Мышь отвечает довольно резко и с уверенностью, подразумевая то, что он должен знать, что это означает: "**of course, you know what it means**" (с. 58).

Модальное слово *hardly* сообщает о слабой уверенности говорящего в каком-то факте, например, когда Гусеница спрашивает Алису, кто она, Алиса сомневается в том, кто она есть в данный момент на самом деле, при этом автор употребляет глагол с модальным значением *to know*, чтобы показать уверенность Алисы в том, кем она была утром: "**Who are you?**", said the Caterpillar. ... "**I hardly know, sir, just at present – at least I know who I was when I got up this morning ...**" (с. 82).

Глагол с модальным значением *to suppose* используется для выражения предположения Алисы о том, что она будет наказана: "**I shall be punished for it now, I suppose, by being drowned in my own tears**" (с. 51). В дальнейшем Л. Кэрролл часто прибегает к данному глаголу в репликах

Алисы, чтобы показать степень достоверности того или иного события, а именно предположения, а не уверенности в данном событии, тем самым делая акцент на то, что Алиса во многом в разных ситуациях сомневалась.

Реже используются прилагательные, вспомогательные глаголы и междометия. Например, чтобы показать полную уверенность в результате данного действия, автор использует прилагательное *certain*: "... if you drink much from a bottle marked *«poison»*, it is almost **certain** to disagree with you, sooner or later" (с. 43). Кроме того, здесь ещё достигается юмористический эффект, основанный на стилистическом приёме приуменьшения (*understatement*), т. к. Алиса механически повторяет одну и ту же услышанную фразу: "**it is certain to disagree with you**", не думая об истинном значении слова (произойдёт не только расстройство желудка, а, может быть, что-то более серьёзное, если выпить *much poison*).

Рассказывая о приключениях Алисы, автор для усиления значения удивления использует вспомогательный глагол *to do* в утвердительных предложениях: "**I do wonder what can have happened to me!**" (с. 69).

Междометие *alas* встречается несколько раз в тексте с целью подчеркнуть разочарование Алисы: "... and Alice's first idea was that this might belong to one of the doors of the hall; but **alas!** either the locks were too large, or the key was too small, but at any rate it wouldn't open any of them" (с. 41).

Лексико-грамматические средства выражения модальности

Наиболее распространённым средством выражения категории модальности в данном произведении являются лексико-грамматические средства, а именно, модальные глаголы, которые передают всю гамму оттенков значений и эмоций в английском языке, а также устойчивые сочетания с модальными глаголами. Рассмотрим характерные примеры.

¹ Здесь и далее после цитируемого иллюстративного материала в скобках указывается номер страницы из издания Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*. М.: Progress Publishers, 1979. 235 с.

В приведённом выше примере с междометием *alas* используется также глагол *would* в модальном значении для усиления эмоционального эффекта “*it wouldn't open any of them*” (с. 41) – ни одна из дверей никак не открывалась, модальный глагол *would* в данном случае приобретает оттенок отказа выполнять действие неодушевлённым предметом.

В высказывании “*You should learn not to make personal remarks ... It's rude*” (с. 107) модальный глагол *should* используется для того, чтобы показать огромное желание Алисы поучать Шляпника и копировать взрослых, т. к. Алисе самой постоянно внушали не задавать вопросы и не делать замечания взрослым относительно их личности.

В рассмотренном ранее предложении, где Алиса не могла достичь стола “*she found she could not possibly reach it*” (с. 44), Л. Кэрролл использует двойное усиление значения – отсутствие возможности при помощи модального глагола *could* и модального слова *possibly*.

Модальный глагол *ought to* используется автором, чтобы подчеркнуть способность Алисы к раздвоению личности, что было характерно и для самого автора, в котором уживались два совершенно разных человека: “*You ought to be ashamed of yourself*”, said Alice, “*a great girl like you ... to go on crying in this way*” (с. 47). Причём фраза “*you ought to be ashamed of yourself*” используется автором неоднократно.

В предложении “*may it please your majesty, said Two, in a very humble tone, going down on one knee as he spoke ...*” (с. 123) глагол *may* использован для усиления значения возможности и желания угодить её величеству.

В следующем примере модальное слово *perhaps* усиливает значение отсутствия возможности модального глагола *may*, когда Фальшивая Черепаха подразумевает, что Алиса никогда не жила в море: “*You may not have lived much under the sea ... and perhaps you were never even introduced to a Lobster*” (с. 144).

В песенке Фальшивой Черепахи, которая написана в размере стихотворения Мэри Ховетт “*The Spider and the Fly*”¹, Л. Кэрролл пародирует первую строку “*Will you walk a little faster!*” и использует игру слов при помощи модальных глаголов *will, won't, wouldn't, couldn't*, которые автор повторяет неоднократно для усиления значения вежливой просьбы: “*Will you, won't you ... join the dance? Wouldn't, couldn't ... join the dance*” (с. 146).

Модальный глагол *won't* с местоимением 1 лица используется, чтобы усилить эмоциональный отказ Алисы выполнять приказ Королевы: “*Hold your tongue!*” said the Queen, turning purple. “*I won't!*” said Alice (с. 172).

В данной сказке часто встречаются устойчивые сочетания с модальными глаголами для выражения экспрессии: *I dare say, might just as well, must needs*. Например, выражение *might just as well* используется в ситуации, основанной на игре слов, несколько раз, чтобы подчеркнуть несогласие героев с Алисой. Например, когда она говорит: “*I mean what I say – that's the same thing, you know*” (с. 108), Шляпник возражает ей, используя данное выражение.

Грамматические средства выражения модальности

Грамматические средства выражения модальности также широко используются, как и модальные глаголы. Прежде всего, это различные конструкции с косвенными наклонениями.

В рассматриваемом примере, используя междометие, восклицательное предложение, а также сослагательное наклонение, Л. Кэрролл усиливает страстное желание Алисы сложиться как подзорная труба: “*Oh, how I wish I could shut up like a telescope!*” (с. 42).

При помощи конструкции с косвенным наклонением “*It's high time you were*

¹ Howit M. *The Spider and the Fly*. New York: Simon & Schuster Books for Young readers, 2012. 40 p.

in bed!" (с. 65) автор выражает настоятельную рекомендацию Канарейки своим детям поскорее лечь спать.

Конструкция с косвенным наклоном *'You'd better do something'* усиливает значение совета Кролику не бросать больше камешки: *"You'd better not do that again!"* (с. 77).

В следующем предложении Л. Кэрролл использует конструкцию с косвенным наклоном и инверсией для усиления значения пожелания Шляпника Алисе быть в хороших отношениях со Временем: *"... if you only kept on good terms with him"* (с. 111).

Для усиления значения пожелания используется конструкция с модальным глаголом *would* с косвенным наклоном во второй части предложения: *"I wish you wouldn't squeeze eso", said the Dormouse*" (с. 160).

Глагол *should* в стихах Белого Кролика в предположительном наклонении усиливает значение весьма невероятного, но возможного действия: *"If he should push the matter on ... If I or she should chance to be involved in this affair ..."* (с. 169).

Исследуемое произведение также обогащается риторическими вопросами с модальными глаголами, которые показывают эмоциональное отношение говорящего к высказываемому суждению. Чаще всего они используются для выражения удивления. Например, *"How can I have done that!"* (с. 50) – Алиса удивляется, как она могла надеть такие маленькие перчатки Кролика.

В вопросе *"How should I know?"* (с. 122) Алиса высказывает удивление по поводу вопроса Королевы о трёх садовниках, кто они есть на самом деле.

Риторические вопросы могут выражать недоумение, например, с использованием глагола *to be* в модальном значении *"Now, what I am to do with this creature when I get it home?"* (с. 101).

Восклицательные предложения также усиливают эмоции говорящего. Например, в неполном восклицательном пред-

ложении автор сочувствует Алисе: *"Poor Alice!... to get through (the garden) was more hopeless than ever: she sat down and began to cry again"* (с. 47). Другое восклицательное предложение передаёт удивление Алисы по поводу происходящего: *"How queer everything is today!"* (с. 48).

Графические средства выражения модальности

Для привлечения внимания читателя к определённым фактам и событиям Л. Кэрролл широко использует выделенные слова, т. к. зачастую данные слова помогают понять смысл того или иного события книги. Например, в ситуации, когда Шляпник начал спорить с Алисой по поводу чая, она ответила, что его мнение никого не интересует: *"Nobody asked your opinion", said Alice* (с. 114). Или в ситуации, когда Алиса говорит о том, что, когда она собирается стать герцогиней – *"When I'm a Duchess", she said to herself* (с. 133), причём мало на это надеясь, она не потерпит никакого перца у себя на кухне.

Заключение

В результате исследования повестки-сказки Л. Кэрролла *"Alice's Adventures in Wonderland"* были выделены лексические (модальные слова, глаголы с модальным значением, прилагательные, вспомогательные глаголы и междометия), лексико-грамматические (модальные глаголы и устойчивые сочетания с модальными глаголами), грамматические (наклонения, восклицательные предложения, риторические вопросы), графические (выделенные слова) средства выражения модальности, а также семантические оттенки данных средств (возможность, сомнение, уверенность, предположение, разочарование, вежливая просьба, совет, рекомендация, желание и пожелание, недоумение, удивление).

При помощи метода статистического анализа было определено, что чаще всего Л. Кэрролл использует 6

модальных глаголов (can, may, should, ought to, will, would), 4 модальных слова (possibly, perhaps, hardly, of course) и 2 косвенных наклонения (suppositional mood, subjunctive II). Лингвистические средства выражения модальности встречаются в тексте 190 раз: модальные глаголы – 110 раз, модальные слова – 45 раз, косвенные наклонения – 35 раз.

Надо отметить, что сюжет произведения построен на невероятности событий, это сказка явилась своего рода реакцией и пародией на мораль и нравочение чопорной Англии той эпохи, которыми была пропитана система образования и воспитания. Поэтому Л. Кэрролл использует большое количество эпистемических квалификаторов (possibly, to wish,

I suppose), пытаясь отразить степень вероятности того или иного события.

Проведённое исследование убеждает в том, что модальные средства играют большую роль в жанре сказки, т. к. без них невозможно отразить мысли, эмоции героев и замысловатость сюжета книги. Представленная и успешно апробированная методика использования разноуровневых единиц как вербальных средств выражения модальности перспективна и может быть экстраполирована на иные языковые факты объективации модальности (на материале других языков, произведений другой жанрово-стилистической специфики и проч.).

Дата поступления в редакцию 10.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–57.
2. Давыдова Л. А. Элементы модальности в структуре современного английского предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 19 с.
3. Ермолаева Л. С. Система средств выражения модальности в современных германских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 14 с.
4. Зверева Е. А. Научная речь и модальность. Л.: Наука, 1983. 158 с.
5. Золотова Г. А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. № 4. С. 65–79.
6. Мирискаева К. Ш. Концептуализация модальности в разнотипных языках (на материале глагола can и его вербализаторов в русском языке): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2018. 222 с.
7. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1959. 440 с.
8. Стеля С. С. Просодические средства выражения модальности в риторическом вопросе в немецком языке // Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2006. № 3. С. 68–74.
9. Чумакова Т. В., Малышева О. К. Восклицательные предложения в детском дискурсе прозы А. П. Гайдара // Молодой ученый. 2015. № 23-2 (103). С. 93–95.
10. Ehrman M. E. The meanings of the modals in Present-Day English. M.: Higher School Publishing House, 1986. 430 p.
11. Hermeren L. On Modality in English: a study of the semantics of the modals. Lund: Lund University Press, 1978. 195 p. (Series: Lund Studies in English, 53).
12. Leech G. Meaning and the English verb. London: Longman, 1971. 131 p.
13. Lyons J. Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 376 p.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. [On the category of modality and modal words in Russian language]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected Works. Studies in Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 53–57.
2. Davydova L. A. *Elementy modal'nosti v strukture sovremennogo angliyskogo predlozheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Elements of modality in the structure of modern English sentences: abstract of Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Moscow, 1968. 19 p.

3. Ermolaeva L. S. *Sistema sredstv vyrazheniya modal'nosti v sovremennykh germanskikh yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The system of means of expressing modality in modern Germanic languages: abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1964. 14 p.
4. Zvereva E. A. *Nauchnaya rech' i modal'nost'* [Scientific speech and modality]. Leningrsk, Nauka Publ., 1983. 158 p.
5. Zolotova G. A. [On the modality of the sentence in the Russian language]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1962, no. 4, pp. 65–79.
6. Miriskaeva K. Sh. *Kontseptualizatsiya modal'nosti v raznosistemnykh yazykakh (na materiale glagola can i yego verbalizatorov v russkom yazyke): dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptualization of modality in languages of different systems (on the basis of the verb can and its verbalizers in Russian): Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Pyatigorsk, 2018. 222 p.
7. Smirnitkii A. I. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [The morphology of the English language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1959. 440 p.
8. Stelya S. S. [Prosodic means of expressing modality in a rhetorical question in German]. In: *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaynaga universiteta. Seryya 4: Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2006, no. 3, pp. 68–74.
9. Chumakova T. V., Malysheva O. K. [Exclamatory sentences in the children's discourse of A. P. Gaidar's prose]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2015, no. 23-2 (103), pp. 93–95.
10. Ehrman M. E. *The meanings of the modals in Present-Day English*. Moscow, Higher School Publishing House, 1986. 430 p.
11. Hermeren L. *On Modality in English: a study of the semantics of the modals*. Lund, Lund University Press, 1978. 195 p.
12. Leech G. *Meaning and the English verb*. London, Longman, 1971. 131 p.
13. Lyons J. *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 376 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбунова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ev.svet@mail.ru;

Донскова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета;
e-mail: indigoviolet@mail.ru;

Пугина Елена Юниоровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета;
e-mail: mirka2011@yandex.ru;

Яшенкова Лариса Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета;
e-mail: 10_london@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Gorbunova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: ev.svet@mail.ru;

Irina I. Donskova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theory of the Language, Anglistics and Applied Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: indigoviolet@mail.ru;

Elena Yu. Pugina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theory of the Language, Anglistics and Applied Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: mirka2011@yandex.ru;

Larisa A. Yashenkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theory of the Language, Anglistics and Applied Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: 10_london@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семантические особенности лингвистических средств выражения категории модальности в художественной литературе (на материале повести-сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес») / Е. В. Горбунова, И. И. Донскова, Е. Ю. Пугина, Л. А. Яшенкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 38–47.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-38-47

FOR CITATION

Gorbunova E. V., Donskova I. I., Pugina E. Yu., Yashenkova L. A. Semantic peculiarities of linguistic means of expression modality in fiction (based on the fairy tale by Lewis Carroll «Alice's Adventures in Wonderland»). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 38–47.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-38-47

УДК 81-1751

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-48-56

НЕКОТОРЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЭНАНТИОСЕМИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Колесникова О. П.

Донской государственной технической университет

344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении некоторых моделей энантиосемичных синтаксических конструкций с модальными глаголами в немецком языке.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ энантиосемичных синтаксических конструкций с модальными глаголами *sollen* и *können*. При проведении исследования применены описательный метод, опирающийся на наблюдение и сопоставление, методики компонентного анализа структуры и семантики предложения.

Результаты. В ходе исследования были выявлены некоторые синтаксические модели предложений с энантиосемичным значением и условия, способствующие формированию их противоположного значения.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены некоторые схемы энантиосемичных синтаксических конструкций с модальными глаголами. Результаты исследования могут найти практическое применение при изучении вопросов семантики, синтаксиса и стилистики немецкого языка.

Ключевые слова: энантиосемия, синтаксическая конструкция, модальные глаголы, экспрессивность, энантиосемичное значение, контекст

SOME MODAL VERBS IN ENANTIOSEMY SYNTAX CONSTRUCTIONS IN GERMAN

O. Kolesnikova

Don State Technical University

ploshad' Gagarina 1, Rostov-on-Don 344000, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify some models of enantiosemy syntactic constructions with modal verbs in the German language.

Methodology. The main content of the research is the analysis of enantiosemy syntactic constructions with modal verbs *sollen* and *können*. During the research, a descriptive method was used, based on observation and comparison, methods of the component analysis of structure and semantics of a sentence.

Results. In the course of the study, some syntactic models of sentences with enantiosemy meaning and conditions were revealed that contribute to the formation of their opposite meaning.

Research implications. The article summarizes new material on the topic under study, some schemes of enantiosemy syntactic structures with modal verbs are introduced into the academic use. The results of the research can find practical application in studying the issues of semantics, syntax and stylistics of the German language.

Keywords: enantiosemy, syntactic construction, modal verbs, expressiveness, enantiosemic meaning, context

Введение

Многие лингвисты занимались и занимаются рассмотрением предложений с точки зрения структурно-семантического построения и проблемы противоположности, но исследования синтаксических конструкций, имеющих энантиосемичное значение в немецком языке, в полном объёме не проводились, поэтому данная проблема является актуальной. В связи с этим возникла необходимость описания проблемы значений синтаксических конструкций, имеющих одну языковую форму, но противоположное содержание, а также определения схем данных синтаксических конструкций, что и является новизной нашего исследования, так как в разделе синтаксиса немецкого языка на данный момент не найдено подобной информации.

Цель исследования заключается в изучении энантиосемичных синтаксических конструкций с модальными глаголами с учётом их структурно-семантических особенностей, а также рассмотрение контекстуальных условий, при которых реализуются противоположные значения исследуемых языковых единиц. Задачей исследования является определение некоторых схем энантиосемичных синтаксических конструкций с модальными глаголами и описание их структурно-семантических особенностей в условиях коммуникации. Исследование проводилось с помощью анализа и сопоставления структурно-семантических особенностей энантиосемичных синтаксических конструкций на примерах, которые были найдены методом сплошной выборки из произведений художественной литературы. Материалом исследования послужили следующие произведения на немецком языке: Ш. Бронте „Jane Eyre“, Дж. Остин „Die Abtei von Northanger“, С. Майер „Biss zum Morgengrauen“, К. Гир „Rubinrot“, Б. Келлерман „Der Tunnel“, А. Зерегс „Das siebte Kreuz“, Х. Балль „Flammetti“.

В лингвистике модальные глаголы всегда рассматриваются как отдельная группа глаголов, особенно в немецком языке. Проблемой немецких модальных глаголов занимались выдающиеся теоретики немецкой грамматики В. Юнг [11], Е. И. Шендельс [10], и занимаются в наше время такие исследователи, как Н. П. Мерзлякова [4], И. Н. Рогожникова [8], Р. Д. Шакирова [9], А. В. Аверина [1], Е. В. Бондарук [2] и др. В грамматике немецкого языка В. Юнга указано, что модальные глаголы выражают отношение субъекта к действию или происходящему [11]. Данный факт является общепринятым в германистике.

Следует отметить, что в нашем исследовании особое внимание заслуживают не модальные глаголы сами по себе, как отдельная категория глаголов в немецком языке, а модальные глаголы, которые являются неотъемлемой частью некоторых синтаксических конструкций с энантиосемичным значением.

В Словаре-справочнике лингвистических терминов (ред. Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова) под синтаксической конструкцией понимается «соединенное по правилам грамматики целое, состоящее из слов, словосочетаний, предложений»¹. В Большой российской энциклопедии синтаксическая конструкция – это сочетание слов, представляющее собой синтаксическую единицу, которая является относительно законченным высказыванием². Энантиосемичная синтаксическая конструкция имеет свои особенности, т. к. для категории энантиосемии главным критерием является понятие проти-

¹ Синтаксическая конструкция // Академик: словари и энциклопедии : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1424/синтаксическая> (дата обращения: 09.09.2020).

² Лопатина Л. Е. Синтаксическая конструкция // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679> (дата обращения: 09.09.2020).

воположности. Для синтаксической конструкции с энантиосемичным значением возможно «совмещение в одной звуковой или графической форме двух противоположных значений», как и для лексического энантионима [5].

Модальный глагол *sollen* в энантиосемичных синтаксических конструкциях

В немецком языке к модальным глаголам традиционно относят следующие глаголы: *sollen, müssen, dürfen, können, wollen, mögen* [4]. В ходе исследования выявлено, что все перечисленные модальные глаголы встречаются в синтаксических конструкциях с энантиосемичным значением, но очевидно, что энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *sollen* наиболее употребительны. Самостоятельное значение глагола *sollen* – «долженствовать, быть вынужденным (повеление извне)». Но глагол *sollen* не всегда передаёт своё основное значение [1], в чём можно убедиться при изучении некоторых синтаксических конструкций. Часто в немецком языке встречается вопросительная синтаксическая конструкция с энантиосемичным значением, соответствующая следующей схеме: “*Soll(en)+ N1(ich/sie/Sie/wir)+ ... + V Inf.?*”

1) *Er ließ sich das kurz durch den Kopf gehen, dann breitete sich ein triumphierendes Lächeln auf seinem Gesicht aus. »Wirklich?«, fragte er zufrieden.*

»*Soll ich jetzt Beifall klatschen?*«, *fragte ich zurück.*

Er grinste. »Ich bin einfach nur angenehm überrascht«, stellte er klar.¹ (т. е. не должна аплодировать)

В первом примере можно наблюдать расхождение формы и содержания высказывания. По форме данная вопросительная синтаксическая конструкция положительная, а по содержанию отрицательная. Синтаксическая конструкция

похожа на риторический вопрос, то есть говорящий не ждёт ответа на свой вопрос от собеседника. Такие предложения отличаются особенной экспрессивностью. «Экспрессивность речи всегда подчеркивает ее индивидуальность, и ее можно рассматривать как способ придания языку определенной выразительности» [6]. Синтаксическая конструкция «*Soll ich jetzt Beifall klatschen?*» (*Может я должна сейчас похлопать (поаплодировать)?*) (т. е. не должен аплодировать) является энантиосемичной, это подтверждают предложения из левого контекста: *Er ließ sich das kurz durch den Kopf gehen, dann breitete sich ein triumphierendes Lächeln auf seinem Gesicht aus. »Wirklich?«, fragte er zufrieden. (Он задумался об этом на мгновение, затем торжествующая улыбка расплылась по его лицу. «Правда?», – с удовлетворением спросил он).* Говорящий явно ждет одобрения своих действий, и поэтому собеседник спрашивает, *может нужно ещё поаплодировать*, но, естественно, эта фраза сказана с иронией, так как сама героиня не считает нужным похвалить его за определённые действия. То есть она не собирается его хвалить и поощрять его поведение аплодисментами. В правом контексте предложение *Er grinste (он ухмыльнулся)* подтверждает, что герой понял ироническое значение фразы своей собеседницы, что, конечно, она не должна ему аплодировать.

Данная синтаксическая конструкция может иметь и прямое значение, приведём пример из разговорной речи: *Sie sagte: «Dieser Schauspieler erzählte seine Geschichte sehr interessant. Soll ich jetzt Beifall klatschen?», «Ja, wir sollen das jetzt machen, weil der Vorhang schon schließt».* В этом примере при положительной оформленности сохраняется положительное содержание. Учитывая, что рассматриваемая синтаксическая конструкция имеет и утвердительное, и отрицательное значение, можно говорить о том, что данная конструкция является симметричной энантиосемичной синтаксической конструкцией.

¹ Meyer St. Biss zum Morgengrauen. Hamburg: Carlsen Verlag GmbH, 2017. S. 141.

2) *Sollte das wahr sein?* Неужто это правда?¹ (т. е. это неправда)

Второй пример также является положительным по форме, но противоположным по содержанию. Данное вопросительное предложение является риторическим вопросом, на который явно не ждут ответа, что позволяет говорить о выражении эмоций таким высказыванием в момент коммуникации.

Рассмотрим следующую вопросительную синтаксическую конструкцию с вопросительным словом *Warum*: “*Warum soll/te(en)+ NI(ich/sie/Sie/wir)+ ... + (nicht)+V Inf.?*”

3) *Es wäre durch nichts zu rechtfertigen, wenn ich dein ganzes Glück nur um meines Bruders willen opfern wollte, nur weil er mein Bruder ist, der schließlich ohne dich vielleicht ebenso glücklich wird. Denn viele Menschen wissen gar nicht, was sie vorhaben. Namentlich junge Männer sind so unglaublich wankelmütig und wetterwendisch. Warum sollte mir das Glück meines Bruders mehr am Herzen liegen als das meiner Freundin? Du kennst ja meine hohe Auffassung von der Freundschaft. Aber vor allem, meine liebe Catherine, übereile nichts. Sei sicher, wenn du es überstürzest, wirst du es bald bereuen*² (т. е. не должно быть важнее).

4) *Dann nahm sie ein Tuch. »Ich will nachsehen«, sagte sie halblaut zu sich. »Mac kann sagen, was er will. Warum soll ich zu Hause bleiben? Gerade jetzt! Die Frauen werden in Angst sein und brauchen gerade jetzt jemand, der ihnen zuredet.«*³ (т. е. не должен оставаться дома).

5) – *Still! Wenn jetzt jemand kommt! – Wer soll denn hier kommen? А кто же придет-то?!*⁴ (т. е. никто не придёт).

Данные примеры, образованные на

¹ Дзэнс Н. И., Перевышина И. Р. Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий : учебное пособие. СПб.: Антология, 2012. С. 211. (Далее – Дзэнс Н. И., Перевышина И. Р.)

² Austen J. Die Abtei von Northanger. LaTeX, S. 67.

³ Kellerman B., Der Tunnel. München: HeyneBücher, 1981. S. 295.

⁴ Дзэнс Н. И., Перевышина И. Р. С. 207.

основе указанной выше синтаксической конструкции, отличаются от предыдущих синтаксических конструкций тем, что в первом случае с точки зрения грамматики перед нами общий вопрос, а во втором случае специальный вопрос, с вопросительным словом. Но в остальном эти синтаксические конструкции очень похожи. Указанные примеры также являются риторическими вопросами и несут в себе ироничный подтекст, при энантиосемичном переосмыслении в них можно наблюдать рассогласование формы и содержания. В третьем примере синтаксическая конструкция *Warum sollte mir das Glück meines Bruders mehr am Herzen liegen als das meiner Freundin?* (Почему я должен больше заботиться о счастье своего брата, чем о счастье своей девушки?) при энантиосемичном переосмыслении как утвердительно оформленное предложение получает отрицательное содержание, то есть *он не должен так поступать*. В четвертом примере синтаксическая конструкция «*Warum soll ich zu Hause bleiben?*» приобретает отрицательное содержание при положительной форме *Почему я должен оставаться дома?* (т. е. не должен оставаться дома). Синтаксическая конструкция представляет собой риторический вопрос, с помощью которого герой выражает своё возмущение, негодование и несогласие, что он должен остаться дома. Предложения из правого контекста *Gerade jetzt! Die Frauen werden in Angst sein und brauchen gerade jetzt jemand, der ihnen zuredet.* (Прямо сейчас! Женщины будут напуганы и нуждаются в ком-то, чтобы поговорить с ними прямо сейчас) подтверждают, что говорящий хочет сказать, что он не должен сейчас оставаться дома. Рассматриваемая синтаксическая конструкция может иметь и прямое значение, рассмотрим пример из разговорной речи: *Die Tochter fragte: «Warum soll ich zu Hause bleiben?» Die Mutter antwortete: Du bist krank. Heute sollst du zu Hause bleiben.* В данной конструкции отсутствует рассогласование формы и

содержания, положительная по форме конструкция имеет положительное содержание. Наличие у синтаксической конструкции отрицательного и положительного значения свидетельствует о том, что эта конструкция обладает симметричной энантиосемичностью. Пятый пример, как и предыдущие, по форме положительный, но при переосмыслении приобретает противоположное значение. Следовательно, данные синтаксические конструкции обладают энантиосемичными признаками.

Модальный глагол *können* в энантиосемичных синтаксических конструкциях

Стоит отметить, что энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *können* также довольно употребительны. Самостоятельное значение модального глагола *können* – мочь, уметь, (физическая возможность что-либо сделать). В ходе исследования становится понятно, что не всегда глагол *können* передаёт своё основное значение, и это подтверждается при рассмотрении некоторых синтаксических конструкций с данным модальным глаголом. Следующая энантиосемичная синтаксическая конструкция с вопросительным словом «*Wie kann(st)+N1(ich/du/er/sie/es)+ denn + ... +(so)mal + V Inf.?*» встречается довольно часто в немецком языке:

б) *Gerade eben noch hatte er unter großer Anspannung gestanden, liebe Güte, er hatte meiner Cousine eine Pistole an den Kopf gehalten! Das konnte ihn doch unmöglich kaltgelassen haben. »Wie kannst du schon wieder Witze machen?« Plötzlich sah er verlegen aus. Er zuckte mit den Achseln. »Fällt dir was Besseres ein?« »Ja! Wir könnten uns zum Beispiel einen Reim daraus machen, was da eben gerade passiert ist! Warum sagen Lucy und Paul, dass jemand dein Gehirn gewaschen hat?«¹ (т. е. не можешь/не должен шутить)*

В шестом примере мы видим вопросительную энантиосемичную синтаксическую конструкцию с модальным глаголом *können*, в которой нет отрицания, и она по структуре ничем не отличается от обычного положительного вопросительного предложения в немецком языке, но пресуппозиция данного высказывания показывает отрицательное, а именно противоположное по значению, содержание этой синтаксической конструкции: «*Wie kannst du schon wieder Witze machen?*» «Как же ты можешь снова шутить?» (т. е. не можешь), не должен шутить). В этом высказывании в виде риторического вопроса чувствуется возмущение героя. Синтаксическая конструкция эмоционально окрашенная, что характерно для энантиосемичных синтаксических конструкций [3].

Рассматривая следующую энантиосемичную синтаксическую конструкцию с модальным глаголом *können* «*Wie kann(st)+N1(ich/du/er/sie/es/man)+ denn + ... +(so)mal + V Inf.!*», следует обратить внимание, что в данном случае конструкция отличается от предыдущей лишь восклицательным знаком в конце высказывания, что превращает её в побудительное предложение.

7) Er wird bei uns bleiben nicht nur bis elf, wie es sonst üblich ist, sondern bis drei Uhr. Denn: es wird getanzt.

Sie sagen vielleicht: wie kann man hier tanzen, unter den Heckenrosen? Aber das ist gerade die Kunst. Wir werden den Frühling in Herbst verwandeln durch Aufgebot unserer dienstbaren Geister vom »Krokodil« und Umgebung² (т. е. невозможно танцевать).

Интересно, что в седьмом примере в синтаксической конструкции «*wie kann man hier tanzen, unter den Heckenrosen?*» (как можно здесь танцевать, под дикими розами?) в продолжении самой конструкции указывается причина, почему невозможно здесь танцевать, так как там растут дикие розы. Синтаксическая кон-

¹ Gier K., Rubinrot. Würzburg: Arena, 2009. S. 296.

² Ball H. Flammetti. Berlin: Contumax, 2010. S. 95.

струкция утвердительная по форме, но противоположная по содержанию и выражает эмоциональное состояние героя, который уже в следующем высказывании *Aber das ist gerade die Kunst (Но это же искусство)* как бы опровергает мысль, что невозможно танцевать, то есть это искусство и для него нет никаких преград. Стоит отметить, что вопросительные синтаксические конструкции с энантиосемичным значением обладают особенной экспрессивностью [7]. Экспрессивность при этом всегда «выражает чувства говорящего по отношению к субъекту или явлению действительности» [5].

В следующем примере рассмотрим энантиосемичную синтаксическую конструкцию «*Wie kann(st)+N1(ich/du/er/sie/es/man)+ denn + ... +(so)mal + V Inf.? Wie kann +N1(ich/du/er/sie/es)+ ...?(!)*»:

8) *..., als die Türe sich auftrat und zwei Damen eintraten; die erste, eine schöne, schlanke Gestalt, mit dunklem Haar, schwarzen Augen und blasser, hoher Stirne, trug ein Licht; sie musterte mich einen Augenblick und stellte dann den Leuchter auf den Tisch. «Wie kann man ein so junges Kind allein reisen lassen!» meinte sie: «Es wäre besser, sie gleich zu Bett zu bringen, sie sieht müde aus.» Und zu mir gewandt: «Bist du sehr müde?», mir dabei die Hand auf meine Schulter legend.*¹ (т. е. невозможно позволить путешествовать ребёнку одному).

Указанная синтаксическая конструкция «*Wie kann man ein so junges Kind allein reisen lassen!*» (Как можно позволить такому маленькому ребёнку путешествовать одному!) интересна тем, что по структуре она представляет собой вопросительное предложение с вопросительным словом, а именно – специальный вопрос, а в конце предложения стоит восклицательный знак. Этот факт и наличие асимметрии формы и содержания свидетельствует о том, что синтаксическая конструкция обладает высокой степе-

ню экспрессии. При энантиосемичном переосмыслении синтаксическая конструкция из вопросительного предложения трансформируется в побудительное предложение, то есть *невозможно позволить путешествовать ребёнку одному* преобразуется по смыслу в предложение *Не позволяйте ребёнку путешествовать одному!* Данная трансформация говорит о наличии функциональной асимметрии, которая возникает при несовпадении функционального типа формы и содержания синтаксической конструкции.

Далее рассмотрим ещё одну энантиосемичную синтаксическую конструкцию с модальным глаголом *können* «*Wie kann(st) + N1(ich/du/er/sie/es/man)+ denn,(so)mal + wissen (?), ...*»

9) *Hat er gesagt: So eine große Kontrolle war ja auch selbst schwer kontrollierbar – übrigens wird er bald heiraten, rat mal wen? « – »Anton, du verlangst zuviel von mir», sagte Franz, »wie kann ich wissen, wen dein Vetter heiraten will. «Er verbarg seine Erregung. Hat sich dieser SS-Vetter wirklich nach seiner Laune erkundigt. »Er will das kleine Mariechen aus Botzenbach heiraten»² (т. е. не может знать).*

В девятом примере дана синтаксическая конструкция с инфинитивом *wissen*, которая встречается довольно часто: «*Wie kann ich wissen?*» (Откуда я могу это знать?). В этом случае снова риторический вопрос, где говорящий не ожидает ответа на свой вопрос и при этом показывает своё возмущение, удивление, что от него требуют чего-то невозможного. Соответственно в такой конструкции присутствует рассогласование формы и содержания, именно асимметрия формы и содержания позволяет ещё лучше выразить эмоции говорящему.

Примечательно, что у приведённых конструкций существуют параллельно такие же по форме предложения с модальными глаголами, значение которых

¹ Brontë C. Jane Eyre. Zürich: Manesse Verlag, 1963. S. 63.

² Seghers A. Das siebte Kreuz. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1949. S. 136.

не переосмысливается в противоположном смысле. Рассмотрим примеры из разговорной речи:

(1) *Franz interessiert sich: Wer soll denn hier kommen? – И кто же сюда придёт? – Ich weiß nicht genau, aber jemand kommt.* (т. е. *кто-то придёт*)

(2) – *Still! Wenn jetzt jemand kommt! – Wer soll denn hier kommen? Man sieht niemanden. А кто же придёт-то?! Никого же нет* (т. е. «никто не придёт»).

В первом примере дана синтаксическая конструкция с модальным глаголом *sollen*, которая не переосмысливается в противоположном смысле, как было сказано выше, а вот во втором примере можно видеть такое же высказывание, но в другом контексте, который в свою очередь способствует переосмыслению данного высказывания в противоположном смысле (*А кто же придёт-то?! Никого же нет* (т. е. «никто не придёт»)). По форме данное выражение положительное, а по содержанию является отрицательным.

Заключение

Энантиосемичное переосмысление перечисленных синтаксических конструкций связано с их небольшой фразеологизацией и переходом в разряд устойчивых моделей. В энантиосемичных устойчивых моделях следует отметить вынесение в начальную позицию наиболее важного с точки зрения информации члена предложения, наличие модальных

слов типа *denn, wohl, ja, gerade, doch, bloß* и т. п. и особое интонирование предложений [7]. В результате чего они получают противоположное содержание: чаще отрицательное, реже положительное. Важно, что большинство из энантиосемичных синтаксических конструкций с модальными глаголами, особенно с глаголом *sollen*, обладают симметричной энантиосемичностью

В ходе исследования были определены некоторые схемы энантиосемичных синтаксических конструкций с модальными глаголами, что непременно дополняет раздел синтаксиса немецкого языка, так как данный аспект остаётся малоизученным, что и представляет на наш взгляд научную ценность для теории немецкого языка. При анализе упомянутых синтаксических конструкций было выявлено, что энантиосемичные синтаксические конструкции с модальными глаголами *sollen* и *können* встречаются довольно часто в немецком языке. Можно предположить, что это связано с тем, что рассматриваемые синтаксические конструкции позволяют лучше выражать эмоции говорящего в процессе общения. Часто это происходит благодаря переосмыслению высказывания под влиянием контекста, как лингвистического, так и экстралингвистического, иронического смысла и яркой экспрессивности подобных выражений.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В. Зависимость семантики модальных глаголов немецкого языка от контекстуального окружения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 7–11. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.1.
2. Бондарук Е. В. Модальные глаголы: между модальностью, эвиденциальностью и темпоральностью (на материале современного немецкого языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 19–34. DOI: 10.17223/19986645/59/2.
3. Меликян В. Ю. Негопозитивные синтаксические конструкции с асимметричной противоположностью значений // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 4 (28). С. 126–135.
4. Мерзлякова Н. П. Проблема классификации модальных глаголов в современном немецком языке // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2007. № 5 (2). С. 123–130.
5. Острикова Г. Н. Об экспрессивности энантиосемичных лексических фразеологизмов в немецком языке // Гуманитарные и социальные науки (сетевое издание). 2013. № 4. URL: http://hses-online.ru/2013/04/10_02_19/18.pdf (дата обращения: 07.08.2019).

6. Острикова Г. Н., Колесникова О. П. Выражение эмоциональности и экспрессивности в энантиосемичных предложениях в немецком языке // Гуманитарные и социальные науки (сетевое издание). 2020. № 2. URL: <http://hses-online.ru/2020/02/25.pdf> (дата обращения: 07.08.2019). DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-215-223
7. Острикова Г. Н., Колесникова О. П. О некоторых вопросительных предложениях с энантиосемичным значением в немецком языке // Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном пространстве : материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 16–17 мая 2019 г. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 89–92.
8. Рогожникова И. Н. Коммуникативно-прагматическое пространство директивных речевых актов с модальными глаголами (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 85–89.
9. Шакирова Р. Д. Контекстуально-семантические особенности функционирования модальных глаголов *müssen*, *mögen*, *können*, *dürfen* в эпистемической функции // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 113–116.
10. Шендельс Е. И. Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка) // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. 1959. Т. XIX. С. 104–110.
11. Jung W. *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1980. 488 s.

REFERENCES

1. Averina A. V. [Dependence of the semantics of the German language modal verbs on contextual environment]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 2, pp. 7–11. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.1
2. Bondaruk Ye. V. [Modal verbs: between modality, evidentiality and temporality (on the material of modern German)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2019, no. 59, pp. 19–34. DOI: 10.17223/19986645/59/2
3. Melikyan V. Yu. [The negopositive syntactic constructions with asymmetrical opposite meanings]. In: *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2017, no. 4 (28), pp. 126–135.
4. Merzlyakova N. P. [The problem of the modal verbs classification in modern German]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Bulletin of Udmurt University. Philological Sciences], 2007, no. 5 (2), pp. 123–130.
5. Ostrikova G. N. [On the expressiveness of anantiosemaic lexical phraseological units in German]. In: *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki (setevoye izdaniye)* [Humanitarian and social sciences (online edition)], 2013, no. 4. URL: http://hses-online.ru/2013/04/10_02_19/18.pdf (accessed: 07.08.2019).
6. Ostrikova G. N., Kolesnikova O. P. [Expression of emotionality and expressivity in enantiosemy sentences in German]. In: *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki (setevoye izdaniye)* [Humanitarian and social sciences (online edition)], 2020, no. 2. URL: <http://hses-online.ru/2020/02/25.pdf> (accessed: 07.08.2019). DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-215-223
7. Ostrikova G. N., Kolesnikova O. P. [On some interrogative sentences with enantiosemy meaning in the German language]. In: *Problemy issledovaniya i prepodavaniya inostrannykh yazykov v polikul'turnom prostranstve: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar, 16–17 maya 2019g.)* [Problems of research and teaching of foreign languages in a multicultural space : materials of the international scientific and practical conference, Krasnodar, May 16–17, 2019]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2019, pp. 89–92.
8. Rogozhnikova I. N. [Communicative-pragmatic space of directive speech acts with modal verbs (in the German language)]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaneniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2012, no. 2 (16), pp. 85–89.
9. Shakirova R. D. [Contextual and semantic features of modal verbs *müssen*, *mögen*, *können*, *dürfen* functioning in epistemic role]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2012, vol. 17, no. 1, pp. 113–116.
10. Shendels Ye. I. [Denial as a linguistic concept (on the material of the German language)]. In: *Uchenyye zapiski MGPIIYA im. M. Toreza* [Scientific Notes of the The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages], 1959, vol. XIX, pp. 104–110.
11. Jung W. *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig, Bibliographisches Institut, 1980. 488 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесникова Олеся Петровна – аспирант кафедры мировых языков и культуры Донского государственного технического университета; старший преподаватель кафедры научно-технического перевода и профессиональной коммуникации Донского государственного технического университета;
e-mail: Ole-ole-olesija@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya P. Kolesnikova – Postgraduate student, Department of World Languages and Cultures, Don State Technical University; senior lecturer, Department of Scientific and technical translation and professional communication, Don State Technical University;
e-mail: Ole-ole-olesija@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесникова О. П. Некоторые модальные глаголы в энантиосемичных синтаксических конструкциях в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 48–56.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-48-56

FOR CITATION

Kolesnikova O. P. Some modal verbs in enantiosemy syntax constructions in German. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 48–56.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-48-56

УДК 811.111:81'23

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-57-63

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАСЕКОМОГО МУХА / FLY В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ражева Е. С.^{1,2}, Нуриева Н. С.¹

¹ Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи – выявление отличных и схожих характеристик образа *мухи / fly* в английской и русской лингвокультурах для создания ономасиологического портрета насекомого.

Процедура и методы. Материалом исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из русско- и англоязычных словарей (14 источников). Анализ выявляет ряд черт, присущих образу *мухи / fly* в английской и русской лингвокультурах. На основе рассмотренных примеров паремий и фразеологизмов авторы иллюстрируют положение о том, что в рассматриваемых лингвокультурах присутствуют сходные и различительные характеристики, присущие только одной лингвокультуре.

Результаты. На основе выбранных для анализа паремий и фразеологизмов формируется неоднозначный образ насекомого *мухи / fly*, в котором присутствуют не только отрицательные ассоциации, связанные с инсектофоном, но и ряд положительных характеристик.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут предложить и обосновать системный подход к анализу ономасиологических портретов инсектофонов в английской и русской лингвокультурах. Данный подход следует применять в рамках фоносемантических исследований, когда речь идет о лексических единицах с ономатопоэтической основой.

Ключевые слова: лингвокультура, звукоподражательное слово, ономасиологический портрет, инсектофон, паремия, фразеологизм, языковой знак

ONOMASILOGICAL PORTRAIT OF AN INSECT FLY / МУХА IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGVOCULTURES

E. Razheva^{1,2}, N. Nurieva

¹ Bauman Moscow State Technical University
ulitsa Vtoraya Baumanskaya 5 build. 1, Moscow 105005, Russian Federation

² Moscow Region State University
ulitsa Verry Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify and systematize the different and coinciding characteristics of the image of a *мухи / fly* in English and Russian linguocultures to create an onomasiological portrait of an insect.

Methodology. The research material was data obtained by continuous sampling from Russian- and

English-language dictionaries (14 sources). The analysis reveals a number of features inherent in the image of the fly in English and Russian linguistic cultures. Based on the considered examples of paroemias and phraseological units, the authors illustrate the point that the considered linguistic cultures have similar and distinctive characteristics inherent in only the one linguistic culture.

Results. Based on the selected paroemias and phraseological units, an ambiguous image of a *fly* / *муха* is formed, in which there are not only negative features associated with the insectophone, but also a number of positive traits.

Research implications lie in the fact that the results of the study can serve as a systematic approach to the analysis of onomasiological portraits of insectophones in English and Russian linguistic cultures. This approach should be applied in the framework of phonosemantic studies when it comes to lexical units with an onomatopoeitic basis.

Keywords: linguoculture, onomatopoeic word, onomasiological portrait, insectophone, paremia, phraseological unit, language sign

Введение

Интерес к взаимодействию культур при изучении различных систем языков на сегодняшний день огромен (см., например, [2: 4; 5]). Исследование подобного характера предполагает применение ономасиологического подхода [1; 7; 8].

Ономасиология занимается задачами, связанными с дихотомией знака: словом и его значением (внешней оболочкой слова и его наполнением). Точнее, каким образом взаимодействует слово со своей сущностью, какая связь возникает между знаком и его значением: мотивированная или денатуризованная. Слово представляется не просто наименованием предмета или явления, а как «отраженный в голове человека образ вещи, представление о ней, некий концепт, в конечном счете – понятие» [3, с. 37].

В процессе анализа языкового материала составляется ономасиологический портрет рассматриваемой сущности, который позволяет наиболее объективно сформировать представление о ней. Источниками для создания ономасиологического портрета *мухи* / *fly* послужили английские и русские фразеологизмы и паремии.

В инсектофонах (звукоподражательных названиях насекомых) *муха* / *fly* связь между словом и его значением мотивированна. Таким образом, этимология лексемы *муха* такова, что имеет общеславянское, индоевропейское родство и связано

с лат. *musca*, латышск. *muša*, греч. *myia*, др.-в.-нем. *muska* «комар», производное (суф. *-s* > *-x-*) от звукоподражательного слова *mū*¹. Таким образом, затемнения формы не произошло.

В английском инсектофон *fly* также является звукоподражательным. Древнеанглийское слово *fleoge* «муха, крылатое насекомое» происходит от протогерманского *fleugon* – «летающее насекомое» (которое происходит от древнесаксонского *fleiga*, древнескандинавского *fluga*, среднеголландского *vlieghe*, голландского *vlieg*, древнегерманского *flioga*, немецкого *Fliege* «летать»); оно буквально означает «летающее (насекомое)» (ср. древнеанглийский *fleogende* «летать»), образованное от корня *pleu* – «течь», который, в свою очередь, также является источником для лексемы «муха»².

Понятие «полет» / *a flight, flying* отмечено в словарях в середине XV в. и восходит к глаголу и выражению «хлопать, как крыло» / *'flapping as a wing does'*, от чего в последствии возникает существительное *tent flap* – «откидная створка палатки» (1810 г.), значение которого было позже распространено на *“strip of material sewn into a garment as a covering for buttons”* –

¹ См.: Муха // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/m/муха> (дата обращения: 01.11.2021).

² См.: Fly // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/fly#etymonline_v_8955 (дата обращения: 01.11.2021).

«полоска материала, вшитая в одежду в качестве покрытия для пуговиц или для какой-либо другой цели» (1844 г.)¹ Фонема *fl* передаёт ощущение полета.

В ходе нашего исследования были проанализированы 14 различных русско- и англоязычных лексикографических источника, включая толковые, этимологические, фразеологические словари, словари пословиц и поговорок.

Совпадающие характеристики образа мухи / *fly* в русско- и англоязычных лингвокультурах

Обратимся к семиозису языкового знака, который имеет четыре этапа [6]. Напоминаем, что первыми тремя этапами можно назвать: знак-сигнал, который представляет собой звук, испущенный насекомым, затем идёт знак-индекс, то есть речевой знак, и знак-символ, который является языковым знаком.

В данной статье интерес для исследования представляет конечный этап этого процесса – формирование культурного символа, культурного знака. Благодаря абстрактному мышлению происходит постепенный переход от языкового знака к символу на основе метафоризации, аллегорических пояснений, которые отражают картину мира человека, основываясь на ряде социолингвистических факторов. Мы прослеживаем формирование культурного символа инсектофона *fly* / *муха* на основе паремий и фразеологических оборотов в обеих лингвокультурах.

Так, *fly* / *муха* имеет противоречивые характеристики. С одной стороны, муха символизирует зло и различные эпидемии, которые причиняли неудобства нашим предкам. Для борьбы с ними обращались к богам. Сам Зевс имел второе имя Апомиус, означающее «оберегающий от мух». В христианстве мухи ассоциируются как с физическим, так и духовным разложением, более того мухи – непре-

менные спутники демонов. В еврейской культуре главного демона Вельзевула прозвали «Повелителем мух» из-за аналогии с зебуб или забаб (муха). Дословно его имя переводится как «Повелитель, который жуужит».

С другой стороны, в Древнем Египте мухи оберегали людей от бед и неприятностей, поэтому их изображения можно было увидеть на стенах храмов. Более того, мухи символизировали храбрость, так как героев в древнее времена за выдающиеся поступки награждали золотыми мухами.

Рассмотрим более подробно, какие добродетели и негативные качества приписывают инсектофону *fly* / *муха* в английской и русской лингвокультурах.

Так, в обеих лингвокультурах *fly* / *муха* олицетворяет пагубную привычку – алкоголизм. В английском языке этому явлению посвящены две паремии: *bar-fly* – ‘алкоголик, постоянный посетитель баров, в которых продаётся алкоголь, и где он выпрашивает бесплатную выпивку’²; *drink with the flies (have one with the flies)* – пить в одиночку, пить одному (идёт с пометой *австрал.*). В русском языке выявлены три паремии, отражающие данную привычку: *под мухой* – в состоянии опьянения, навеселе; *с мухой (с мухой в голове)* – в состоянии опьянения, в словаре идёт с пометой просторечное; *муху раздавить* – тоже просторечная паремия, означающая выпивать вино³.

Тишина / молчание как одно из качеств мухи зафиксировано в следующих английских фразеологических оборотах: *a shut mouth catches no flies* – молчание глупостей не делает, кто молчит, тот не грешит; *be a fly on the wall* – молчаливый наблюдатель⁴; и в русском языке – *слыши-*

² См.: Multitran dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 18.11.2021).

³ См.: Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 306.

⁴ См.: Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.10.2021).

¹ См.: Fly // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/fly#etymonline_v_8955 (дата обращения: 01.11.2021).

но, как муха пролетит, то есть в полной тишине¹.

Как в русской, так и в английской лингвокультурах отмечается такое качество *fly* / мухи как навязчивость. В английском языке обнаружено нами две паремии, отражающие данную характеристику насекомого: *gad-fly* – надоеда, неотвязчивый человек²; *like a fly on shit* – как муха в туалете (приставать), табуированное³. В русском языке авторами зафиксировано восемь паремий со значением навязчивость: *жужжать над ухом как муха* – приставать по пустякам, много и попусту говорить; *отмахиваться как от мухи* – раздражённо отказываться выслушать или помочь кому-либо; *неотвязчив, как муха*; *как муха к меду льнёт*; *наянлив, что муха, и стыда во лбу нет*; *пристаёт, как муха на сон грядущий*; *жужжать, липнуть, как мухи*⁴; *хорониться, как собака от мух*; *доучлив, как Ильинская муха*. Таким образом, следует заметить, что навязчивость заметно шире представлена в русской лингвокультуре, где значительнее акцентируются все оттенки этого негативного качества насекомого.

В обеих анализируемых лингвокультурах понятие удача также ассоциируется с мухой. В английском языке нами выявлены три паремии: *to kill two flies with one flap* – убить двух зайцев одним выстрелом; *enough to make a fly laugh* – и мёртвого можешь рассмешить; *to swat a fly* – прихлопнуть муху (довольно сложное предприятие, так как муха – очень быстрое насекомое). В русском языке удача отражена только в одной паремии: *где муха не летала, а к пауку попала*. В данном примере удача для паука.

Паремии со значением «ничтожность, незначительность» для анализируемого насекомого также зафиксированы в обоих языках: *eagles don't catch flies*; *орёл не ловит мух*. Эти две паремии являются калькой латинской пословицы “*Aquilae non caput muscas*” и имеют, на первый взгляд, одинаковое значение. Однако в английском языке данная паремия значит, что великий человек не обращает внимания на мелочи и простых людей: “*Great or important people do not concern themselves with trifling matters or insignificant people*” (Великим людям нет дела до пустяков или простых людей); в русском же языке эквивалент обозначает, что великий человек не занимается мелочными делами, он игнорирует всё ничтожное. Таким образом, в английской лингвокультуре присутствует значение «простые люди», которых можно игнорировать, в русском подобное значение не обнаружено.

Интересно переразложение и перифраза латинского выражения в русском языке: *русский орёл не ловит мух*. Эта надпись появилась на триумфальной арке в Санкт-Петербурге. Арка появилась в честь победы при Гангуате и представляла собой изображение орла, который был расположен на спине у слона. Смысл изображения арки: орёл – олицетворение России, а слон – изображение самого большого корабля шведской флотилии под названием “*Elephant*”.

В признаке «многочисленность» в образе муха / *fly* русский язык опережает английский. Так, в русской лингвокультуре зафиксировано две паремии: *мрут (дохнут) как мухи* – в огромном количестве⁵; *облепить со всех сторон словно мухи* – окружить кого-либо или что-либо плотным кольцом (о людях)⁶. В английском языке обнаружена всего лишь одна

¹ Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. 2-е изд. стер. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. С. 314.

² См.: Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.10.2021).

³ См.: Multitran dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 18.11.2021).

⁴ См.: Словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushdict.narod.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵ Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 256.

⁶ Школьный фразеологический словарь русского языка / сост. А. Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2002. С. 307.

паремия: *like flies* – во множестве, в большом количестве.

Различительные характеристики образа мухи / *fly* в обеих лингвокультурах

В английской лингвокультуре образу мухи приписывается эксклюзивность через паремию *like a fly in amber* – как муха в янтаре: редкий, дикий, хорошо сохранившийся музейная редкость¹. В русской лингвокультуре подобное значение отсутствует.

Тем не менее, в русской лингвокультуре символика мухи означает довольно широкий спектр психологических характеристик человека. Например, такая характеристика, как лень, находит отражение в следующих паремиях: *как сонная муха* – вяло, неторопливо, еле-еле что-то делать (о человеке)²; *считать мух* – просторечное и неодобрительное: бездельничать; *ловить мух ртом* – бездействовать, ничего не предпринимать. Ещё одна черта характера человека, описываемая с привлечением лексики «муха», зафиксирована в пяти русских паремиях – это глупость: *мухи в голове* – о странном, глупом, легкомысленном человеке; *на дурака и мухи садятся*; *на дурака и муха падка*³; *за мухой – не с обухом, за комаром – не с кнутом (топором)*⁴. Образ мухи в русской лингвокультуре так же ассоциируется со скукой. Это отражает паремия *мухи дохнут (мрут)* – невыносимо скучно. Также выявляется положительное качество – доброта через паремию: *мухи не обидит*. Здесь имеется в виду миролюбивый, кроткий человек, который не в состоянии

кого-либо обидеть, даже муху, хотя для большинства людей муха – это воплощение чего-то грязного и надоедливого, поэтому уничтожить муху не считается зазорным. Следовательно, человек, который может помирить ужасную муху, может считаться образцом добродетели и терпения. Более того, эта паремия имеет древние корни, и смысл её намного шире, а именно – непротивление злу.

В английской лингвокультуре характеристики, относящиеся к психологическим чертам человека, представлены не так обширно по сравнению с русской лингвокультурой. Так, гордость, тщеславие отражены в следующих паремиях: *a fly on the coach-wheel*⁵ – человек, который сильно преувеличивает свое значение, влияние или участие в каком-либо деле; *тот, кто воображает себя очень важным, но на самом деле не имеет никакого значения. Этот человек много мнит о себе, то есть от скромности не умрёт. Паремия взята из басни Лафонтена «Дилижанс и муха», в основе которой прослеживается басня Эзопа.*

Есть ещё выражение *she's fly*, помеченное в словаре как жаргонное, имеет значение «крутая» и «привлекательная». Песня американского исполнителя Тонни Терри (Tonny Terry), выпущенная в 1987 году, так и называется. Смысл песни: парню нравится девушка, и он думает, что с ней очень весело находиться рядом.

Заключение: основные результаты и выводы

В результате проведённого исследования на основании 23 русских паремий и 12 английских выявлены следующие характеристики, которые приписываются инсектофону *fly / муха* в английской и русской лингвокультурах: 1) алкоголизм; 2) тишина / молчание; 3) навязчивость (значительно шире представлена в рус-

¹ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / под ред. М. Д. Литвинова; 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. С. 288.

² Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 256.

³ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. С. 765.

⁴ Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Диамант, 1998. С. 715.

⁵ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / под ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. С. 289.

ской лингвокультуре); 4) удача; 5) ничтожность / незначительность; 6) многочисленность. Таким образом, стоит отметить, что в обеих лингвокультурах образ мухи имеет больше отрицательных ассоциаций, тем не менее, он также коррелируется с положительными оценками, например, с удачей.

Однако есть ряд характеристик рассматриваемого образа, которые расходятся у инсектофонов в исследуемых языках. Так, для английской лингвокультуры для инсектофона *муха* характерны следующие признаки: 1) эксклюзивность; 2) гордость, тщеславие. В русской же

лингвокультуре они не обнаружены. Для русской лингвокультуры образ ассоциируется с различными чертами человека, которые довольно широко представлены: 1) лень; 2) глупость; 3) скука; 4) доброта. Данные антропонимические черты отсутствуют в английской лингвокультуре. Несмотря на в основном отрицательную характеристику инсектофонов *fly / муха* в обеих лингвокультурах, образ мухи имеет также и положительные ассоциации как в русской, так и в английской лингвокультуре.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова А. Р. Ономаσιологический подход при переводе фразеологизмов // Язык как идентификационный код культуры : материалы научно-практической конференции, Уфа, 05 октября 2017 г. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2018. С. 22–27.
2. Гадзаова Л. П. Закономерная связь языка и культуры, отраженная в высказывании известных людей // Язык и культура. 2019. № 48. С. 46–61. DOI: 10.17223/19996195/48/3
3. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: URSS, 2020. 153 с.
4. Нафикова Л. Ф. Взаимосвязь языка и культуры // Евразийское научное объединение. 2018. № 11-4 (45). С. 257–258.
5. Павлычева Е. Д. К вопросу о типологической классификации видов понятия «речевой портрет» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 144–150. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-144-150
6. Ражева Е. С. Ономаσιологический портрет насекомого в английском и русском языках (на материале ономаσιологического портрета пчелы / bee) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 93–98.
7. Райкова А. Н. Особенности и преимущества изучения глагольной лексики посредством ономаσιологического подхода // Роль государства и институтов гражданского общества в сохранении родных языков и литератур : материалы Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 22 октября 2020 г. Чебоксары: Среда, 2021. С. 81–84.
8. Саковец С. А. Ономаσιологический подход как направление лингвистического анализа // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Пенза, 24–27 апреля 2019 г. : в 2-х т. Т. 1. Методы в лингвистике. Пенза: ПГУ, 2019. С. 231–234.

REFERENCES

1. Arslanova A. R. [Onomasiological approach in the translation of phraseological units]. In: *Yazyk kak identifikatsionnyy kod kul'tury : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ufa, 05 oktyabrya 2017 g.* [Language as an identification code of culture : materials of the scientific and practical conference, Ufa, October 05, 2017]. Ufa, Ufa State Petroleum Technical University, 2018, pp. 22–27.
2. Gadzaova L. P. [The logical relationship between language and culture, reflected in the statements of famous people]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2019, no. 48, pp. 46–61. DOI: 10.17223/19996195/48/3
3. Kubryakova E. S. *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. Moscow, URSS Publ., 2020. 153 p.
4. Nafikova L. F. [Relationship between language and culture]. In: *Yevraziyskoye nauchnoye ob'yedineniye* [Eurasian Scientific Association], 2018, no. 11-4 (45), pp. 257–258.

5. Pavlycheva Ye. D. [On the issue of typological classification of the term “verbal portrait”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 1, pp. 144–150. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-144-150
6. Razheva E. S. An onomasiological portrait of an insect in English and Russian (based on the onomasiological portrait of bee / пчела). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 3, pp. 93–98.
7. Raykova A. N. [Features and benefits of studying verbal vocabulary through an onomasiological approach]. In: *Rol' gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva v sokhranении rodnnykh yazykov i literatur : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Cheboksary, 22 oktyabrya 2020 g.* [The role of the state and civil society institutions in the preservation of native languages and literatures: materials of the International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, October 22, 2020]. Cheboksary, Sreda Publ., 2021, pp. 81–84.
8. Sakovets S. A. [Onomasiological approach as a linguistic analysis method]. In: *Sovremennyye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov : problema metoda: sbornik nauchnykh statey po materialam III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Penza, 24–27 aprelya 2019 g. : v 2-kh tomakh. T. 1. Metody v lingvistike* [Modern trends in linguistics and language teaching: the problem of method: a collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference, Penza, April 24–27, 2019. Vol. 1. Methods in linguistics]. Penza, Penza State University Publ., 2019, pp. 231–234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ражева Елизавета Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для приборостроительных специальностей Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета); доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: e.s.razheva@mail.ru;

Нуриева Наиля Сунгатовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка для приборостроительных специальностей Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: nsnurieva@bmstu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elizaveta S. Razheva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of “English for instrument-making specialties”, Bauman Moscow State Technical University; Assoc. Prof., Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: e.s.razheva@mail.ru;

Nurieva S. Nailya – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of “English for instrument-making specialties”, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: nsnurieva@bmstu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ражева Е. С., Нуриева Н. С. Ономазиологический портрет насекомого *муха / fly* в английской и русской лингвокультурах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 2. С. 57–63.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-57-63

FOR CITATION

Razheva E. S., Nurieva N. S. Onomasiological portrait of an insect *fly / муха* in English and Russian lingvo-cultures. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 2, pp. 57–63.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-57-63

УДК 81.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-64-78

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ АНИМАЦИИ)

Романова Т. А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цели. 1. Выявление и анализ общих вопросов в изучении специальной лексики: развитие терминоведения, статус термина как языковой единицы, неоднозначное толкование понятия «термин», «неидеальность» терминологических единиц, способы терминообразования; стратификация языка профессионального общения, группы специальных лексических единиц (термины – профессионализмы – профессиональные жаргонизмы – онимы). 2. Исследование частных вопросов специальной лексики конкретной предметной области – экранной анимации: пути формирования специальных лексических единиц, лексико-семантические трансформации общеязыковых единиц как результат их семантической адаптации вследствие терминоведения профессиональной информации, специфика тропеического терминоведения, роль прагматической функции специальных лексических единиц в профессиональной деятельности работников анимационной студии, значимость антропонима *Disney* для рассматриваемой предметной сферы в частности и лингвокультурологических понятий американской культуры в целом.

Процедура и методы. Материалом для исследования послужили толковые и этимологические словари английского языка, терминологические словари и справочники, мемуары работников сферы анимации и специалистов данной предметной области, тематические интернет-ресурсы. В работе применялись направления лингвистического метода исследований (историко-описательный, этимологический, контекстуальный анализ, лингвокогнитивный, метод компонентного анализа с использованием анализа словарных дефиниций).

Результаты. Специальная лексика анимации связана с определёнными графическими образами¹ на стыке лингвистики и семиотики, является результатом мышления, лингвокреативности и вовлечённости в её формирование богатого словообразовательного потенциала английского языка.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении представлений об эффективности комплексного подхода, сочетающего лингвистический, лингвокогнитивный и семиотический методы анализа, в исследовании процессов в области формирования специальной лексики анимации как особого вида профессиональной деятельности.

Практическая значимость заключается в возможности применения результатов работы при проведении дальнейших исследований в области специальной лексики современной анимации.

Ключевые слова: специальная лексика, термин, терминология, языковая единица, заимствование, анимация

© СС BY Романова Т. А., 2022.

¹ Под графическим образом в данной работе понимается анимационный объект, рождающийся в воображении художника-аниматора (семиотический аспект) и принимающий требуемый художественно-изобразительный облик (в виде эскиза, рисунка) в соответствии с терминологическим наименованием процесса (лингвокогнитивный аспект), в ходе которого этот объект формируется, дорабатывается и совершенствуется.

GENERAL AND SPECIAL QUESTIONS OF STUDYING SPECIAL VOCABULARY (BY THE EXAMPLE OF SPECIAL VOCABULARY OF ANIMATION)

T. Romanova

Moscow City University

Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd 4, build.1, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aims. 1. To identify and analyze some general issues in the field of studying specific vocabulary: the development of terms studies, the linguistic status of the term, ambivalent interpretations of the “term” concept, “defective” peculiarities of terms, linguistic ways of making terms; groups of words in specialized communication (terms – professional words, or “professionalisms” – professional jargon – special proper names, or “onims”). 2. To study some particular terminological issues in a definite work field – animation: ways of making terms and other specific groups of words; lexical and semantic transformations of the common language words caused by semantic adaptations due to the necessity of giving names to specialized information; terms based on tropes; the pragmatic function of terms in the professional activity of the Disney Studio workers; significance of the proper name *Disney* both for animation and linguistic and cultural concepts in the whole American culture.

Methodology. The research material is definition and etymological English dictionaries of, terminological dictionaries, memoirs of animation workers and specialists in this field, thematic Internet sources. The main method of the research is the linguistic one, based on such analyses as historical, etymological, contextual, cognitive and the component analysis method which involves analysis of lexical units dictionary definitions.

Results. Animation terminology is connected to definite visual symbols at the intersection of linguistics and semiotics. Animation terminology is the result of cognition, linguistic creativity and and its involvement into creation of a rich word-building potential of the English language..

Research implications. The research contributes to broadening the ideas on efficiency of complex approach which combines linguistic, lingo-cognitive and semiotic analysis methods. It studies the processes of building specific vocabulary of animation. The practical implication lies in the possibility to apply the results of this study in carrying out further research into specific vocabulary of animation.

Keywords: specific vocabulary, term, terminology, language unit, borrowing, animation

Введение

Изучение и освоение любой предметной области человеческой деятельности невозможно без овладения необходимыми языковыми средствами, так называемым *терминологическим аппаратом*. В начале XX века на этот аспект обратил внимание австрийский учёный О. Вюстер как на отдельное направление в лингвистике, вызвавшее в дальнейшем широкий интерес в научной среде, не угасающий и в наши дни.

Общие вопросы изучения специальной лексики

По мере развития терминоведения как лингвистического направления воз-

никали различные вопросы и проблемы, например, существенный вопрос о соотношении термина и слова, что привело к рассуждениям о месте терминологии в составе языка: следует ли понимать термин как искусственную языковую единицу, используемую в специфических целях, или как обычную естественнаяязыковую единицу, подчиняющуюся общеязыковым правилам? По мнению Г. О. Винокура, «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции», в связи с чем «в роли термина может выступать всякое слово» [1, с. 5]. А. В. Суперанская, поддерживавшая подобный взгляд с одной стороны, с другой, считала, что «терминология образует автономный раздел

лексики национального языка, имеющий мало общего с литературным языком», так как терминология представляет собой «самостоятельную зону со своими закономерностями, порой не согласующимися с нормами литературного языка», имея в виду, что семантика отдельного термина полностью раскрывается лишь в системе понятий [20, с. 17–18].

Помимо вопроса о соотношении термина и слова учёные обратили внимание на то, что само по себе понятие «термин» имеет неоднозначное толкование. Одни учёные полагали, что представители разных дисциплин имели собственное понимание того, что такое термин, исходя из понятийных представлений своей предметной области [20, с. 11]. По мнению других, отсутствие однозначности в определении термина можно объяснить тем, что «термин представляет собой объект целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в термине признаки, существенные с её точки зрения» [11, с. 20].

Принимая во внимание вопросы о неоднозначном толковании термина и его соотношении со словом, мы считаем обоснованным обратиться к соответствующим определениям языковой единицы «**термин**» – “**term**” в русском и английском языках, представленным в толковых словарях¹.

– Малый академический словарь: слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия какой-л. специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т. п.;

– Толковый словарь Ефремовой: 1. Слово или словосочетание, обозначающее строго определённое понятие какой-либо области знания или деятельности. 2. Слово или выражение, принятое для обозначения чего-либо в какой-либо профессиональной среде;

– Толковый словарь Даля: выражение, слово, речение, название вещи или приема, условное выражение. В каждой науке и ремесле свои термины, принятые и условные названия;

– Толковый словарь Ожегова: слово или словосочетание название определённого понятия какой-н. специальной области науки, техники, искусства. Технические термины. Термины математики. Словарь музыкальных терминов;

– Толковый словарь Ушакова: 1. В формальной логике – понятие, выраженное словом (филос.). 2. Слово, являющееся названием строго определённого понятия. Точный, неточный термин;

– Толковый переводоведческий словарь: слово или словосочетание специального (научного, технического, военного и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов;

– a word or phrase used as the name of something, especially one connected with a particular type of language: a technical / legal / generic term²;

– a word or expression with a specific meaning, especially one which is used in relation to a particular subject³;

– a word or expression with a particular meaning, especially one that is used for a specific subject or type of language⁴;

– a word or phrase that is used to refer to a particular thing, especially in a technical or scientific subject⁵;

² См.: term_1 noun // Oxford Learner's Dictionaries: [сайт]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/term_1?q=term%20 (дата обращения: 01.01.2022).

³ См.: Term definition and meaning // Collins English Dictionary: [сайт]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/term> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴ См.: Term // Longman Dictionary of Contemporary English: [сайт]. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/term> (дата обращения: 01.01.2022).

⁵ См.: term // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/term> (дата обращения: 01.01.2022).

¹ См.: термин // Gufo.me – Словари и энциклопедии: [сайт]. URL: <https://gufo.me/search?term=термин%20> (дата обращения: 01.01.2022).

– a word or expression that has a precise meaning in some uses or is peculiar to a science, art, profession, or subject¹.

Таким образом, языковой единицей «термин» / “term” в русском и английском языках принято обозначать специальные понятия, знания, объекты той или иной сферы деятельности человека, о чём свидетельствуют такие ключевые компоненты дефиниций, как «точный», «определённый», «специальный», “particular type of language”, “specific meaning”, “precise meaning”, “particular subject”, “technical or scientific subject”, “peculiar to”.

Некогда наделивший «идеальный» термин определёнными свойствами – точность, лаконичность, однозначность, формальность, отсутствие синонимов, семантической расплывчатости, экспрессивности – Д. С. Лотте словно противопоставил его словам естественного языка [12]. На сегодняшний день принято считать термин естественной языковой единицей, подчиняющейся общеязыковым правилам и имеющей такие «неидеальные» свойства, как отсутствие общепринятого определения термина, терминологическая многокомпонентность, разнообразная частеречная принадлежность [10, с. 43]. Термины могут обладать многозначностью, синонимичностью, антонимичностью, экспрессивностью, коннотациями [18]. Полисемичность также не является показателем терминологической расплывчатости, а, напротив, указывает на основательную и структурированную изученность предмета мысли [21, с. 240], более того, существование разновидностей полисемии в терминоведении и в теории языков для специальных целей признаётся терминологами наравне с другими способами терминообразования [5].

В вопросе терминологической номинации терминоведы предпочитают

отталкиваться от понимания того, что в процессе терминообразования задействуются те же способы, что и в литературном языке: семантический, морфологический, синтаксический [6, с. 130–173; 17, с. 39].

При изучении специальной лексики предметной области следует учитывать такое явление, как стратификация языка профессионального общения, под которым понимается оперирование специальной лексикой, представляющей собой «совокупность лексических единиц, применяемых в профессиональной коммуникации между специалистами определённой сферы человеческой деятельности» [23, с. 72]. Специальная лексика образуется и развивается во многом благодаря взаимодействию участников трудового процесса и, следовательно, связана с языком профессиональной коммуникации, который может отличаться коммуникативной неоднородностью и стилистической маркированностью, например, в творческих областях деятельности человека [16, с. 30], что тоже идёт вразрез с теорией Д. С. Лотте об идеальном термине.

При анализе языка профессионального общения с позиции его стратификации принято выделять следующие группы специальных лексических единиц: термины – профессионализмы – профессиональные жаргонизмы. Несмотря на наличие общих черт термины и профессионализмы имеют «принципиальные различия»: термины – это инструменты теоретического познания, а профессионализмы – практического [4, с. 120–121]. Некоторые исследователи отделяют термины от профессионализмов, руководствуясь такими признаками, как «официальность» – «неофициальность», где первым признаком обладают термины, а вторым – профессионализмы, не являющиеся нормированным обозначением понятия [8, с. 140]. Зачастую употребление профессионализмов обусловлено тем, что кроме денотативных значений они содержат «определённый подтекст»,

¹ См.: Term Definition and Meaning // Merriam-Webster's Collegiate Dictionary : [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/term> (дата обращения: 01.01.2022).

понятный представителям конкретной профессиональной группы [18, с. 29–30] и служащий определённым коммуникативным целям этой группы: краткая и ёмкая вербализация значимой для специалистов-практиков информации [3, с. 606, 609]. Возникновение профессионализмов объясняется как стремлением к сокращённым формам, так и эмоциональным отношением к происходящему, причём со временем профессионализмы могут перейти в разряд терминов [23, с. 72–73].

В английском языке существует эквивалентное термину «профессионализм» словосочетание «профессиональный сленг» (*professional slang*), который перекликается с жаргоном, хотя таковым не является¹ [16, с. 34–35]. Отмечается проблема разграничения единиц профессионального просторечия и профессионального жаргона, поскольку для обеих групп характерны ненормированность и стилистическая сниженность. В современных исследованиях уточняется, что вопрос о статусе профессиональных жаргонизмов относится к числу наиболее спорных в лингвистике [15, с. 146; 16, с. 35].

Наряду с терминами, профессионализмами, жаргонизмами значимым пластом в специальной лексике представляются языковые единицы, образованные при помощи онимов: антропонимы, эпонимы, топонимы, прагматонимы, и т. д. Онимические языковые единицы необходимо учитывать при изучении специальной лексики предметных областей, поскольку они «отражают реалии не только ареального свойства, но и профессионального, отраслевого, знаниевого» [19, с. 183].

Частные вопросы специальной лексики: анимация

Опыт исследований теории анимации показывает, что на сегодняшний

день, по свидетельствам исследователей, существует серьёзное отставание в развитии методико-теоретических основ анимации; констатируется отсутствие комплексных исследований; библиография по истории и теории анимации не отличается обширностью и разнообразием; налицо недостаток всестороннего изучения анимации как научной дисциплины; терминологическая информация рассредоточена по разным источникам, от исторических до биографических, и зачастую её необходимо собирать и систематизировать самостоятельно [9; 14; 16; 27, р. 10].

Результатом существования подобных лакун стало проведённое нами обширное лингвистическое исследование процессов формирования специальной лексики анимации в английском языке, представляющее собой своеобразное восполнение недостатка в изучении теории анимационного искусства [16]. За историческую основу взяты источники (мемуары работников сферы анимации и специалистов данной предметной области), из которых можно почерпнуть информацию по развитию специальной лексики анимации. Наибольший интерес в этом вопросе представляет деятельность студии Disney, которая на протяжении почти всего XX века считалась главным новатором в технических и визуальных вопросах искусства анимации. Исследование ограничено периодом жизни Уолта Диснея (1901–1966), создателем студии Disney, на долю которой пришлось большинство основополагающих технических и визуальных достижений в экранной анимации, а, следовательно, и определённых наименований, которые присваивались каждому новому визуальному приёму или техническому изобретению. На сегодняшний день эти наименования являются частью специальной лексики всей анимационной сферы, о чём свидетельствует тематическая литература и глоссарии специальных лексических единиц в учебных пособиях по анимации.

¹ См.: 30 Examples of Incredible Professional Slang [Электронный ресурс] // Oxford Royale: [сайт]. URL: <https://www.oxford-royale.com/articles/professional-slang/> (дата обращения: 03.01.2022).

Учитывая общие проблемы и вопросы изучения специальной лексики, рассмотренные выше, в рамках работы над нашим лингвистическим исследованием было:

1) **заимствовано определение термина**, предложенное М. Н. Володиной: «Слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции» [2, с. 25];

2) **сформулировано определение специальной языковой (лексической) единицы**: единица языка, лексическое значение которой подверглось специализации или которая была образована с помощью деривационных механизмов в процессе профессиональной коммуникации [16, с. 38];

3) **сформулировано определение специальной лексики анимации** на основе особенностей стратификации языка профессионального общения: совокупность терминологических единиц (терминов), профессионализмов и онимических образований [16, с. 3].

С опорой на данное исследование в настоящей статье мы хотим продемонстрировать ключевые результаты анализа профессионального лексического пласта.

Формирование специальной лексики анимации происходило преимущественно за счёт **заимствования лексических единиц из общелитературного языка** с их дальнейшей семантической адаптацией. Под семантической адаптацией понимается специализация значения как непереносимое условие терминологизации лексической единицы и способ терминологизации профессиональной информации. Вследствие специализации общеязыковое значение адаптируется и усложняется за счёт включения в семантику термина различных сем, связанных со специальным знанием. Например, заимствование слов общелитературного языка (*light, box, story, brush*) сопровождалось такими структурно-семантиче-

скими изменениями, как словосложение с образованием терминологического значения. В процессе анализа некоторых терминологизированных лексических единиц общелитературного языка (*lightbox, sweatbox, storyteller, storyboard*) потребовалось обращение к специальному контексту, так как в структуре данных терминов присутствуют специфические семы, образованные в результате специализации общеязыкового значения и актуализирующиеся в определённом профессиональном контексте. Путём словосложения термины с компонентом *story* образовали лексико-семантическую группу с архисемой «сценарий».

На основе заимствования лексических единиц из общелитературного языка возникли наименования 12 фундаментальных принципов анимации, придуманные и внедрённые в производственный процесс работниками студии Disney и ставшие основой создания любого анимационного фильма: *Squash and Stretch, Anticipation, Staging, Straight Ahead Action and Pose to Pose, Follow Through and Overlapping Action, Slow In and Slow Out, Arcs, Secondary Action, Timing, Exaggeration, Solid drawing, Appeal*. Исключением из данного списка можно считать терминологические глагольные образования *slow in, slow out*, которые не обнаружены нами в англоязычных лексикографических источниках (онлайн-словарях *Oxford Learner's Dictionaries, Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan, Collins, Merriam-Webster*), в связи с чем можно говорить о создании и функционировании новых языковых единиц на основе существующих правил словообразования английского языка – но в пределах профессионального взаимодействия в отдельной предметной области, а не всего языка.

Следует отметить, что в свете требований, предъявляемых к терминологическим единицам, термины, которыми принято обозначать 12 принципов анимации, выполняют следующие важные функции, обозначенные терминоведами:

1) референтивная (отсылка к определённом образу); 2) когнитивная (мотивированная связь образа-знака с термином), 3) прагматическая (побуждение художника-аниматора к выполнению работы, связанной с художественной передачей нужного действия, на основе терминологического наименования этого действия). О реализации этих функций на практике речь пойдёт чуть ниже.

Специальная лексика анимации формировалась посредством **заимствования терминов других сфер**: печатное дело (cartoon), ткачество (reel), кинематограф (gag, bouncing ball, live action), фотография (Leica), театр (staging), аэрография (airbrush).

Большую роль в формировании специальной лексики анимации играет **семантическое словообразование**. На примерах отдельных терминов можно констатировать, что специальной лексике анимации свойственны **синонимия** (ink – trace, extreme position – key position) и **полисемия** (twinning, extreme, bouncing ball). С точки зрения полисемии, интересным представляется оперирование языковой единицей *extreme*, у которой в специальной лексике анимации обнаруживаются следующие значения: 1) ключевые фазы (позиции) на начальной, черновой, стадии создания анимации; 2) максимальная точка амплитуды движения графического объекта; 3) выход за рамки нормы для визуальной оригинальности, применяемый только для быстрых движений; 4) общеязыковое нетерминологическое значение в целях употребления в сочетании с другими словами. Таким образом, в зависимости от рабочих целей языковая единица *extreme* может употребляться как полисемичный термин и как общеязыковая единица.

Важным механизмом словообразования в специальной лексике анимации является **метонимизация**:

cartoon: место для рисунка → рисунок;
ink and paint: инструмент → производственный процесс;

staging: место действия → художественные требования;

reel: приспособление → продукт;

celluloid: инструмент → технология создания анимации;

pencil test: инструмент → работа, выполненная с его помощью;

sweatbox: место → работа, которая просматривается в этом месте;

Disney: деятель → результат деятельности (компания, товарный знак).

В качестве наиболее яркого примера **метафоризации** в нашей работе можно рассмотреть термин *Rubber hose*, которым обозначали технологию создания анимации в 20-х гг. XX в. В тот ранний период развития анимации её создатели плохо представляли себе, как от одной фазы движения плавно перейти к другой, в результате чего движения персонажа выглядели жёсткими, негибкими [25, p. 45]. Чтобы избавиться от этого визуального несовершенства, было решено воспринимать конечности персонажа метафорически, как отрезки садового шланга, поскольку никто тогда не представлял себе, как изобразить работу костей и мышц рисованного персонажа (что во многом объяснялось незнанием анатомии), сделав тем самым изображение органичным и правдоподобным. Так возникла анимация в технике Rubber Hose (резиновый шланг). Мотиватором метафорического терминологического значения в данном случае выступал внешний вид и структурные особенности резинового шланга: гибкость, плавность, мягкость, отсутствие заострений. Уолта Диснея не устраивала анимация Rubber Hose, поскольку она не отличалась реалистичностью, в связи с чем он потребовал от своих художников избавиться от «макаронных конечностей» персонажей [16, с. 102–103; 25]. Результатом этого требования стало возникновение 12 принципов анимации.

Для специальной лексики анимации характерны такие продуктивные способы словообразования, как **словосложение** (lightbox, storyteller, storyboard);

конверсия (sweatbox – to sweatbox, arc – to arc, to clean up → clean(-)up (man), sync → to sync); **сокращения** (re-re, temp tracks, cel, sync, X-Sheet, WDW, EPCOT, CalArts); **суффиксальная деривация** (inspirational, animatable); **контаминация** (Audio-Animatronics, Fantasound, Autopia, Plutopia, Circarama, Kaleidophonic, Mathmagic Land, Disneyodendron, Laugh-O-Gram, Imagineer, Mouseketeer).

Значительное число специальных лексических единиц предметной области представлено атрибутивными словосочетаниями с прилагательным или существительным в препозиции (assistant animator, clean-up man, pencil mileage, wild shooting, goody board, regular animation, inspirational sketch, blue sketch, pencil test, the plausible impossible, dope sheet).

Помимо классических словообразовательных процессов, задействованных в формировании специальной лексики анимации в английском языке, необходимо выявить специфические особенности, которыми сопровождались данные процессы, например:

– включение тропеических приёмов при терминировании профессиональной информации, формирующих определённые образы в системе мышления художников-аниматоров;

– актуализация прагматической языковой функции, имеющей целью убеждение и побуждение к действию.

Постулат Д. С. Лотте об идеальном термине встречает несогласие не только у терминоведов, но и у исследователей культурологических направлений. Так, культуролог-семиотик Ю. М. Лотман утверждал, что анимация, может иметь под собой «художественную» языковую основу, далёкую от лаконичной, ожидаемой от терминов, а само по себе экранное искусство есть «синтез словесных и изобразительных знаков»¹. Учитывая, что любой

язык представляет собой знаковую систему, то тем более знаковой системой является любое изобразительное искусство, в нашем случае анимация, которая также есть «изобразительный знак» [13, с. 117]. Исследуя модели анимации, искусствовед Н. Г. Кривуля указывает на существование у некоторых из них таких смысловых характеристик, как семантическое смещение, метафора, многозначность, смысловая вариативность, иносказания, аллегория [9, с. 19–49], что свидетельствует о связи изобразительного искусства с языком на уровне семиотики. Основное отличие анимации от классического реалистичного изобразительного искусства – это «заострение характерного» [22, с. 117], то есть гиперболическое представление привычного мира, «преувеличенная реальность» (hyperbole of reality) [26, р. 107]. Именно на принципе гиперболы строится вся анимация.

Взаимодействие языка и искусства неоспоримо на том основании, что они являются результатом когнитивной деятельности человека и объединены на семиотическом уровне в виде тропов. Терминоведы подтверждают, что в специальной лексике могут использоваться эмоционально-экспрессивные и изобразительные средства, например, тропеическое терминообразование «когда в основе номинации лежит яркий, легко декодируемый образ» [7, с. 23].

В ходе исследования процессов формирования специальной лексики анимации в английском языке была предпринята попытка выяснить, возможна ли реализация тропеических методов на уровне терминологии. В этой связи был проанализирован потенциал специальных лексических единиц в аспекте передачи образности, под которой понимается совокупность экспрессивных зрительных приёмов, необходимых для создания качественной анимационной работы, отвечающей предъявляемым требованиям [16, с. 59].

¹ Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (дата обращения: 04.01.2022).

Исследование показало, что отличительными примерами **тропеического терминопобразования** специальной лексики анимации можно считать *оксюморон*, *антитезу*, *гиперболизацию*.

Примером **оксюморона** выступает словосочетание *the plausible impossible* (правдоподобное невероятное), представленное двумя семантически несочетаемыми лексическими единицами, демонстрирующими семантический конфликт. Применение подобного приёма было обусловлено не достижением эмоционального эффекта, комического или драматического, как в литературе, а стремлением дать приемлемое языковое обозначение парадоксальному понятию, которое играло ключевую роль в философии создания анимации на студии Disney. Можно добавить, что правдоподобное невероятное и есть там самая «преувеличенная реальность».

Антитеза представлена на уровне антитетичной антонимии компонентов словосочетаний (Straight Ahead Action – Pose to Pose), выявляющейся только в специализированном контексте. Семантика терминологического компонента Straight Ahead – «движение напролом, спонтанность» – противостоит семантике компонента Pose to Pose – «ясность, контроль, планирование». Словосочетания Straight Ahead Action и Pose to Pose можно считать антонимами в пределах определённого терминологического наименования (одного из двенадцати принципов анимации), что подтверждается лексическим анализом терминологизированных единиц с опорой на уточняющий контекст [16, с. 104–106]. Следует пояснить, что в данном примере актуализация приёма антитезы происходит на уровне когнитивных процессов у участников определённого этапа производства предметной области, а не на уровне классического языкового стилистического приёма, который обнаруживается у других наименований (Slow In – Slow Out; primary action – secondary action, solid drawing – weak drawing).

Гиперболизация, или преувеличение, наиболее ярко проявлена в «говорящем» наименовании одного из принципов анимации – *Exaggeration*. Явление преувеличения реализует себя в анимации максимально полно, выступая в следующих аспектах: 1) приём визуализации на основе знака-образа; 2) термин как результат терминологизации общеязыковой лексической единицы; 3) троп. Опираясь на значение данного термина, художник-аниматор должен создать анимационное изображение, удовлетворяющее поставленным художественным и смысловым целям. Семантика термина *Exaggeration* представляет собой сложную лингво-когнитивно-семиотическую структуру.

Заимствование общеязыковой лексики *exaggeration* вместо устоявшегося термина *hyperbole*, возможно, объясняется тем обстоятельством, что в определении лексики *exaggeration* фигурирует семантический компонент “seem”, указывающий на нечто кажущееся, то есть на иллюзию, которая является одной из основополагающих идей в искусстве анимации: a statement or description that makes something seem larger, better, worse or more important than it really is¹.

Ещё одним существенным обстоятельством, доказывающим целесообразность использования лексики *exaggeration*, является тот факт, что толковые словари приводят её в качестве синонима лексики *hyperbole*. С точки зрения теории анимации принцип *Exaggeration* приравнивается к тропеическому приёму, который является привычным приёмом в карикатуристике: an old common cartoon trope [24, p. 305].

Помимо термина *Exaggeration* практически за каждым термином-принципом содержится определённый образ-знак, имеющий большое значение в работе над анимационным фильмом, так как каж-

¹ См.: term_1 noun [Электронный ресурс] // Oxford Learner's Dictionaries: [сайт]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/term_1?q=term (дата обращения: 01.01.2022).

дый из двенадцати терминов не просто терминологизирует отдельный принцип, но отражает определённый визуальный закон анимации. При заимствовании общезыковых единиц учитывались их основные лексические значения, вызывавшие нужные образы в воображении художника-аниматора. Подтвердив свою семантическую и рабочую эффективность, эти языковые единицы приобретали статус терминов.

В контексте исследования тропеической характеристики специальной лексики анимации следует учитывать актуализацию референтивной и когнитивной функций терминов, в особенности *прагматическую функцию*, а именно: побуждение художника-аниматора к выполнению работы (12 принципов анимации); стимулирование воображения и творческого потенциала; наставления сотрудникам, стилизованные под библейские заповеди.

О побуждении к действию через влияние на фантазию художника-аниматора посредством определённых графических образов можно судить по терминологическому сочетанию *inspirational sketch* (воодушевляющий, вдохновляющий эскиз). Внедрение в производственный процесс студии Disney таких эскизов свидетельствовало, с одной стороны, о развитии технологии создания анимации, а с другой, подобного рода рисунки заставляли аниматоров думать, придумывать, воображать на стадии предварительной работы над мультфильмом. Здесь следует пояснить, что сами художники-аниматоры о прагматических функциях языковых единиц, конечно, не задумывались. Сознательный прагматический аспект с их стороны выражался в выполнении поставленных профессиональных задач, что, в свою очередь, возможно благодаря правильно подобранным или созданным специальным лексическим единицам.

Впрочем, в некоторых случаях применение в специальной лексике стилистических приёмов было сознательным

шагом. Во многом это было обусловлено стремлением Уолта Диснея приравнять анимацию к искусству, что выражалось в продуманной и отлаженной организации производственного процесса у него на студии: от сотрудников требовалась беззаветная преданность общему делу, ради чего создавались особые условия труда, способствовавшие нужному настрою. В результате такого подхода к работе творчество господствовало не только на художественно-образовательном уровне, но «даже в правилах и уставах, которые облекались в креативную языковую форму и имели замысловатый стиль» [16, с. 146]. Так, на студии Disney существовал свод уставов под названием «Библия заливщика» (*Painter's Bible*), предназначенный для сотрудниц отдела контуровки и заливки, в котором содержались правила по работе с тушью и красками. Каждое правило начиналось стилистически как библейская заповедь с архаичных форм глаголов и местоимений: *Thou shalt not add too much water. Thou shalt honor thy fine sable-hair brushes.*

Создатели этого своеобразного свода правил не имели целью сделать пародию на библейские заповеди. Главная цель заключалась в том, чтобы обозначить важность установленных правил, поскольку от их безупречного соблюдения зависел успех мультфильма у зрителей. Работа контуровщиц и заливщиц была очень кропотливой и трудоёмкой, после неё раскрашенные целлулоидные листы отправлялись на финальную съёмку. Данный пример стилизации в специальной лексике выполняет такую прагматическую функцию, как воздействие на получателя информации – побуждение к ответственному и аккуратному исполнению рабочих обязанностей, что по своему способствовало развитию предметной сферы.

Большую роль в специальной лексике анимации играет онимический пласт с антропонимическим компонентом *Disney*. Это прецедентное имя соб-

ственное (ИС), в семантике которого содержится специфическая культурологическая информация и информация, связанная с деятельностью и продукцией компании Disney: 1) анимация как вид экранного искусства, созданный человеком по фамилии Дисней (Disney); 2) качество продукции и её кардинальное отличие от аналогичной продукции других производителей; 3) личные качества производителя [16, с. 166–167].

ИС Disney воплощает в себе множество смыслов, связанных с деятельностью и продукцией компании Disney, в связи с чем функционирует как *прагматоним*, то есть как коммерческий знак, бренд, имеющий национально-культурный компонент, или как *эргоним* – наименование крупного объединения людей, компании, корпорации.

Будучи важнейшим компонентом онимического пласта специальной лексики анимации, ИС Disney выступает в роли дифференцирующего компонента в (терминологических) словосочетаниях (Disney animation, Disney artists, Disney films, Disney process, Disney standards, the Disney method (of making a film), etc.). В приведённых примерах компонент Disney деперсонифицирован и выполняет дифференцирующую, уточняющую функцию – выделение объектов в ряде однородных, их обособление в пределах данного класса объектов, указание на уникальную характеристику. Таким образом, не являясь термином, фамилия Disney является частью терминологии анимации в атрибутивных словосочетаниях [16, с. 168–169].

В американской лингвокультуре ИС Disney выступает в качестве транслятора определённых ценностей и традиций, благодаря чему общеязыковой словарь пополнился лексемами с компонентом *Disney* (Disneyisms, disneycide, disneyppointed, Disneyana, Disneyite, Disneyist, Disney Syndrome, Disnerd, etc.). В отдельных случаях с помощью ИС Disney были образованы термины для

обозначения комплексных лингвокультурологических понятий (Disneyization, Disneyfication). ИС Disney является частью словообразовательной парадигмы английского языка и образует несколько сотен лексических единиц и словосочетаний, включённых в словарь американского сленга Urban Dictionary¹. Лингвокультурологический пласт, возникший в американской культуре благодаря деятельности Уолта Диснея и его компании, является обширным материалом для дальнейших научных работ.

Исследованный практический материал позволяет следующим образом представить стратификацию языка профессионального общения: термины и терминологические сочетания (74%); профессионализмы (12%); онимические образования, созданные путём контаминации (11%); сокращения, образованные посредством аббревиации и акронимии (3%).

Заключение

Проведённое исследование показало, каким общим вопросам уделяется внимание при изучении специальной лексики: место терминологии в составе языка, проблемы терминологической единицы (языковой статус, неоднозначное толкование, неидеальность), способы образования специальных лексических единиц, стратификация языка профессионального общения, роль профессиональной коммуникации в процессе формирования специальной лексики.

Частные вопросы были рассмотрены на основе специальной лексики сферы анимации, сформированной за счёт словообразовательного потенциала английского языка: заимствование общеязыковых единиц с последующей специализацией их общеязыковых значений в процессе терминологизации; заимствование терминов других предметных областей; семантическое словообразова-

¹ См.: Disney // Urban Dictionary : [сайт]. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Disney> (дата обращения: 09.01.2021).

ние (метонимизация, метафоризация, синонимия, полисемия); словосложение, конверсия, сокращения, суффиксальная деривация, контаминация. Помимо наиболее распространённых словообразовательных процессов в формировании специальной лексики анимации обнаружены нетипичные для терминообразования тропеические приёмы, но значимые в анимации как способствующие формированию нужных образов в воображении художников-аниматоров (антитеза, оксюморон, гипербола). Терминотворчество на основе тропеизации указывает на то, что специальная лексика анимации связана с определёнными графическими образами на стыке лингвистики и семиотики.

Исследование показало, что для специальной лексики анимации актуальна прагматическая функция языковых единиц: побуждение к выполнению работы; стимулирование воображения и творческого потенциала; наставления для качественного выполнения работы.

Большую роль играет антропонимический компонент, прецедентное имя

собственное *Disney*, который функционирует в исследуемой предметной области не только как прагматоним или эргоним, но и как дифференцирующий компонент в атрибутивных терминологических сочетаниях. Кроме того, как показал проведённый анализ, имя собственное *Disney*, став частью словообразовательной парадигмы английского языка, вошло в состав нескольких сотен лексических единиц и словосочетаний американского сленга.

Специальная лексика любой предметной области связана с языком профессиональной коммуникации, поскольку формируется и развивается благодаря лингвокреативному взаимодействию участников трудового процесса, который, в свою очередь, способствует успешному развитию всей профессиональной области. Изучать коммуникативные особенности необходимо для лучшего понимания специфики формирования и функционирования специальной лексики конкретной предметной области, а также для установления взаимосвязи между развитием предметной области и её специальной лексики.

Дата поступления в редакцию 22.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5. Сборник статей по языковедению. М.: ЛИТЕРА, 1939. С. 3–54.
2. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: МГУ, 2000. 128 с.
3. Голованова Е. И. Профессионализм как языковая единица на перекрестке когнитивности и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 602–610.
4. Голованова Е. И. Является ли профессионализм дублетом термина? // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 120–124.
5. Гринёв-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 51–64. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-51-64
6. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение : учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 304 с.
7. Загриценко С. А. Идиоматичность экономических терминов // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 2 (7). С. 20–25.
8. Калинин А. В. Лексика русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика»; 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1978. 232 с.
9. Кривуля Н. Г. Эволюция художественных моделей в процессе развития мировых аниматографий: автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М., 2009. 60 с.

10. Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его существенные признаки // Вестник Воронежского Института ГПС МЧС России. 2013. № 1 (6). С. 42–45.
11. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Либриком, 2014. 264 с.
12. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 160 с.
13. Норштейн Ю. Б. Реальность, созданная художником // Мудрость вымысла. Мастера мультипликации о себе и своём искусстве / сост. С. В. Асенин. М.: Искусство, 1983. С. 116–121.
14. Одегова К. И. Анимационный кинематограф как объект комплексного гуманитарного исследования: философский аспект // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. № 2 (26). С. 65–74.
15. Ревякина Т. Л. Термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы в ряду специальных номинаций // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 143–146.
16. Романова Т. А. Исследование процессов формирования словаря кинематографической анимации в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 236 с.
17. Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: Либриком, 2016. 120 с.
18. Собянина В. А. Взаимодействие специальной и обиходной лексики в современном немецком языке: дис. ... докт. филол. наук. М., 2005. 424 с.
19. Солодовникова О. В., Буран А. Л., Снисар А. Ю. Субклассы техномимов в сфере возобновляемой энергетики (на материале современного английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 8. С. 182–185. DOI: 10.30853/filnauki.2019.8.35
20. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М.: Либриком, 2012. 248 с.
21. Татарinov В. А. Теория терминоведения: в 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. М.: Московский лицей, 1996. 311 с.
22. Хитрук Ф. С. Профессия – аниматор: в 2 т. М.: Гаятри, 2007. 304 с.
23. Шарафутдинова Н. С. О составе специальной лексики // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2001. № 1 (13). С. 72–76.
24. Brooks St. Tradigital Animate CC: 12 Principles of Animation in Adobe Animate. Boca Raton, FL: CRC Press, 2016. 368 p.
25. Johnston O., Thomas Fr. The Illusion of Life: Disney Animation. New York: Hyperion, 1995. 575 p.
26. Pikkov Ü. Animasophy. Theoretical Writings on the Animated Film. Tallinn: Estonian Academy of Arts, 2010. 200 p.
27. The Illusion of Life: Essays on Animation / ed. A. Cholodenko. Sydney: Power Publication (in association with the Australian Film Commission), 1991. P. 9–36.

REFERENCES

1. Vinokur G. O. [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. In: *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. T. 5. Sbornik statey po yazykovedeniyu* [Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature. Vol. 5. Collection of articles on linguistics]. Moscow, LITERA Publ., 1939, pp. 3–54.
2. Volodina M. N. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoy informatsii)* [Cognitive-informational nature of the term (based on the terminology of the mass media)]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. 128 p.
3. Golovanova E. I. [Professionalism as a language unit at the intersection of cognition and communication]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2018, no. 32, pp. 602–610.
4. Golovanova E. I. [Is professionalism the doublet of a term?]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], 2019, no. 1 (52), pp. 120–124.
5. Griniewicz (Grinev) S. V., Sorokina E. A. [Polysemy in general and special vocabulary]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 51–64. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-51-64.
6. Griniewicz (Grinev) S. V. *Terminovedeniye* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p.

7. Zagritsenko S. A. [Idiomaticity of terms in economic science]. In: *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik* [Povolzhsky Pedagogical Bulletin], 2015, no. 2 (7), pp. 20–25.
8. Kalinin A. V. *Leksika russkogo yazyka* [Vocabulary of the Russian language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1978. 232 p.
9. Krivulya N. G. *Evolyutsiya khudozhestvennykh modeley v protsesse razvitiya mirovykh animatografii: avtoref. dis. ... dokt. iskusstvovedeniya* [Evolution of artistic models in the process of development of world animatography: abstract of Dr. Sci. thesis in Art History]. Moscow, 2009. 60 p.
10. Lant'yukhova N. N., Zagorovskaya O. V., Litvinova T. A. [Term: definition and its essential features]. In: *Vestnik Voronezhskogo Instituta GPS MCHS Rossii* [Bulletin of Voronezh institute of Advanced Training of Employees of the EMERCOM of Russia], 2013, no. 1 (6), pp. 42–45.
11. Leychik V. M. *Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moscow, Librikom Publ., 2014. 264 p.
12. Lotte D. S. *Osnovy postroyeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii: Voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of construction of scientific and technical terminology: Questions of theory and methodology]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 160 p.
13. Norshteyn Yu. B. [Reality created by the artist]. In: *Mudrost' vymysla. Mastera mul'tiplikatsii o sebe i svoym iskusstve* [The wisdom of invention. Masters of animation about themselves and their art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, pp. 116–121.
14. Odegova K. I. [Animation cinematograph as an object of complex humanitarian research: philosophical aspect]. In: *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Gumanitarnyye Vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo], 2018, no. 2 (26), pp. 65–74.
15. Revyakina T. L. [Terms, professionalism and professional jargonisms in a range of special nominations]. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia VGPU], 2017, № 1 (274), pp. 143–146.
16. Romanova T. A. *Issledovaniye protsessov formirovaniya slovarya kinematograficheskoy animatsii v angliyskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Study of the processes of forming the dictionary of cinematographic animation in English: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2021. 236 p.
17. Slozhenikina Yu. V. *Osnovy terminologii: Lingvisticheskiye aspekty teorii termina* [Fundamentals of terminology: Linguistic aspects of the theory of the term]. Moscow, Librokom Publ., 2016. 120 p.
18. Sobyantina V. A. *Vzaimodeystviye spetsial'noy i obikhodnoy leksiki v sovremennom nemetskom yazyke: dis. ... dokt. filol. nauk* [Interaction of special and everyday vocabulary in modern German: D. thesis in Philology Sciences]. Moscow, 2005. 424 p.
19. Solodovnikova O. V., Buran A. L., Snisar A. Yu. [Subclasses of technonyms in the sphere of renewable energy (by the material of the modern English language)]. In: *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 8, pp. 182–185. DOI: 10.30853/filnauki.2019.8.35.
20. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'yeva N. V. *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: questions of theory]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 248 p.
21. Tatarinov V. A. *Teoriya terminovedeniya: v 3 t. T. 1. Teoriya termina: Istoriya i sovremennoye sostoyaniye* [Theory of terminology: in 3 volumes. Vol. 1. Theory of the term: History and current state]. Moscow, Moskovskiy litsey Publ., 1996. 311 p.
22. Khitruk F. S. *Professiya – animator: v 2 t.* [Profession – animator: in 2 volumes]. Moscow, Gayatri Publ., 2007. 304 p.
23. Sharafutdinova N. S. [About structure of special lexicon]. In: *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnic of UISTU], 2001, no. 1 (13), pp. 72–76.
24. Brooks St. *Tradigital Animate CC: 12 Principles of Animation in Adobe Animate*. Boca Raton, FL, CRC Press, 2016. 368 p.
25. Johnston O., Thomas Fr. *The Illusion of Life: Disney Animation*. New York, Hyperion, 1995. 575 p.
26. Pikkov Ü. *Animasophy. Theoretical Writings on the Animated Film*. Tallinn, Estonian Academy of Arts, 2010. 200 p.
27. Cholodenko A., ed. *The Illusion of Life: Essays on Animation*. Sydney, Power Publication (in association with the Australian Film Commission), 1991, pp. 9–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель английского языка кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: tatianatiana1616@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Romanova – Cand. Sci. (Philology), Senior Teacher of English, Department of English Philology, Moscow City University;
e-mail: tatianatiana1616@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Романова Т. А. Общие и частные вопросы изучения специальной лексики (на примере специальной лексики анимации) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 64–78.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-64-78

FOR CITATION

Romanova T. A. General and special questions of studying special vocabulary (by the example of special vocabulary of animation). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 64–78.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-64-78

УДК 811.133.1373

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-79-86

ДИНАМИКА ЦВЕТОВОЙ СЕМАТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

Воробьева Е. Ю.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы заключается в рассмотрении изменений в номинациях цвета во французском языке XX–XXI вв. под влиянием процессов глобализации и роста интереса к товарам потребительского спроса.

Процедура и методы. В статье приводятся результаты исследования коннотативного потенциала цветообозначений с использованием материала актуальных источников (рекламных сайтов, каталогов, словарей современного французского языка) и методов сплошной выборки и семантического анализа.

Результаты. Устанавливаются мотивационные и лингвopsихологические связи между цветообозначением французского языка и фактами глобального мира и определяются ценностные предпочтения современных носителей французского языка при выборе цветового прототипа.

Теоретическая и практическая значимость. Выработана модель изучения цветообозначений повседневной сферы французского языка XX–XXI вв. с учётом мотивационных и лингвopsихологических связей между цветообозначением и фактами социально-культурной жизни в условиях глобализации.

Ключевые слова: цветообозначение, цветовая категоризация, цветовой референт, ассоциативные связи, коннотации, мотивации, маркетинговая лингвистика

THE DYNAMICS OF COLOR SEMANTICS IN THE SPACE OF THE CONSUMER SOCIETY AND THE INTERACTION OF CULTURES

E. Yu. Vorobyeva

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to consider the changes in the color categories in the French language of the XX–XXI centuries under the influence of the processes of globalization and the growing interest in consumer goods.

Methodology. The article presents the results of a study of the connotative potential of color meanings using the material of current sources (advertising sites, catalogs, dictionaries of the modern French language) and methods of continuous sampling and semantic analysis.

Results. Motivational and linguo-psychological connections are established between the color meaning of the French language and the facts of the global world, and the value preferences of modern French speakers are determined when choosing a color prototype.

Research implications. A model of studying the color meanings of the everyday sphere of the French language of the XX - XXI centuries has been developed, taking into account the motivational and linguo-psychological connections between the color meaning and the facts of socio-cultural life in the context of globalization.

Keywords: color coding, color categorization, color referent, associative connections, connotations, motivations, marketing linguistics

Введение

В современном обществе процесс создания цветowych номинаций представляет интеграцию различных концептов и соединение разных концептуальных понятий в человеческом сознании. В результате взаимодействия культур появляются цветообозначения, в которых в качестве цветowego референта используются факты неродной культуры, что используется маркетологами в рекламных целях для создания оригинального имиджа продукта и привлечения покупателей. С помощью цветообозначений производители стремятся максимально стимулировать воображение покупателя и актуализировать нужные эмотивные состояния. Под влиянием положительно эмоционально окрашенных номинаций цвета в сознаниях потребителей создаются ассоциативные образы, представления, воспоминания, мотивирующие их на совершение покупки.

Психология цвета

Цветовые образы и представления (*imagerie cérébrale*) являются предметом изучения нового направления в области маркетинга – нейромаркетинга, который анализирует реакции человеческого сознания под воздействием цвета. Учёные обнаружили, что при принятии быстрых решений цветовые ассоциации являются своего рода триггером, так как, будучи всегда эмоционально окрашенными, они вызывают побуждения и мотивации, на-

ходящиеся в сознании до знакомства с новым продуктом и **зависящие от** фоновых знаний, таких как субъективный опыт, воспоминания, ценностные предпочтения и т. п.¹ В этом случае потребительское поведение не является рациональным, так как истинные реакции мозга субъективны. Приобретая вещи, человек как бы проецирует свои воспоминания, мечты и желания на вещи. Французский социолог Ж. Бодрийяр считает, что потребление – это акт социально-психологического значения, в котором «рациональность вещей борется с иррациональностью потребностей, и как из этого противоречия возникает система значений, пытающаяся его разрешить» [1, с. 12].

Таким образом, потребитель покупает не вещи, а культурные знаки, дающие ему такие дополнительные смыслы, как защищенность, уверенность, статусность, модность, престиж и т. д., которые, по мнению Ж. Бодрийяра, составляют «более или менее связный дискурс..., деятельность систематического манипулирования знаками» [1, с. 212]. Складывается целое направление – маркетинговая лингвистика, объектом которой можно считать маркетинговый дискурс, включающий рекламные тексты, слоганы, наименования и вербальные компоненты логотипов [2, с. 4–9]. С помощью речевых конструкций происходит воздействие на человека на уровне его нервно-психоло-

¹ Les neurosciences au service de la pub. // Le Monde. 2009. № 267. P. 20–25.

гических процессов, создаются дополнительные смыслы и коннотации, которые имеют целью неявно воздействовать на покупателя соответственно целям говорящего. Манипулирование цветовыми знаками (название цвета товара, цвет упаковки, логотипа или изображения) используется в современном маркетинге для создания недирективной мыслительной деятельности в обход сознания потребителя.

Так, цвета могут «благоухать» (розовый, лавандовый, сиреневый), производить впечатление колючего или неровного (зелёный кобальт, зелёно-синяя окись), опасного (чёрный, тёмно-синий) или комфортного (бежевый) и т. д. Под воздействием цвета предметы могут визуально казаться больше (светлые яркие оттенки) или меньше по объёму (тёмные оттенки). Например, товары в белой упаковке воспринимаются более лёгкими, чем товары в чёрной упаковке [3]. При этом при выборе цвета рекламного продукта учитываются пол, возраст и культурно-социальные характеристики потребителя, так как реакции на цвет во многом опосредованы физиологией человека и культурно-социальным окружением. Отмечается, что мужчины и женщины дифференцируют разное количество цветовых оттенков, а с возрастом человек предпочитает более спокойные цвета, чем в молодости [6, с. 57–68]. Также цветовые ассоциации потребителей могут различаться в зависимости от культурной традиции или социальной принадлежности. Так, для француза *habit vert* / *зелёная одежда* ассоциируется с зелёными сюртуками членов Французской академии; *talon rouge* / *красный каблук* обозначает придворных королевского двора, носивших красную обувь; *pervenche* / *барвинок* символизирует подразделение женской полиции во Франции, униформа которой бледно-голубого цвета с сиреневым оттенком [10, с. 89–109].

По мнению современных исследователей, цвет представляет собой особенную

функцию восприятия, которая позволяет сообщить определённые знания об объекте (см. работы В. И. Заботкиной [4], Г. Г. Молчановой [7; 8], А. Моллар-Десфур [10], М. Пастуро [11]). Потребители выбирают нужные товары по конкретному цвету, который делает эти товары узнаваемыми (товары гигиены – голубой, биологические продукты питания – зелёный, товары по сниженным ценам – красный). Выбор цветовой гаммы не является произвольным для производителя, а представляет продуманную коммуникационную стратегию. Например, в парфюмерной промышленности синий цвет ассоциируется с морем и передаёт коннотации «независимость», «сила», зелёный – с растительностью и создаёт коннотации «свежесть», «природа», «здоровье», красный цвет, ассоциируясь с огнём, передаёт коннотации «страсть», «любовь».

Цветовая семантика в эпоху глобализации и сближения культур

Т. Ю. Загрязкина полагает, что в условиях глобализации и стирания границ между культурами, языками и людьми образуется новое качество или новая идентичность [5, с. 21–22]. В современном обществе межкультурная коммуникация сопровождается интеграцией различных концептов и созданием новых понятий в человеческом сознании, в результате которых происходит появление нетипичных цветовых номинаций, в которых в качестве цветового референта или прототипа используются факты неродной культуры и глобального мира. По мнению Г. Г. Молчановой прототип «не покрывает всего разнообразия употреблений данного концепта, которое в зависимости от контекста и динамики дискурса может значительно трансформироваться» [8, с. 15]. Так, на основе ядерных значений цветов возникают дополнительные периферийные семы, фиксирующие представления французов о современном мире и отражающие их чувственно-ценностные ориентации.

В качестве примера для исследования выбраны цветообозначения товаров повседневного спроса, цветовая номинация которых рассматривается сквозь призму взаимодействия и сближения культур, в рамках которого визуализируются эмоционально-оценочные предпочтения носителей современного французского языка. Согласно данным исследованиям, товары сферы потребления получают оригинальные цветовые номинации, которые указывают не только на цветовой оттенок, но и создают многочисленные коннотации, провоцирующие потребителя на когнитивную деятельность. В ходе изучения рекламных каталогов и сайтов товаров повседневного спроса устанавливается, что потребительские товары получают эмоционально положительно окрашенное название цвета, которое имеет целью мотивировать покупателя на совершение покупки и может рассматриваться как манипуляция желаниями потребителя¹.

С целью привлечения внимания покупателя к новой продукции создаются оригинальные номинации цветовых оттенков, в которых в качестве цветового прототипа выступают реалии глобального мира, транслирующие новое отношение к предмету или объекту. В результате, по мнению Г. Г. Молчановой, происходит смена фрейма, т. е. «помещение какого-либо образа в новый фрейм, в новый национально-культурный контекст, позволяющий адресату находить новые решения, влияющие на переживание и интерпретацию ситуации» [8, с. 14].

Так, в названиях цветового оттенка красок для интерьера и косметической продукции цветовой референт из неродной культуры может передавать коннотации «знак качества», «известность», «фирменный стиль»: *gris building* – серый

цвет зданий, *vert golf* – зелёный цвет лужайки для гольфа, *cappuccino, moka latté* – оттенки цвета кофе, *chamallows* – светло-жёлтый цвет десерта маршмэллоу, *carpaccio* – красный цвет карпаччо, *bleu Touareg* – синий цвет автомобиля Туарег, *rose Barby, baby doll, girly* – ярко-розовый цвет (ассоциация с одеждой куклы Барби и девочкой), *bleu jean* – синий / голубой цвет джинсов, *tango* – оттенок красного цвета (ассоциация со страстным танцем «танго», «страсть» является частотной ассоциативной реакцией на красный цвет)².

Отдельную группу составляют цветообозначения, которые являются полными заимствованиями лексических единиц, называющих цвет в английском языке. Например, *rose shoking* (шокирующий розовый) или *black* (чёрный) соответствуют французским аналогам *rose criard* (кричащий розовый) и *noir* (чёрный), однако в номинациях цвета товаров повседневного спроса они приобретают дополнительные смыслы и символизируют «тренд», «молодость», «современность», «дерзость».

Нередко в качестве цветового референта используются артефакты из восточной культуры. В этом случае цветовой референт из неродной культуры создаёт коннотации «экзотика», «путешествие», «приключение», «каникулы». Например, в каталогах красок для интерьера французской фирмы *Dulux Valentine* оттенок красного цвета сравнивается с китайским фонариком и с индийским женским головным убором (*lanterne chinoise, rouge madras*), оттенок серого цвета ассоциируется с цветом турецкого хаммама (*gris hammam*), оттенок бежевого цвета сравнивается с египетским хлопком (*coton d'Egypte*)³.

¹ См.: Воробьева Е. Ю. Динамика коннотативного потенциала цветообозначений во французском языке XX–XXI вв. (на примере номинаций товаров повседневного спроса): автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2020. С. 22–23.

² См., например: Catalogue des produits cosmétiques. 2019 // Guerlain : [сайт]. URL: <http://www.guerlain.com/fr> (дата обращения: 15.01.2019); Dulux Valentine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duluxvalentine.com> (дата обращения: 04.11.2019).

³ См.: Dulux Valentine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duluxvalentine.com> (дата обращения: 04.11.2019).

Некоторые цветообозначения образуются с помощью проекции основного цвета на исторические личности, символы и традиции других культур, с которым ассоциируется данный цвет:

- название синего цвета *couleur Tiffany* появляется благодаря ассоциации с ювелирными украшениями от компании Tiffany & Co;

- оттенок рыжего цвета *couleur Bismarck* сравнивается с волосами канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка;

- оттенок красного *rouge Titien* (тициановый красный) соответствует тёплому нежному золотисто-медному тону краски на полотнах итальянского художника Вечеллио Тициана;

- необычный оттенок коричневого цвета *brun van Dijk* сравнивается с коричневым тоном краски на полотнах ван Дейка, состав которой до сих пор не ясен;

- оранжевый оттенок *Halloween* (Хэллоуин), в основе которого – ассоциативный референт «тыква», символ международного праздника Хэллоуин;

- изабелловый цвет *couleur Isabelle* представляет бледно-жёлтый или светло-соломенный оттенок с розоватым отливом и ассоциируется с испанской инфантой Изабеллой, которая дала обет не менять своей белой рубашки до тех пор, пока над Гранадой не взвьётся кастильский флаг. С течением времени её белье приобрело серовато-желтый оттенок, который получил название «изабелловый». В XVII в. «изабелловый» был очень модным цветом, в наше время этот цвет стал обозначать окрас шерсти собак, цвет перьев домашних голубей и масти лошадей [10].

Ряд цветообозначений имеют в своей основе ассоциации с определённым стилем одежды: *rouge toréador* (красный тореадорский), *couleur hippie* (цвет хиппи). *Couleur hippie* соответствует стилю популярного движения «детей цветов» в 60-ых годах XX века: свободная узорчатая одежда с обилием красочных плетёных браслетов, поясов и вязаных сумок. По цветам плетения можно определить

музыкальные, вкусовые, политические и другие пристрастия, а также место жительства их хозяина. Так, например, сочетание красного и чёрного обозначают анархию, красный и белый символизируют свободную любовь, зелёный и красный – любовь к природе¹.

Поскольку восприятие цвета связано и с географическими факторами, в названиях многих цветовых оттенков присутствует указание на географическую местность и этническую принадлежность. Данные цветообозначения обладают высокой частотностью и зафиксированы в словарях французского языка (см.: А. Моллар-Десфур [10], М. Пастуро “Trésor de la langue française du XIX et du XX siècle”²):

- оттенки жёлтого: *jaune indien* (индийский жёлтый);

- оттенки красного: *rouge persan* (красный персидский), *rouge turc* (раскраситель красного цвета турецкого происхождения), *rouge aztèque* (название цвета по изделиям, дошедшим до нас с древних времён), *rouge vermillon de Chine* (киноварь китайская), *rouge de Venise, venitien* (венцианский красный), *rouge d’Orient* (восточный красный), *basque rouge* (красный баскский), *rouge andalou* (андалузский красный);

- оттенки розового: *rose bengale* (бенгальский розовый, краситель, использующийся в живописи и фармацевтике); *rose indien* (индийский розовый); *rose de Saxe* (саксонский розовый по аналогии с саксонским фарфором); *rose de Siam* (тайский розовый), *corail de Cuba* (кубинский коралловый);

- оттенки зелёного: *vert anglais* (английский зелёный), *vert de Hongrie* (зелёный венгерский);

¹ См., например: Цвета фенечек // Плетение фенечек : [сайт]. URL: http://fenechka.info/index/cveta_fenechek_chto_oboznachaet_kazhdyj_cvet/0-114 (дата обращения: 02.09.2018).

² См.: Trésor de la langue française du XIX et du XX siècle / dir. P. Imbs, B. Quéhada. Paris: C.N.R.S. Gallimard, 1975; Pastureau M. Dictionnaire des couleurs. Paris: Editions du Seuil, 1992. 144 p.

– оттенки синего / голубого: *bleu de Prouse* (растительный краситель берлинский синий); *bleu delft* (характерный цвет голландского фарфора);

– *tête de nègre* (очень чёрный, как волосы у негроидной расы).

Цветообозначения с референтом «географические объекты» нередко используются маркетологами для создания метафорического образа и нужных эмоциональных ассоциаций в рекламных целях. В этом случае цветообозначения имеют авторский характер и не фигурируют в словарях. Так, в каталогах красок для интерьера *Dulux Valentine* присутствуют номинации широкого спектра цветовых оттенков разной насыщенности, создающих через ассоциации с географическими регионами, странами, островами и городами коннотации «экзотика», «гламур», «тренд», «мода», «праздник», «путешествие», «естественность», «природа», «комфорт», «уют» «мобильность», «изменение» и др. Фактор мобильности или изменения, по мнению Н. Боржэ, может иметь положительный результат, если имеется в виду не пространственное перемещение, а изменение представлений, сочетающих когнитивное и эмоциональное начала [9].

Зафиксированы следующие цветовые оттенки с референтом «географическая местность»:

– оттенки от бежевого до коричневого – *Toscane clair* (тосканский светлый), *Toscane moyen* (тосканский неяркий), *Toscane intense* (тосканский насыщенный), *Kénia moyen* (кенийский неяркий), *Kénia pastel* (кенийский пастельный), *Kénia intense* (кенийский насыщенный), *Australie pastel* (австралийский пастельный), *Australie intense* (австралийский насыщенный), *Népal pastel* (непальский пастельный), *Havane* (г. Гавана);

– оттенки белого цвета – *Laponie blanc* (лапландский белый), *Laponie clair* (лапландский светлый), *Laponie expression* (лапландская экспрессия);

– оттенки розового – *Baly expression* (балийская экспрессия);

– оттенки зелёного – *Toscane expression* (тосканская экспрессия), *Caraibes expression* (карибская экспрессия);

– оттенки фиолетового – *ciel de Parme* (фиалковое пармское небо), *nuage de Parme* (пармское облако), *fantaisie Parme* (пармская фантазия). В данных цветообозначениях ассоциат «итальянский город Парма» указывает на специфический фиолетово-фиалковый оттенок фресок и мрамора пармских соборов;

– оттенки синего, голубого и серого передаются через ассоциации с морской и океанической водой, а также через сравнения с курортными городами на берегу океанов и островами: *Caspienne bleu métallique* (синий металлик цвета Каспийского моря), *Caraibes pastel* (карибский пастельный), *Caraibes clair* (карибский светлый), *Caraibes bleu* (карибский синий), *bleu indien* (синий цвета Индийского океана), *bleu Marmara* (синий цвета Мраморного моря), *Long Island intense*, *Long Island expression* (серый насыщенный цвет воды атлантического океана на северо-востоке США), *Cyclades* (Кикладские острова), *Bora Bora* (остров Бора-Бора), *Acapulco* (г. Акапулько)¹.

Заключение

Таким образом, цветовые ассоциации связаны с психологическими реакциями человека на тот или иной цвет, которые, в свою очередь, зависят от фоновых субъективных знаний, представляющих воспоминания, предпочтения и эмоциональные состояния, с ними связанные. В условиях все большего взаимодействия культур, стран, народов происходит сближение на всех уровнях, в том числе и на уровне цветовых образов. Так, во французском языке появляются цветовые референты, которые отражают реалии других культур и ак-

¹ См.: Nos Couleurs // Dulux Valentine : [сайт]. URL: https://www.duluxvalentine.com/fr/couleurs/filters/b_Dulux%20Valentine#tabId=item0 (дата обращения: 04.11.2019).

кумулируют новые ассоциативные связи французской культуры с глобальным миром. Данный процесс наиболее ярко представлен в номинациях цвета товаров повседневного спроса, так как маркетологи

используют социально значимые ассоциации и мотивации для соблазнения и манипулирования желаниями потребителей.

Дата поступления в редакцию 23.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. М.: РУДОМИНО, 1999. 320 с.
2. Борисова Е. Г. Что дает маркетинговая лингвистика маркетингу и лингвистике? // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под. ред. Е. Г. Борисовой, Л. Г. Викуловой. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 4–10.
3. Браэм Г. Психология цвета / пер. с нем. М.: АСТ: Астрель, 2009. 160 с.
4. Заботкина В. И. Слово и смысл. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. 428 с.
5. Загряжкина Т. Ю. Дискурс современности и фактор множественности в языке и культуре // Франкофония в поликультурном пространстве. Вып. 12. М.: Наука, 2021. С. 17–38.
6. Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж: НПО Модэк, 1995. 152 с.
7. Молчанова Г. Г. Когнитивная поликодность межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М.: Олма Медиа Групп, 2014. 209 с.
8. Молчанова Г. Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.
9. Borgé N. Langages photographiques et mobilités en didactique des langues et des cultures // Recherches et applications. N 68. Le français dans le monde: Mobilités contemporaines et méditations didactiques / coord. M. Molinié, D. Moore. Paris: CLE international, 2020. P. 61–62.
10. Mollard-Desfour A. Le lexique de la couleur: de la langue à la culture... et aux dictionnaires // Revue d'Études Françaises. 2011. No. 16. P. 89–109.
11. Pastoureau M. Les couleurs de notre temps. Paris: Editions du Seuil, 2005. 200 p.

REFERENCES

1. Baudrillard J. *Sistema veshchei* [The system of Objects]. Moscow, RUDOMINO Publ., 1999. 320 p.
2. Borisova E. G. [What does marketing linguistics give to marketing and linguistics?]. In: Borisova E. G., Vikulova L. G., eds. *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushchego teksta* [Marketing linguistics. Patterns of promotional text]. Moscow, FLINTA Publ., 2020, pp. 4–10.
3. Braem H. *Psikhologiya tsveta* [The psychology of color]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2009. 160 p.
4. Zabotkina V. I. *Slovo i smysl* [Word and meaning]. Moscow, Russian State University for the Humanities, Publ., 2012. 428 p.
5. Zagryazkina T. Yu. [Discours post moderne et facteur de pluralité en langues et cultures]. In: *Frankofoniya v polikul'turnom prostranstve. Vip. 12* [Francophonie in a multicultural space. Iss. 12]. Moscow, Nauka Publ., 2021, pp. 17–38.
6. Lyusher M. *Signaly lichnosti: rolevyye igry i ikh motivy* [Personality signals: role-playing games and their motives]. Voronezh, NPO Modek Publ., 1995. 152 p.
7. Molchanova G. G. *Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoy kommunikatsii: verbalika i neverbalika* [Cognitive multi-code character of intercultural communication: verbal and non-verbal]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2014. 209 p.
8. Molchanova G. G. [Cognitive synesthetic metaphor and the theory of tension]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2018, no. 4, pp. 9–20.
9. Borgé N. Langages photographiques et mobilités en didactique des langues et des cultures. In: Molinié M., Moore D. coords. *Recherches et applications. N 68. Le français dans le monde: Mobilités contemporaines et méditations didactiques*. Paris, CLE international, 2020, pp. 61–62.
10. Mollard-Desfour A. Le lexique de la couleur: de la langue à la culture... et aux dictionnaires. In: *Revue d'Études Françaises*, 2011, no. 16, pp. 89–109.
11. Pastoureau M. Les couleurs de notre temps. Paris, Editions du Seuil, 2005. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воробьева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: velen2007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Vorobyeva – Cand. Sci (Philology), Senior Lecturer, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: velen2007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воробьева Е. Ю. Динамика цветовой семантики в пространстве общества потребления и взаимодействия культур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 79–86.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-79-86

FOR CITATION

Vorobyeva E. Yu. The dynamics of color semantics in the space of the consumer society and the interaction of cultures. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 79–86.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-79-86

УДК 811.133.1'373

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-87-95

АНГЛИЦИЗМЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Евсеева М. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В статье рассмотрены англицизмы из Гражданского Кодекса (Code Civil) Франции и судебных решений, возникшие или внесённые за 2010–2020 гг. Цель исследования заключается в характеристике англоязычных терминов в узкопрофессиональной лексике французского языка.

Процедура и методы. В процессе проведения исследования были использованы международные информационные ресурсы, тексты законов, статьи. Используется метод сплошной выборки англицизмов, проникших в тексты законов в исследуемый период.

Результаты. В результате проведённого анализа выявлены термины, заимствованные в юридические тексты английского языка из французского, и англицизмы французского языка в период 2010–2020 гг.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что полученные материалы, а также результаты настоящего исследования могут быть использованы в преподавании курса лексикологии французского языка.

Ключевые слова: англицизм, заимствование, право, гипотеза, словоформы, Code Civil

ANGLICISMS IN THE CIVIL LAW OF THE MODERN FRENCH LANGUAGE

M. Evseeva

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The article considers Anglicisms from the French Civil Code (Code Civil) and court decisions borrowed and introduced into the Code during the 2010–2020s. The purpose of the study is to characterize English-language terms in the restricted professional vocabulary of the French language.

Methodology. In order to conduct this research, international information resources, texts of laws and articles were used. The method of continuous sampling of Anglicisms that arose in the texts of laws in the period from 2010 to 2020 was used.

Results. The analysis revealed the English borrowed terms and Anglicisms in the legal texts of the modern French language from 2010 to 2020.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in the fact that the obtained results, as well as the illustrative materials, can be used in teaching the course of lexicology of the French language.

Keywords: Anglicism, borrowing, law, hypothesis, word forms, Code Civil

Введение

Главное отличие системы права Франции (романо-германской) от англо-саксонской, которая является основным поставщиком англоязычных заимствований, состоит в роли прецедента в судебном решении; в первом случае используется кодекс, во втором – прецедент. Кодексы в праве Франции постоянно обновляются, соответственно Гражданский Кодекс выбран нами как корпус для настоящего исследования.

Проникновение англицизмов во французский язык и его юридическую сферу, в частности, считается существенным вопросом для самостоятельности французского языка и в ряде случаев требующим мер на уровне государственного регулирования.

В некоторых странах такие меры определяются, как «Битва за французский»¹, в рамках которой власти намерены создать министерство, ответственное за защиту и распространение французского языка в компаниях и предприятиях, утверждая, что Хартии о французском языке (Charter of the French language)², которая в том числе устанавливает официальный характер языка в сфере законодательства, оказывается недостаточно.

Дискуссионная борьба того же рода проявляется в Евросоюзе³. Концепция строится на основании того, что после выхода Великобритании среди стран-членов практически не осталось тех, в которых английский является основным. Таким образом, роль французского языка в официальной деятельности Евросо-

юза возросла, тем более что подобный исторический факт неоднократно был отмечен в истории Европы (например, в 1949 г. – создание Союза угля и стали).

Можно отметить, что вопреки мнению некоторых отечественных исследователей, считающих, что: «... несмотря на большое количество англоязычных заимствований, они практически не затрагивают грамматическую систему французского языка»⁴, английские заимствования могут подавлять французскую лексику в силу того, что грамматическая система обоих языков относится к аналитическому типу. Например, термины, связанные с парламентаризмом и общественной деятельностью: *speaker* (m) – спикер, *tradeunion* (m) – профсоюз.

В XVII в. основной заимствующей сферой во французском языке считается общественно-политическая жизнь: *législature*, *motion*, *vote*, *session*, *partenaire*, *meeting*. При этом, согласно исследованиям Л. Гильбера [6], большинство заимствований являются «американизмами». Англоязычные термины с изменённой лексической структурой также определяются как заимствования, их изучению в числе прочих, посвящены работы Скуратова И. В. [7], Шанского Н. М. [5], Поповой Т. В. [2] и других. Обращает на себя внимание тот факт, что обновление словарного состава любого языка имеет непрерывный характер, т. е. при любых условиях и событиях, язык постоянно развивается и совершенствуется. Эти изменения в составе языка приводят к лексическим инновациям [4].

Важность вопроса регулирования использования англоязычных терминов в юридическом французском языке подтверждается, например, решением Парижского суда высшей инстанции от 18 декабря 2007 г.⁵, в котором разъясняется

¹ Code Civil de France // Codes et Lois : [сайт]. URL: www.codes-et-lois.fr/code-civil (дата обращения: 12.09.2021). Далее – Code Civil de France.

² См.: Charter for French as a foreign language [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencespo.fr/students/sites/sciencespo.fr/students/files/langues-charte-francais-en.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).

³ См.: Setter J. Will Brexit spell the end of English as an official EU language? // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/dec/27/brexit-end-english-official-eu-language-uk-brussels> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴ См.: Сорока А. О. Анализ употребления англицизмов французского языка в области моды: выпускная квалификационная работа на соискание степени бакалавра лингвистики. СПб., 2020. 77 с.

⁵ См.: Tribunal de grande instance de Paris, Chambre civile

допустимость использования английского наименования “iNote” вместо “l'ordinateur portable” (ноутбук) только в названии торговой марки, реализуемой на территории Франции. В качестве основания решения приводится следующее: «L'utilisation de la dénomination “iNote” dans le domaine informatique qui aime à employer des termes anglais voire français, est fréquente»¹ (Использование названия “iNote” в ИТ-сфере, в которой английские наименования превалируют над французскими, является распространённым явлением). В этом же Решении можно найти один из примеров заимствования в английский язык французского термина *jugement* (решение): *Dit n' y avoir lieu à exécution provisoire du présent jugement*² (Утверждается, что настоящее Решение не может немедленно вступить в силу).

В рамках настоящей статьи на примере текстов 2010–2020 гг. рассмотрены английские юридические термины в правовой системе Франции могут трактоваться как заимствования или вкрапления³. Считается, что последняя из категорий [1] появилась недавно, т. е. в течение последних десятилетий. Тем не менее, если к термину добавлен суффикс, то он относится скорее к устойчивым заимствованиям, например, *-eur*; *-le* на *-liser* (Google – *Googliser*) или *sponsoriser* (от англ. глагола *to sponsor*) – а также *soutenir*, *subsidier*.

Англицизм может являться полностью переведённым заимствованием: *savoir-faire* – *know-how* – *ноу-хау* или *технология*.

Форма и смысл англицизмов

В рамках настоящего исследования выдвигаются следующие гипотезы: фран-

цузский термин, имеющий аналогичную с англицизмом лексическую форму и смысл, является недавно возникшим заимствованием или вкраплением; в юридической терминологии наблюдается сложный процесс взаимного проникновения английских и французских терминов, имеющих место в разные исторические периоды; распространённость и популярность англицизма существенно меняется в различные исторические периоды под влиянием политической ситуации или моды.

В качестве иллюстративного материала для исследования выбраны тексты статей Гражданского Кодекса Республики Франции, которые были изменены или составлены в период 2010–2020 гг., а также ресурс Google Ngram Viewer⁴; использовалась методика⁵, позволяющая осуществлять поиск в лингвистических корпусах британского, американского английского и французского языков. Заимствования выделены символом *, приведён их перевод, на рисунках представлены результаты хронологического анализа встречаемости терминов.

Ниже приведены цитаты из Гражданского Кодекса Франции⁶, которые выбраны по принципу внесения изменений в их содержание за предыдущие 10–20 лет. Заимствование классифицируется в соответствии с проведённым анализом хронологической частотности (встречаемости) термина.

Article 1125. Les personnes capables de s'engager ne peuvent opposer l'incapacité de ceux avec qui elles ont contracté.* – Статья 1125 *Правоспособные лица, вступающие в брак, не могут противостоять не-

3, 18 décembre 2007, N° de RG: 06/04560 // *Légifrance* : [сайт]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000018952589> (дата обращения: 26.09.2021).

¹ Code Civil de France.

² Code Civil de France.

³ Термин вкрапления появился недавно и лексически не изменился.

⁴ Google Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 12.09.2021). Далее – Google Ngram Viewer.

⁵ Ivanova E. Y. Grammas frequencies for English words in France // Blogger : [сайт]. URL: <https://ElenIvanova1267.blogspot.com> (дата обращения: 12.09.2021).

⁶ Code Civil de France.

дееспособности тех, с кем они заключают контракт.

**Способный, правомочный*, так как термин содержится в английских и французских словарях, то он является устойчивым заимствованием. Графики на рис. 1, 2, 3 подтверждают, что исторически (1830–1980 гг.) термин *capable* действительно являлся заимствованием, но начиная с 2000-х гг. частота его использования в юридическом французском резко возросла, в английском, напротив, – незначительно снизилась.

*Livre V: Dispositions *applicables à Mayo-tte*. – Книга V: Положения, применяемые к Майотте.

Что касается термина **applicable*, основной признак заимствования – меньшая частотность, сохраняется весь период (см. рис. 1). При этом с 2010 г. термин используется в английском юридическом языке реже.

Article 1125-1. Sauf autorisation de justice, il est interdit, à peine de nullité, à quiconque exerce une fonction ou occupe un emploi dans un établissement hébergeant des personnes âgées ou dispensant des soins psychiatriques de se rendre acquéreur*. – Без *санкции суда любому лицу, исполняющему служебные обязанности или занимающему должность в учреждении, которое предоставляет приют для престарелых или оказывает психиатрическую помощь нуждающимся лицам, запрещается под страхом наказания за владение имуществом.

*Устойчивое заимствование англ. *authorisation* – разрешение, согласно классификации Котляровой Т. Я. [1] не относится к современным. Также наше исследование показало, что термин не является заимствованием, и его английская версия значительно менее популярна, чем французская (см. рис. 1).

*Section 5 Code des douanes : Contrôle du commerce extérieur et prohibitions Paragraphe 2 : Dispositions spéciales à l'exportation**. – Раздел 5 Таможенный кодекс: контроль внешней торговли и запреты.

Параграф 2: специальные положения по *экспорту.

**Экспорт*. Является распространённым международным заимствованием, в том числе в русском языке. Предстоит проверить гипотезу о появлении и устойчивости этого заимствования. Исследование показало меньшую распространённость термина *l'exportation* / «экспорт» во Франции, начиная с XX в. С 2000 г. популярность термина устойчиво снижается как во Франции, так и в Англии. Продолжительный период термин был популярнее во Франции, но его встречаемость резко снизилась с середины прошлого века (см. рис. 4).

*Article 35 bis Chapitre V : Prohibitions**. – Статья 35 бис Глава 5: *запреты.

* Термин *Запрет(ы)*: используется в международном праве Франции, что подтверждает возможное заимствование. Процесс заимствования, как показывает исследование, более сложен, и представляет собой взаимопроникновение в разные исторические периоды (см. рис. 4).

Таким образом, гипотеза о том, что все юридические термины, возникшие в гражданском праве Франции за последние 10–20 лет и имеющие словоформы, свойственные английскому языку, являются недавно возникшими заимствованиями, не подтверждается.

Одним из признаков заимствования можно считать хронологические изменения (колебания) встречаемости термина. Например, в случае термина *exporting* такие колебания наблюдаются и в том, и в другом языке, что может указывать на то, что оба термина являются заимствованиями. Обратный процесс (из французского языка в английский) прослеживается для *cassation*. В случае французского заимствования популярность этого термина снижается, в английском, напротив, возрастает в течение 2 столетий. С 2010 г. популярность этого термина резко возросла: на 100%, во французском языке, на 50% в английском (см. рис. 3).

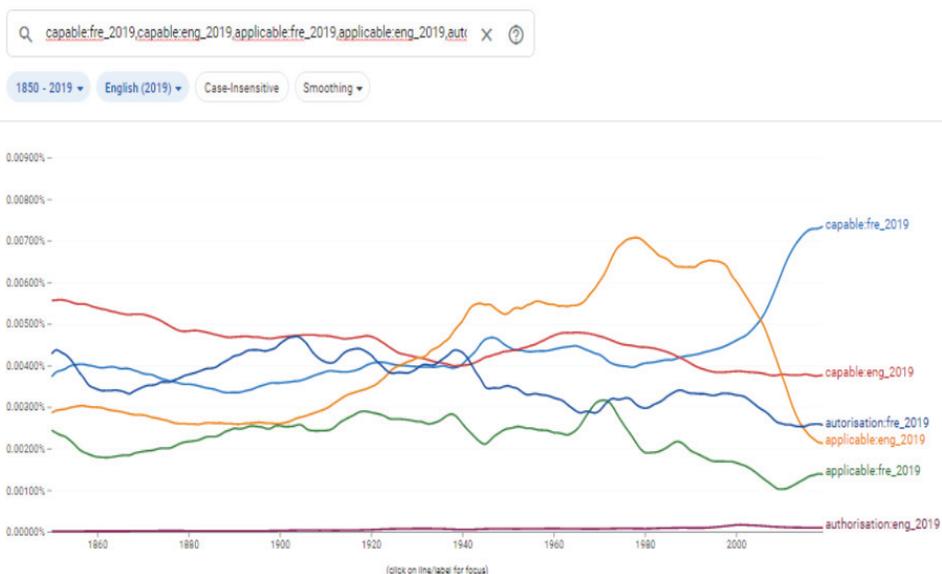

Рис. 1 / Fig. 1. Встречаемость англицизмов *autorisation* (Fre_2019), *authorisation* (Fre_2019), *applicables/ applicable* - Fre_2019/Eng_2019, *capable* (eng_2019) *capables* (Fre_2019) / Occurrence of Anglicisms *autorisation* (Fre_2019), *authorisation* (Fre_2019), *applicables/applicable* - Fre_2019/Eng_2019, *capable* (eng_2019) *capables* (Fre_2019)

Источник: Google Ngram Viewer.

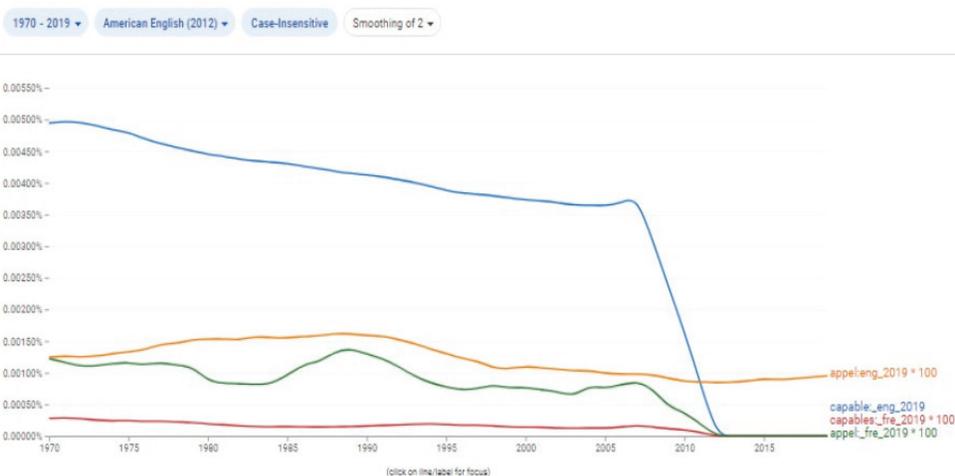

Рис. 2 / Fig. 2. Встречаемость англицизмов *capable* (eng_2019), *capables* (Fre_2019), *appel/appealing* - Fre_2019/Eng_2012 (1970-2020 гг.) / Occurrence of Anglicisms *capable* (eng_2019), *capables* (Fre_2019), *appel/appealing* - Fre_2019/Eng_2012 (1970-2020)

Источник: Google Ngram Viewer.

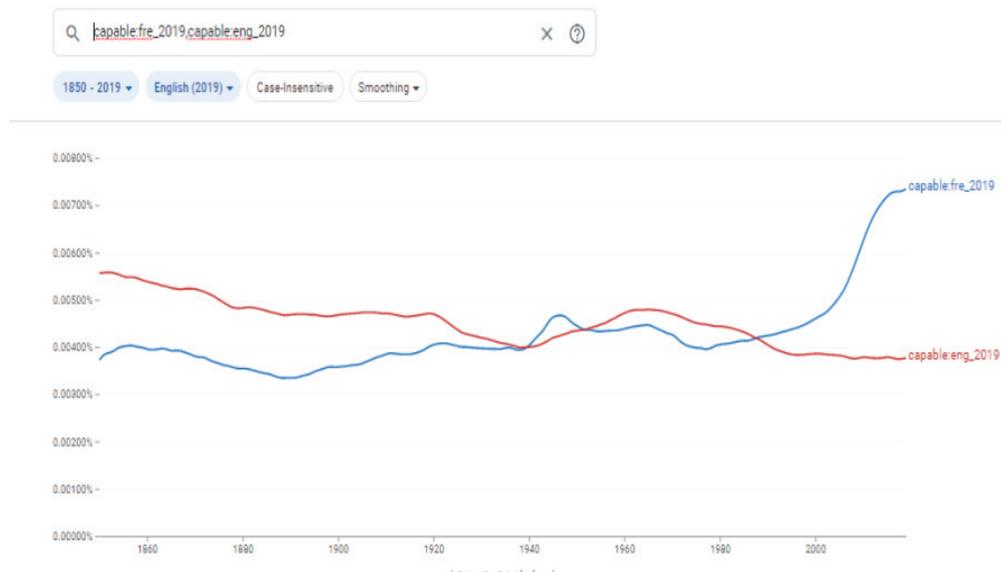

Рис. 3 / Fig. 3. Встречаемость англицизмов *capable* (eng_2019), *capables* (Fre_2019) в британском английском / Occurrence of Anglicisms *capable* (eng_2019), *capables* (Fre_2019) in British English

Источник: Google Ngram Viewer.

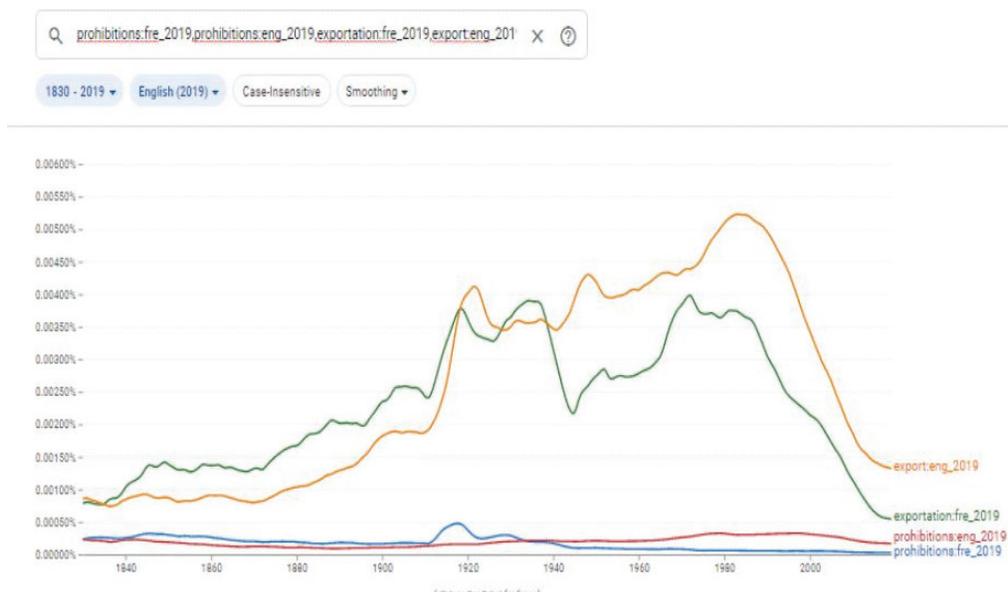

Рис. 4 / Fig. 4. Англицизмы *prohibition* (Eng_2019), *prohibition* (Fre_2019), *exportation/export* – Fre_2019/Eng_2019 / Anglicisms *prohibition* (Eng_2019), *prohibition* (Fre_2019), *exportation/export* – Fre_2019/Eng_2019

Источник: Google Ngram Viewer.

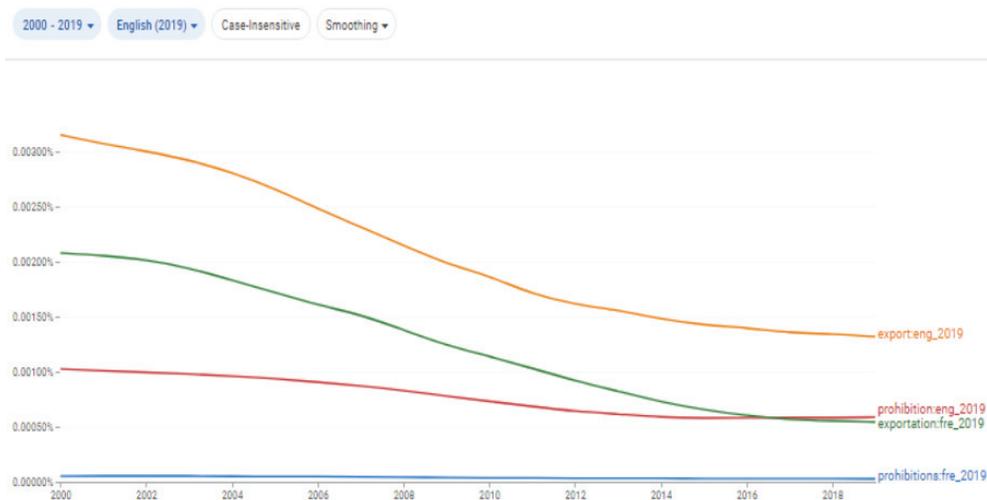

Рис. 5 / Fig. 5. Англицизмы *prohibition* (Eng_2019), *prohibition* (Fre_2019), *exportation/export* – Fre_2019/Eng_2019 (2000–2020 гг.) / Anglicisms *prohibition* (Eng_2019), *prohibition* (Fre_2019), *exportation/export* – Fre_2019/Eng_2019 (2000–2020)

Источник: Google Ngram Viewer.

Заключение

В результате проведённого исследования с использованием метода сплошной выборки англицизмов, возникших в текстах законов в период 2010–2020 гг., установлено, что практически все из рассмотренных терминов являются устойчивыми заимствованиями и появились в лексике Франции как минимум в XIX в. Указанное явление определяется как функциональные неологизмы или слова, которые употреблялись давно, но популярность которых резко возросла в современную эпоху [2]. Среди тенденций 2010-х гг. можно отметить резкий рост встречаемости некоторых заимствований в юридическом французском языке (*capable*). Также часть англицизмов имеет сходную историческую динамику (*export* (eng), *exportation* (fr.)), что указывает на заимствование термина в двух языках в более ранний период. Исследование подтвердило, что, как и термины, связанные с общественно-политической сферой [3], большинство юридических заимствований появилось во Франции в XVIII в. или раньше. Популярность или её частный случай *продуктивность* практически всех терминов действительно

хронологически меняется, а сам процесс заимствования представляет собой более сложное явление: проникновение из французского языка в английский и из английского языка во французский, но в разные исторические периоды.

Таким образом, осцилляции встречаемости термина не могут являться однозначным критерием его заимствования.

Наиболее выраженным заимствованием является *capable*, его встречаемость во французском значительно ниже на протяжении всего периода. Показательно, что популярность другого, практически «международного» заимствования *l'exportation* (англ. *export*) изменялась синхронно в обоих языках в течение 2000–2020 гг. (см. рис. 5).

Практически из всех гипотез, перечисленных в начале основной части подтверждается только одна, в отношении словообразования. Наиболее распространёнными формами оказались: добавление окончания (-s; -tion) (*capables*, *prohibitions*, *exportation*), а также в 'authorisation' французский термин теряет *h* в корне слова – *autorisation*.

Дата поступления в редакцию 15.10.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Котлярова Т. Я. Вкрапления и заимствования из английского языка во франкоязычном интернет-пространстве: языковая политика и узус // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 1. С. 254–258. DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.51
2. Попова Т. В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. 96 с.
3. Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. 37 с.
4. Хабибуллина Ф. Я., Агачева С. В. Неологизмы в современной европейской политической лексикографии (на материале немецкого и французского языков) // *Вестник Марийского государственного университета*. 2019. Т. 13. № 3 (35). С. 431–443. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-431-443
5. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 423 с.
6. Guilbert L. *La créativité lexicale*. Paris: Larousse edition, 1975. 285 p.
7. Skouratov I. V. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке : монография: на франц.яз. 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2021. 154 с.*

REFERENCES

1. Kotlyarova T. Ya. [The English inclusions and borrowings in the French-language Internet space: language policy and customary usage]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 254–258. DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.51
2. Popova T. V. *Russkaya neologiya i neografiya* [Russian neology and neography]. Yekaterinburg, Ural State Technical University Publ., 2005. 96 p.
3. Skuratov I. V. *Tipologicheskaya kharakteristika neologizmov v sovremennom razgovornom i delovom frantsuzskom yazyke: lingvisticheskiy i sotsiolingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Typological characteristics of neologisms in modern colloquial and business French: linguistic and sociolinguistic aspects: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 37 p.
4. Khabibullina F. Ya., Agacheva S. V. [Neologisms in modern European political lexicography (on the material of German and French)]. In: *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 2019, vol. 13, no. 3 (35), pp. 431–443. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-431-443
5. Shanskiy N. M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1964. 423 p.
6. Guilbert L. *La créativité lexicale*. Paris, Larousse edition, 1975. 285 p.
7. Skouratov I. V. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain*. Moscow, MRSU Ed. Office, 2021. 154 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евсеева Мария Владимировна – аспирант кафедры романской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: evseewamaria@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia V. Evseeva – Postgraduate student, Department of Romance Philology of Moscow Region State University;
e-mail: evseewamaria@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евсеева М. В. Англицизмы в гражданском праве современного французского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 87–95.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-87-95

FOR CITATION

Evseeva M. V. Anglicisms in the civil law of the modern French language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 87–95.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-87-95

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОРРЕКТНОЙ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НА ДРУГОЙ ЯЗЫК

Лебедева А. А.

*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья посвящена выявлению трудностей практического перевода юридических терминов на другой язык и анализу причин появления переводческих ошибок.

Процедура и методы. При работе со специально отобранными аутентичными англо- и русскоязычными юридическими текстами применялись такие методы анализа эмпирического материала, как контекстуальный и контрастивный.

Результаты заключаются в обобщении и структурировании значительного массива данных, предлагается алгоритм межкультурной адаптации юридических текстов. Параллельно обосновывается необходимость проведения многоаспектного анализа культурологических особенностей страны изучаемого иностранного языка в рамках образовательного процесса с целью избежать возможных переводческих ошибок в дальнейшей профессиональной деятельности.

Теоретическая и практическая значимость. Автор развивает теорию культурного компонента значения, выявляемого при лексико-семантическом анализе терминологических единиц гуманитарных областей знания, и рассматривает трудности межязыкового перевода юридической терминологии. В работе приводятся примеры переводческих ошибок при работе с юридической терминологией. Статья будет интересна преподавателям факультетов иностранных языков и переводчикам-практикам.

Ключевые слова: параллельный перевод, межязыковой перевод юридической терминологии, неологизм, переводческая ошибка, лексико-семантический анализ, лингво-культурологический аспект

ON THE PROBLEM OF CORRECT LEGAL TERMINOLOGY INTERLINGUAL SEMANTIC TRANSFERENCE

A. Lebedeva

All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) ulitsa Azovskaya 2 build. 1, Moscow 117638, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper describes difficulties of legal terminology translation practices, and analyzes the reasons of translation errors.

Methodology. The methods of contextual analysis as well as contrastive analysis were applied during the research based on selected authentic English and Russian law-specific texts.

Results. The work presents generalization and structuring of significant amount of data, an algorithm for cross-cultural adaptation of law-specific texts is also proposed. The need for carrying out a multidimensional analysis of cultural peculiarities of the country of the foreign language studied as part of the educational process, in order to avoid translation mistakes in further professional activity, is substantiated as well.

Research implications. The author develops the theory of the cultural component of meaning detected in the process of the lexical-semantic analysis of terminological units in the humanitarian fields of knowledge, and focuses on the difficulties of legal terminology interlingual translation. The paper presents examples of translation mistakes in legal terminology. It will be of interest to teachers of foreign language faculties, translators, practitioners.

Keywords: parallel translation, interlingual legal terminology translation, neologism, translation mistake, lexical-semantic analysis, linguo-cultural aspect

Введение

Конец XX в. и первые десятилетия XXI века в английском языке, как и во многих других языках, характеризуются, с одной стороны, формированием и расширением терминологических подсистем в результате интеграции и дифференциации различных отраслей знаний, возникновением новых дисциплин, а с другой стороны, возникновением большого количества неологизмов. Особенности формирования узкоспециальных отраслевых терминологий, задачей которых была номинация явлений и объектов в той или иной научной области или практической сфере человеческой деятельности, а также специфические черты так называемого «неологического бума» в последние годы неоднократно привлекали внимание многих лингвистов (см. [1–11] и др.).

Сложности корректной передачи семантической конфигурации юридических терминов на другой язык

Корректность контекстного перевода считается основополагающим фактором адекватности переводческих решений при работе с различными видами дискурса, в том числе в условиях функционирования широкого пласта омонимов и многозначных слов. Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе и соответственно подбор адекватного эквивалента на другом языке всегда требовали от переводчика не только наличия лексикограмматических навыков владения языком, но и наличия фоновых знаний и культурологической компетенции.

К факторам, затрудняющим перевод, как правило, относят отсутствие эквивалентов, несовпадение объёма значения или отсутствие реалий, метафоризацию как разновидность лексико-семанти-

ческого способа терминологического образования, контекстные культурологические особенности, языковые интерференции и национальные языковые традиции (например, излишнее многословие и избыточное использование синонимов в англоязычных юридических текстах) [2–5; 7]. В числе факторов, существенных для достижения точности перевода, в лингвистической литературе нередко также упоминают межвариантную вариативность, особенности пунктуации и стиль речи, характерные для данного конкретного вида дискурса.

Нередко возникает необходимость выбора корректного переводческого эквивалента в зависимости от типа дискурса. Так, в юридически значимом контексте слово “tort” (дословно «деликт») целесообразно переводить на русский язык как «вред, причинённый личности или имуществу» в соответствии со статьёй 1064 Гражданского кодекса РФ, т. к. в российском законодательстве отсутствует термин «деликт» (хотя он и используется в теоретических работах российских правоведов). Подобная ситуация наблюдается и с термином “franchising”, который целесообразно переводить в юридически значимых текстах как «коммерческая концессия» (глава 54 ГК РФ, статьи 1027–1040), хотя с экономической точки зрения приемлем и второй вариант перевода «франчайзинг». Термин “manslaughter” в англо-русских словарях обычно переводят как «непредумышленное убийство», но в юридически значимом контексте наиболее корректными будут формулировки «причинение смерти по неосторожности» (ст. 109 УК РФ) или «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть» (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Особые сложности при подборе корректного иноязычного эквивалента часто наблюдаются при расхождении семантических конфигураций различных терминов в условиях функционирования параллельных терминосистем в разных

языках, например, с такими юридическими понятиями как “specific performance”, “summary offences” и “plea bargaining”.

Словосочетание “specific performance” в юридически значимом контексте нужно переводить как «реальное исполнение обязательства» или «исполнение обязательства в натуре» (а не дословно как «особый порядок» – этот вариант перевода относится к «ложным друзьям переводчика»). Как известно любому российскому юристу, «реальное исполнение обязательства» – это один из принципов (способов) исполнения обязательств, в соответствии с которым обязанности должника сводятся к исполнению обязательств в натуре, то есть совершение им действий, составляющих содержание обязательства (передать определённую вещь, выполнить определённую работу, оказать соответствующую услугу). “Specific performance” (средство правовой защиты по праву справедливости) представляет собой постановление суда, обязывающее сторону выполнить договорные обязательства.

Что же касается термина «особый порядок», то в российском уголовно-процессуальном праве можно выявить два подвида «особого порядка принятия решения» и соответственно два возможных варианта перевода термина на английский язык.

1. «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» – это особый порядок судебного разбирательства, отличный от обычного, в рамках которого судья проводит судебное заседание в упрощённой форме и не проводит исследование и оценку доказательств, собранных следствием по уголовному делу (т. к. подсудимый признал свою вину). При этом подсудимому назначается наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершённое преступление.

Этот вид «особого порядка принятия судебного решения», на наш взгляд, схож с режимом “summary offences” (упрощённое (ускоренное / суммарное) производство) в США и Великобритании.

Около 90% уголовных дел в Англии рассматриваются магистратскими судами в порядке упрощённого (суммарного) производства при условии признания обвиняемым своей вины. Упрощённая процедура предполагает оперативное рассмотрение дела без соблюдения строгих формальных правил, не предусмотрены участие присяжных и оценка достаточности представленных доказательств вины, а основная доказательная база – протоколы и рапорты полицейских. Наказание в таких случаях обычно не превышает пяти лет тюремного заключения. Более того, в суммарном производстве подсудимому даётся возможность выразить признание вины в письменной форме, т. е. его явка в суд не обязательна. В Англии в рамках суммарного производства рассматриваются как малозначительные правонарушения, так и некоторые тяжкие преступления, не представляющие особой опасности для общества. К числу “summary offences” в Англии относят также транспортные нарушения (превышение скорости, неправильную парковку и т. п.), т. е. аналогом судопроизводства в режиме “summary offences” в российском праве можно считать судебный процесс по административным правонарушениям. В США в режиме упрощённого (суммарного) судопроизводства также рассматривается около 90% всех уголовных дел: при этом отсутствуют стадии предварительного рассмотрения дела в суде и первоначальной явки, не предусмотрено участие присяжных.

2. «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» отличается от первого варианта «особого порядка судебного разбирательства» тем, что подсудимый не просто признал свою

вину, но ещё и помог следствию¹. Наиболее приемлемым вариантом перевода при этом нам кажется термин “plea bargaining” (амер. «переговоры о заключении сделки о признании вины», сделка с правосудием).

Некоторая путаница наблюдается с переводом на английский язык понятий, связанных с российским арбитражем и арбитражными судами.

В РФ вся судебная система представлена тремя видами государственных судов:

а) судами общей юрисдикции (рассматривающими административные, уголовные и гражданские дела, не связанные с предпринимательской деятельностью);

б) арбитражными судами (рассматривающими административные и гражданские дела, связанные с предпринимательской деятельностью, т. е. споры, вытекающие из экономической деятельности физических и юридических лиц);

в) конституционными (уставными) судами.

¹ В РФ срок подачи ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на имя прокурора через следователя: с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. Специфика этого варианта особого порядка: следователь (а позже и прокурор) может отказать в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, если посчитает, что предложенное содействие является незначительным для следствия. При этом в рамках судебного разбирательства суд должен установить, в чем выразилось и какое значение для следствия имело содействие подсудимого в раскрытии и расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления и т. д.

В РФ подсудимый освобождается от пожизненного лишения свободы или смертной казни, а также срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного уголовным кодексом за совершенное преступление. В США заключение сделки о признании вины (между прокурором / обвинением и подзащитным / адвокатом) не гарантирует снижения обвиняемому наказания и официально только указывает на возможность такого исхода дела, т. к. суд не считается связанным какими-либо законодательными ограничениями.

Подчеркнём, что в РФ существует официальное понятие арбитража, подразумевающее рассмотрение спора в третейском суде (негосударственном) – в соответствии с ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ. Таким образом, в России «арбитраж» – это не судебная инстанция, а процесс в третейском суде.

В англосаксонских странах используется только одно понятие, имеющее связь с чем-то арбитражным – это “arbitration” – как альтернативный способ внесударственного урегулирования спора, где стороны представляют свои позиции нейтральной третьей стороне (арбитру / арбитрам). В системе британского права¹ есть понятие “Alternative Dispute Resolution” (ADR). Эта процедура состоит, как правило, из двух этапов (после negotiation) внесударственного урегулирования спора: а) mediation (Court-Annexed Arbitration / досудебный арбитраж); и б) arbitration (commercial arbitration / коммерческий арбитраж).

Соответственно, когда российские юристы говорят на английском языке “arbitrazh courts”, они имеют в виду наши «арбитражные суды» (государственные). Но британские юристы зачастую воспринимают это через призму своей правовой реалии и отождествляют российские “arbitrazh courts” с их “arbitration” (внесударственный способ урегулирования споров). Более того, российские юристы нередко калькой переводят на английский язык наш «арбитраж» (третейское или негосударственное разбирательство) как “arbitrazh”. Тогда британские юристы испытывают замешательство, поскольку понимают, что есть “arbitrazh courts”

¹ Федеральные суды и суды штатов США, рассматривающие коммерческие споры, являются государственными. В Англии и Уэльсе как низшие судебные инстанции (суды графств, мировые суды, трибуналы), так и суды высшей инстанции (Апелляционный суд, Высокий суд правосудия, Суд короны, в т. ч. рассматривающие коммерческие споры), также являются государственными.

(российские арбитражные суды) и есть “arbitrazh” (российские третейские суды). Поэтому для того чтобы правильно интерпретировать на английском языке название конкретного суда в России, отечественные правоведы наши «арбитражные (государственные) суды» переводят как “arbitrazh courts”, а наш «третейский (негосударственный) суд» или «арбитраж» как “arbitral tribunals” или “commercial court”.

Особенности перевода неологизмов в рамках межкультурной адаптации юридических текстов

В рамках статьи хотелось бы обратить внимание на сложности перевода неологизмов в юридическом контексте, поскольку эта тема не очень подробно описана в лингвистической литературе. Как известно, лексический состав большинства современных языков пестрит неологизмами и иностранными заимствованиями. Одна из статей в газете «Мир новостей» от 26 мая 2021 г. с заголовком «Пранк ради хайпа»² содержит два иностранных заимствования сразу (*пранк* (англ. *prank*) – шутка, розыгрыш, провокация; *хайп* (англ. *hype*) – навязчивая, агрессивная реклама, цель которой формирование предпочтений потребителя, слово *хуре* кроме того используется для обозначения бренда или человека, популярность которых пытаются искусственно раздуть). Речь в статье идёт о блогере Эдварде (Эдуарде) Биле, неоднократно пытавшемся, по мнению автора, устроить очередной хайп ради повышения популярности (например, массовое ДТП 1 апреля 2021 г., виновником которого был Биль; пранк в магазине бытовой техники, где тот сначала на камеру издевался над продавцом, а потом ударил ногой по лицу подошедшего охранника и т. п.).

Нередко заимствования, появившиеся в языке как калька с другого языка, приобретают отличные от оригинала

² См.: Пранк ради хайпа // Мир новостей. 2021. № 22 (1431). С. 6.

значения, или их семантическая конфигурация в конкретном языке меняется со временем. Так, в английском и французском языках прилагательное “brutal” имеет значение «жестокий, грубый, бесчеловечный, отвратительный». Первоначально и в русском языке «брутальность» ассоциировалась с грубостью, прямолинейностью и жестокостью, однако, в современном русскоязычном обществе это слово получило иную окраску: «брутальный мужчина» – это мужественный и жёсткий, но отнюдь не жестокий человек. Более того, подобный персонаж обычно окружён атмосферой загадочности и таинственности.

В лингвистической литературе новые слова, возникшие в языке, называют не только термином «неологизм», но и такими терминами как «новообразование», «инновация», «окказионализм», «новое наименование». Наиболее распространённый – термин «неологизм», хотя его интерпретация варьируется в разных исследованиях. В статье мы рассматриваем неологизмы как словоформы, идиоматические выражения, семантические конфигурации лексических единиц, существующие в определённый период времени в конкретном языке и не функционировавшие ранее в том же языке, подъязыке, языковой ноосфере. Развитие словарного состава языка происходит под влиянием как экстралингвистических, так и интралингвистических факторов (на основе словообразовательного потенциала самого языка, в ходе расширения лексико-семантических вариантов). К внеязыковым причинам возникновения лексико-семантических инноваций можно отнести отсутствие в языке словоформ для обозначения новых культурологических и предметных реалий, необходимость цементирование межъязыковых лакун для более эффективного межкультурного общения, расширение круга носителей языка за счёт развития интернета, деловой коммуникации, межотраслевого взаимодействия. Наличие потенциальных

возможностей обновления языковых средств в самом устройстве языка создаёт предпосылки для эволюционных преобразований. Соответственно к интралингвистическим факторам появления лексико-грамматических новообразований, как правило, относят принцип языковой экономии, изменение семантической или стилистической конфигурации словообразовательных элементов, заимствования из других языков, принцип экспрессивности выражения, стремление к структурной аналогии средств языкового выражения и т. д.

В английском языке наиболее продуктивными способами образования неологизмов считаются аффиксация, словосложение, конверсия, сокращение (аббревиация, усечение), образование словосочетаний, семантическая деривация (расширение или сужение значения, метонимический или метафорический перенос), заимствования (калькирование, транскрипция, транслитерация). Кроме того, используются фонологические способы образования новых наименований на основе появления уникальных конфигураций звуков.

В современном языкознании неологизмы изучаются в рамках разных подходов, среди которых можно выделить следующие:

– денотативный подход (под неологизмами понимают слова, появившиеся в языке с целью обозначения новых понятий или реалий);

– стилистический подход (неологизмами считаются лексические единицы / идиомы, семантическая конфигурация которых приобрела новую стилистическую маркировку);

– лексикографический подход (под неологизмами понимают незарегистрированные ранее в словарях лексические единицы);

– ономаσιологический подход (лексическая единица считается неологизмом при условии приобретения ею новой семантической конфигурации);

– структурно-семантический подход (акцент ставится на составлении различных классификаций неологизмов на основе особенностей употребления, способов образования и т. д.).

Формирование в XX веке новой антропоцентрической парадигмы выдвинуло на первый план человеческий фактор, в результате чего словотворчество стало рассматриваться как феномен языковой личности. Соответственно при изучении проблем неологии (науки о неологизмах – относительно новой отрасли лексикологии) параллельно с вышеупомянутыми подходами к изучению новообразований в языке исследователями, как правило, используются и нижеперечисленные:

– лингвокультурологический подход, акцентирующий внимание на воплощении новых культурных реалий с помощью неологизмов;

– лингвокогнитивный подход, выводящий на первый план взаимодействие когнитивных и лингвистических аспектов внутри неологизмов;

– психолингвистический подход, в рамках которого языковые инновации считаются единицами индивидуального лексикона носителя языка.

Наиболее распространены следующие способы передачи неологизмов с одного языка на другой: калькирование, транскрибирование / транслитерация, лексико-семантическая замена (генерализация / модуляция / конкретизация), объяснение, сохранение формы слова иностранного языка, эквивалентное соответствие. Нередко наблюдается комбинирование вышеуказанных способов. При этом по мнению многих исследователей ([9; 11] и др.) принадлежность неологизма к какому-либо функциональному стилю или тематической группе не влияет на выбор переводческих приёмов.

Наряду с многочисленными разнонаправленными языковыми тенденциями развития юридического английского, наблюдавшимися в современном мире в последние десятилетия (см. об этом под-

робно в [5]), можно заметить появление многочисленных новых лексических единиц в результате научно-технического прогресса, возникновения новых типов преступлений, изменений в различных сферах общественной жизни. Появление компьютерных правонарушений стало причиной появления новых терминов для их обозначения, например, “spearphishing” / “spearphish” (“spearphishing” / “spear phishing”) – принуждение обманным путём отправлять личные данные мошенникам на поддельный веб-сайт после получения письма-приманки от якобы знакомого адресата (фишинг-мошенничество). Лексические единицы “spearphishing” / “fishing for data” привели к возникновению сопутствующих терминов, например, “spearphisher” – преступник в сфере целевого фишинга, “phishing lines” – выуживание сведений (букв. «рыболовные лески»), “phishing expeditions” – зондирование электронной почты (букв. «поездка на рыбалку») и др. Нельзя не заметить и появление таких терминов как:

– “surveillance capitalism” – наблюдательный капитализм, т. е. продажа личных данных пользователей (калькирование);

– “techlash” – противостояние технологическим компаниям (на базе сложения слов “technology”+“backlash” / технология+противостояние: калькирование);

– “digital nomads” – цифровые кочевники, т. е. работающие дистанционно через интернет (калькирование);

– “jackpotting” – джекпоттинг, т. е. установка на банкоматы вредоносных программ для преступного получения денег (на базе слова “jackpot” (крупный выигрыш) + суффикс -ing): транскрибирование + транслитерация);

– “cryptojacking” – криптоджекинг, т. е. незаконное использование чужих компьютеров для получения криптовалюты (на базе сложения слов “cryptocurrency”+“hijacking” / криптовалюта + ограбление: транскрибирование + транслитерация) и т. д.

Такие термины как “connectivity aircraft” (дрон по раздаче интернета), “tabnabbing” / “tab napping” (кража личных данных путём замены неактивных интернет-вкладок на поддельные в ходе просмотра интернета, к примеру, при просмотре баланса банковского счёта и дальнейшее введение пользователем личной информации на фальшивую интернет-вкладку после возвращения на начальную страницу банка) обычно переводят на русский язык при помощи лексико-семантической замены. Термин “tabnapping” образован на основе слов “tab” (в значении «последующая страница в интернет-браузере, вкладка») и “kidnapping” (похищение); от него появились производные “to get / be tabnapped”, “tabnappers”.

Многие юридические неологизмы, не имеющие чёткого лексического коррелята в другом языке, обычно переводят при помощи объяснения, эквивалентного соответствия или лексико-семантической замены. Значительное увеличение в последние годы в Великобритании количества людей, самостоятельно защищающихся в суде, и одновременно определённое уменьшение гонораров адвокатов, причиной чего аналитики считают общее снижение государственного финансирования судебной системы, от-

разилось и в языке, дав толчок возникновению новых лексических единиц: “do-it-yourself-justice” / “DIY” (защита в суде без помощи адвокатов), “no-win-no-fee service” (оплата гонорара адвокату только при условии выигранного судебного процесса (широко распространённая практика в Ирландии)), “champerty” (ведение чужого судебного дела с получением части исковой суммы или предмета спора в случае выигрыша / неправомерное оказание помощи другому лицу в гражданском процессе с целью получения части выгоды от этого процесса / чемперти), “crowdfunded litigation” (финансирование судебного процесса с помощью сбора денег через интернет, социальные сети и т. п. / краудфандинговый судебный процесс).

Заключение

Суммируя всё вышесказанное, подчеркнём, что приобретение в рамках обучения иностранным языкам навыков адекватной интерпретации профессиональных концептов сопоставляемых языков параллельно с культурологической компетенцией и включением обучаемого в языковые картины мира рассматриваемых языков поможет избежать переводческих ошибок в будущем.

Дата поступления в редакцию 19.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаманова Ю. В. Ошибки передачи профессиональной коммуникации наземного персонала (на материале перевода на русский язык романа А. Хейли «Аэропорт») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 77–86. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-77-86
2. Ильина Н. Ю. Язык для специальных целей в межкультурном пространстве // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : материалы IV Московского юридического форума. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). М.: РФ-Пресс, 2017. С. 109–115.
3. Калиновская В. В. Страноведческий компонент в преподавании английского юридического языка // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : материалы IV Московского юридического форума. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). М.: РФ-Пресс, 2017. С. 115–120.
4. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста : монография. 2-е изд., расш. и доп. М.: Де’Либри, 2018. 282 с.

5. Лебедева А. А. Проблемы корректной передачи семантической конфигурации текста на другой язык: роль культурологической компетенции и фоновых знаний при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 79–88. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-79-88
6. Максимова Н. В. Современная электроэнергетическая терминология: структурный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 25 с.
7. Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантность английской юридической лексики как проблема перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 180–193. DOI: 10.22363/2687-0088-9359
8. Рзаева С. М. Особенности перевода неологизмов с английского языка на русский (на материале он-лайн газет и социальных сетей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 23 с.
9. Уценко О. И. Особенности формирования терминологических подсистем (на материале терминологии кардиохирургии в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 24 с.
10. Цепков И. В. Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 247 с.
11. Linguosemiotic organization of heterogeneous texts (case study of media and internet texts) / O. I. Maksimenko, N. A. Akhrenova, M. V. Belyakov, Yu. A. Evgrafova // Proceedings of the 3rd International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism” dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich (SCTMG 2020), 27–29 February, 2020, Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute, Grozny, Russia. London: European Publisher, 2020. P. 2121–2127. (Series: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 92). DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.279

REFERENCES

1. Zhamanova Yu. V. [Incorrect interlinguistic transfer of ground services’ professional vocabulary in a literary text (Russian translation of “Airport” by A. Hailey)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 2, pp. 77–86. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-77-86
2. Il’ina N. Yu. [Language for Special Purposes in Intercultural Space]. In: *Pravo i ekonomika: mezhdistsiplinarnyye podkhody v nauke i obrazovanii : materialy IV Moskovskogo yuridicheskogo foruma. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskiye chteniya)* [Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education : Proceedings of the IV Moscow Legal Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings)]. Moscow, RG-Press Publ., 2017, pp. 109–115.
3. Kalinovskaya V. V. [Country-specific component in teaching the English legal language]. In: *Pravo i ekonomika: mezhdistsiplinarnyye podkhody v nauke i obrazovanii : materialy IV Moskovskogo yuridicheskogo foruma. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskiye chteniya)* [Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education : Proceedings of the IV Moscow Legal Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings)]. Moscow, RG-Press Publ., 2017, pp. 115–120.
4. Lebedeva A. A. *Osnovnyye printsipy professional’no oriyentirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku studentov yuridicheskikh spetsial’nostey: formirovaniye professional’noy lingvokul’turologicheskoy modeli yurista* [Basic principles of professionally oriented foreign language teaching for students of legal specialties: formation of a professional linguocultural model of a lawyer]. Moscow, De’Libri Publ., 2018. 282 p.
5. Lebedeva A. A. [Cross-cultural adaptation of texts: the role of multi-aspect analysis of cultural peculiarities for avoidance of translation mistakes]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no 3, pp. 79–88. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-79-88
6. Maksimova N. V. *Sovremennaya elektroenergeticheskaya terminologiya: strukturnyy i semanticheskyy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern electric power terminology: structural and semantic aspects: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2020. 25 p.

7. Ozyumenko V. I., Chilingaryan K. P. [Polysemy of English legal lexis and the problems of translation]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Linguistics], 2015, no. 2, pp. 180–193. DOI: 10.22363/2687-0088-9359
8. Rzayeva S. M. *Osobennosti perevoda neologizmov s angliyskogo yazyka na russkiy (na materiale on-layn gazet i sotsial'nykh setey): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of the translation of neologisms from English into Russian (on the basis of online newspapers and social networks): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2021. 23 p.
9. Ushchenko O. I. *Osobennosti formirovaniya terminologicheskikh podsystem (na materiale terminologii kardiokhirurgii v angliyskom i russkom yazykakh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of the formation of terminological subsystems (based on the terminology of cardiac surgery in English and Russian): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2021. 24 p.
10. Tsepkov I. V. *Lingvokul'turologicheskiye i pragmaticheskiye faktory perevoda terminov-realiy: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguoculturological and pragmatic factors in the translation of realia terms: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 247 p.
11. Maksimenko O. I., Akhrenova N. A., Belyakov M. V., Evgrafova Yu. A. Linguosemiotic organization of heterogeneous texts (case study of media and internet texts). In: *Proceedings of the 3rd International Scientific Conference "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism" dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich (SCTMG 2020), 27–29 February, 2020, Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute, Grozny, Russia*. London, European Publisher, 2020, pp. 2121–2127. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.279

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Анна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

e-mail: lebsuch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Lebedeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental head, Department of foreign languages, All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia);

e-mail: lebsuch@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедева А. А. К вопросу о проблемах корректной передачи семантической конфигурации юридических терминов на другой язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 96–105.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105

FOR CITATION

Lebedeva A. A. On the problem of correct legal terminology interlingual semantic transference. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 96–105.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105

УДК 811.111'25

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-106-113

О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧЕ ЗООНИМОВ В ПЕРЕВОДАХ РАССКАЗОВ ДЖ. ХЭРРИОТА НА РУССКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ

Пономарева С. Н.¹, Овчинников А. В.²

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

² *ООО «Букинг. ком Русиа»*

125047, г. Москва, ул. Бутырский Вал, д. 10, эт. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования – выявление методов, используемых для межъязыковой передачи зоонимов в художественном переводе.

Процедура и методы. Каждый из анализируемых случаев межъязыковой передачи зоонимов был охарактеризован по признакам, относящимся к исходному зоониму, контексту его употребления, а также к зоониму, использованному переводчиком. При проведении исследования применены методы описания, сравнения, количественного и контекстуального анализа.

Результаты. По результатам исследования, наиболее важным фактором при выборе метода передачи является происхождение исходного зоонима. Кроме того, заметно влияние традиций переводящего языка: передача на испанский язык больше тяготеет к форенизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в систематизацию методов, применяемых для межъязыковой передачи зоонимов, и могут быть использованы для формулирования рекомендаций в этой сфере.

Ключевые слова: зооним, кличка животного, ономастика, межъязыковая передача, практическая транскрипция, калькирование, перевод

INTERLINGUAL TRANSFER OF ZOONYMS IN RUSSIAN AND SPANISH TRANSLATIONS OF SHORT STORIES BY JAMES HERRIOT

S. Ponomareva¹, A. Ovchinnikov²

¹ *Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

² *LLC “Booking.com Russia”*

ulitsa Butyrsky Val 10, floor 14, Moscow 125047, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this article is to identify the methods used for interlingual transfer of zoonyms in literary translation.

Methodology. All analyzed instances of interlingual transfer were characterized by criteria related to the source zoonym, its context, and the zoonym inserted by the translator. The main methods of research are description, comparison, quantitative analysis, and contextual analysis.

Results. The study concludes that the origin of a zoonym is the most powerful factor influencing the choice of the interlingual transfer method. In addition, the traditions of the source language have a noticeable influence: the Spanish translation was found to lean towards foreignization.

Research implications. The research results contribute to systematizing techniques used for interlingual transfer of zoonyms and can be used to formulate recommendations in this field.

Keywords: zoonym, animal name, onomastics, interlingual transfer, transcription, calque, translation

Введение

Имена собственные обладают своей собственной, особой прагматикой и особенной семантической аурой, что подтверждают серьёзные филологические изыскания конца XX – начала XXI в. (см. [4; 8; 10] и др.). Выйдя за пределы ономастики, которая по традиции рассматривалась как раздел лексикологии, тесно, однако, связанный с этимологией и лексикографией, эти изыскания в основном в качестве предмета анализа имели имя как отдельную лексему, вне тесной связи с содержанием текста в целом. Между тем очевидно, что структурные единицы текста в немалой степени определяют его смысловую целостность. И это утверждение значимо как для образцов «высокой» прозы – саг, былин, и т. п., – так и для текстов «попроще», массово читаемых и популярных. Ярким примером таких текстов являются рассказы британского писателя Дж. Хэрриота, переведённые на многие языки мира, в том числе русский и испанский. Посвящённые животным, «домашним» (кошкам, собакам) и «хозяйственным» (коровам, овцам, свиньям), они при всей своей незамысловатости – это художественно осмысленный опыт врача-ветеринара – представляют собой прекрасные образцы британской анималистической прозы, полной любви к «братьям нашим меньшим» и истинно британского сдержанного юмора, в определённой степени отражаемого в кличках героев повествования. Именно поэтому анализ межъязыковой передачи зоонимов в данных текстах имеет, на наш взгляд, первостепенное значение.

Характеристика материала и методы описания

Источниками материала послужили два сборника рассказов британского писателя Джеймса Хэрриота – “All Things

Great and Small” (1972) и “All Things Bright and Beautiful” (1974)¹, – а также переводы этих произведений на русский и испанский языки. Перевод на русский язык был выполнен И. Г. Гуровой и П. С. Гуровым в 1985–1996 гг. и издан в составе нескольких сборников, в частности «О всех созданиях – больших и малых» и «О всех созданиях – прекрасных и удивительных»². Перевод на испанский язык был выполнен А. Гарсиа Бургос в 1975–1976 гг. и издан двумя сборниками: “Todas las criaturas grandes y pequeñas” и “Todas las cosas brillantes y hermosas”³.

В исходном тексте были обнаружены 75 зоонимов, принадлежащих различным животным: собакам (34 зоонима), кошкам (13), свиньям (9), лошадям (8) и т. д. Отметим, что большая часть упоминаемых зоонимов принадлежат не сельскохозяйственным животным, а домашним. Полевые исследования зоонимов в частных хозяйствах показывают, что основу реального сельского зоонимикона также составляют клички собак и кошек [2; 3].

Для выявления закономерностей межъязыковой передачи зоонимов был использован количественный анализ данных. Этот метод уже применялся в отдельных работах, посвящённых межъязыковой передаче онимов на русский язык.

¹ Herriot J. All Things Great and Small. New York: St. Martin's Press, 1972. 442 p.; Herriot J. All Things Bright and Beautiful. New York: St. Martin's Press, 1974. 378 p.

² Хэрриот Дж. О всех созданиях – больших и малых / пер. И. Гуровой, П. Гурова, под ред., с предисл. Д. Ф. Осидзе. М.: Мир, 1985. 383 с.; Хэрриот Дж. О всех созданиях – прекрасных и удивительных / пер. И. Гуровой, под ред. Д. Ф. Осидзе. М.: Мир, 1987. 256 с.

³ Herriot J. Todas las cosas brillantes y hermosas / trad. por A. G. Burgos. Barcelona: Grijalbo, 1976. 441 p.; Herriot J. Todas las criaturas grandes y pequeñas: memorias de un veterinario / trad. por A. García Burgos. Barcelona: Grijalbo, 1975. 516 p.

Например, Н. К. Генидзе и А. А. Яковлева на основе анализа нескольких переводов художественных произведений отмечают преобладание транскрипции, транслитерации и их сочетаний: в собранном ими материале эти методы были применены для 54,5% онимов [5, с. 90].

Каждый из обнаруженных зоонимов был охарактеризован по происхождению. Мы вынуждены признать, что однозначно охарактеризовать происхождение некоторых исходных зоонимов затруднительно. В частности, непросто определить, какие из зоонимов, образованных от имён нарицательных, являются множественными. В таких случаях мы руководствовались данными о частотности употребления, собранными в работах по англоязычной ономастике, таких как справочник А. Рума¹.

Затем для каждого из зоонимов был определён приём, использованный для межъязыковой передачи на русский и испанский языки. Для анализа использо-

валась классификация приёмов, созданная Д. И. Ермоловичем. Анализировался только основной приём в отношении каждого онима: если какой-либо оним в оригинальном тексте употреблялся несколько раз и в переводе в некоторых случаях был деонимизирован, случаи такой деонимизации не учитывались. Собранные данные приведены в табл. 1 и 2.

В проанализированных случаях межъязыковой передачи встретились семь основных методов передачи: прямой графический перенос, практическая транскрипция, использование традиционного именованя, онимическая замена, калькирование, морфограмматическая модификация, деонимизация. В некоторых случаях был использован смешанный приём. Уточним, что под калькированием мы вслед за Д. И. Ермоловичем [6, с. 168] подразумеваем отражение структуры и лексико-семантического наполнения исходного онима: *Canny Lad* – *Хитрый Парень*, *Princess* – *Принцесса*.

Таблица 1 / Table 1

Межъязыковая передача зоонимов в переводах двух сборников рассказов Дж. Хэрриота на русский язык / Interlingual transfer of zoonyms in the Russian translation of two short story collections by James Herriot

Происхождение исходного зоонима	Всего	Прак. транскр.	Трад. соотв.	Оним. замена	Кальк.	Морф. модиф.	Смеш.
Мн. антропоним	38	—	34	3	—	1	—
Ед. антропоним	6	1	3	—	—	—	2
Мн. зооним	13	7	—	3	3	—	—
Имя нарицательное	10	—	—	4	6	—	—
Словосочетание	5	1	—	2	2	—	—
Торговая марка	1	1	—	—	—	—	—
Официальный зооним	2	—	—	—	—	—	2
Всего онимов	75	10	37	12	11	1	4

Источник: составлено авторами по результатам анализа текстов.

¹ См.: Room A. The Naming of Animals: An Appellative Reference to Domestic, Work, and Show Animals, Real and Fictional. Jefferson, NC: McFarland & Co., 1993. 231 p.

Таблица 2 / Table 2

Межъязыковая передача зоонимов в переводах двух сборников рассказов Дж. Хэрриота на испанский язык / Interlingual transfer of zoonyms in the Spanish translation of two short story collections by James Herriot

Происхождение исходного зоонима	Всего	Пр. гр. перенос	Трад. соотв.	Оним. замена	Кальк.	Деон.	Смеш.
Мн. антропоним	38	35	3	—	—	—	—
Ед. антропоним	6	6	—	—	—	—	—
Мн. зооним	13	11	—	—	2	—	—
Имя нарицательное	10	4	—	1	5	—	—
Словосочетание	5	3	—	—	1	1	—
Торговая марка	1	1	—	—	—	—	—
Официальный зооним	2	—	—	—	—	—	2
Всего онимов	75	60	3	1	8	1	2

Источник: составлено авторами по результатам анализа текстов.

Влияние происхождения исходного зоонима на межъязыковую передачу

Существенные различия наблюдаются в применении семантически ориентированных приёмов передачи – калькирования и онимической замены. В переводе на русский язык эти приёмы были использованы в 23 случаях из 75, тогда как в испанском – только 9 раз.

Как показывает анализ, ключевым фактором для выбора приёма является происхождение зоонимов. Так, зоонимы, образованные от антропонимов (антропозоонимы), в переводе на русский язык передавались в основном через использование традиционных именовании (37 случаев из 44). Встречаются также случаи применения онимической замены (3) и морфограмматической модификации (1). В переводе на испанский язык для 41 антропозоонима используется прямой перенос и только для трёх – традиционные именовании. Широкое использование традиционных именовании в русскоязычном переводе связано с большим количеством антропозоонимов англоязычного происхождения, имеющих устоявшиеся традиции передачи: *Alfred* – *Альфред*, *Arthur* – *Артур*, *Peter* – *Питер* и т. д. В переводе на испанский язык органичным выбором для их передачи был прямой

графический перенос. Альтернативным вариантом могла бы быть транспозиция (*Alfredo*, *Arturo*, *Pedro*), однако этот приём вызвал бы явное искажение культурной принадлежности текста (ср. *Peter* – *Петр*). А. Гарсия Бургос использовала испаноязычные соответствия только для редких онимов, чтобы подчеркнуть их неанглийское происхождение: *Benjamin* – *Benjamín*, *Delilah* – *Dalila*, *Prudence* – *Prudencia*.

Другая крупная группа зоонимов – клички, образованные от языковых единиц с семантическим наполнением: имён нарицательных и словосочетаний. В переводе на русский язык почти все такие зоонимы были переданы с использованием семантически ориентированных приёмов. Исключением является зооним *Tricki Woo*, рассматриваемый ниже. Данная статистика соотносится с данными, собранными И. В. Сединой и В. В. Четверговой: они отмечают широкое использование калькирования для зоонимов, характеризующих нрав животного или личность его хозяина, в переводах произведений Дж. Р. Р. Мартина [9].

Перевод на испанский язык более консервативен: в 7 случаях из 15 был использован прямой перенос. Прежде всего А. Гарсия Бургос использовала калькирование для зоонимов, мотивировка

которых объяснена в исходном тексте: *Strawberry* – *Клубничка* / *Fresa* (чалая ко-рова), *Seven-times-three* – *Семь-По-Три* / *Siete Tres* (кошка, рожающая по три котёнка). Менее очевидная мотивировка в испаноязычном переводе была потеряна: *Badger* – *Барсук* / *Badger* (конь, предположительно, серой масти) *Marigold* – *Ромашка* / *Marigold* (свинья насыщено красного окраса). В последнем случае из-за вынужденной замены *pluralia tantum*, «бархатцы», мотивировка была потеряна и в русскоязычном переводе.

Различия между подходами переводчиков ярко проявляются в передаче множественных зоонимов – наиболее частотных кличек. В рассказе под номером 46 из сборника “All Things Bright and Beautiful” три онима – *Rover Johnson*, *Patch Walker* и *Spot Briggs* – перечислены рассказчиком как клички его пациентов без упоминания видовой принадлежности этих животных. Интересным приёмом здесь является указание на семью, в которой живёт питомец, через приписывание ему фамилии этой семьи. Все три «личных имени» при этом имеют устойчивую мотивировку: *Rover* восходит к имени нарицательному со значением «бродяга», а клички *Patch* и *Spot* обычно дают животным с пятном в окрасе. В испаноязычном переводе все три клички переданы прямым переносом. В русскоязычном переводе авторское трактование и множественный характер этих зоонимов переданы более явно: «джонсоновский Буйан», «уокеровский Рыжик», «бриггсовский Рой».

Тем не менее множественный характер некоторых зоонимов в русскоязычном переводе был потерян: *Bonzo* – *Бонзо*, *Prince* – *Принц* (кинонимы). Иногда была потеряна и мотивировка множественных зоонимов: *Boxer* – *Боксер*, *Captain* – *Капитан* (сильные рабочие кони), *Гур* – *Джип* (бродячий пёс), *Rock* – *Рок* (собака серого окраса), *Tip* – *Туп* (пёс с пятном на кончике хвоста). В испаноязычном переводе большинство вышеперечисленных зоонимов были переданы прямым пере-

носом. Исключениями являются калькированные клички *Prince* – *Príncipe* и *Captain* – *Capitán*, однако проверить множественный характер замен в испанской зоонимии нам не удалось. Широкое использование прямого переноса также не способствует сохранению мотивировки.

Случаи, вынесенные в табл. 1 и 2 в столбец «смешанный приём», связаны, во-первых, с передачей официальных зоонимов – составных кличек, закреплённых в родословных или других подобных документах. Для передачи двух таких онимов и в русскоязычном, и в испаноязычном переводе использовалось калькирование структуры и порядкового номера, а также транскрипция или прямой перенос «личного имени» и «фамилии»: *Darrowby Tobias the Third* – *Дарроуби Тобиас Третий* / *Darrowby Tobias Tercero*. Во-вторых, в русскоязычном переводе к смешанным случаям мы отнесли передачу двух зоонимов, образованных от имени и фамилии, для которых были использованы традиционное соответствие и транскрипция соответственно: *Cliff Bastin* – *Клифф Бастин*, *Eddie Hargood* – *Эдди Харгуд*. Эти зоонимы, образованные от единичных антропонимов (имён футболистов), снабжены авторским внутритекстовым комментарием. Переводческие комментарии ни в одном из анализируемых случаев использованы не были.

Влияние контекста на межъязыковую передачу

Ожидаемой и много раз описанной в профильной литературе трудностью межъязыковой передачи онимов является соблюдение соответствия между реальным полом существа и грамматическим родом его имени. В проанализированных переводах это соответствие соблюдается повсеместно. Сложной в этом отношении является, в частности, передача зоонима *Ruby*, принадлежащего свинье. А. Гарсиа Бургос применила калькирование, *Rubí*, и, хотя соответствующее существительное в испанском языке

принадлежит к мужскому роду, оно также совпадает с распространённым женским именем. Переводчики на русский язык, столкнувшись с такой же проблемой, использовали онимическую замену на кличку *Бирюза*. Отметим, что зооним *Ruby* также является мотивированным: он принадлежит свинье насыщенно красного окраса. Нам представляются более удачными вариантами замены клички *Яшма* или *Шпинель*, образованные от названий минералов красного цвета.

Особую трудность для межъязыковой передачи представляют зоонимы, используемые в исходном тексте для создания комического эффекта и языковой игры. Комический эффект проявляется, к примеру, в кличке избалованного пекинеса *Tricki Woo*. Этот зооним на слух неотличим от словосочетания “tricky woo”, что можно перевести как «искусные ухаживания». Он также отсылает к азиатским фамилиям *Wu* и *Woo*, что может быть намёком на восточное происхождение породы животного. В испаноязычном переводе этот зооним передан прямым переносом, а в русскоязычном – транскрипцией: *Трики-Ву*. В одном из эпизодов хозяин придумывает этому же псу псевдоним *Mr. Utterbunkum*, легко раскладываемый на словосочетание “utter bunkum” – «полная чепуха». В русскоязычном переводе комический эффект передан через замену с сохранением тематики: *мистер Чепушист*. А. Гарсиа Бургос потеряла комизм, используя прямой графический перенос с усечением: *Utterbunkum*. Усечению в испаноязычном переводе подвергся и другой зооним схожей структуры, образованный от торговой марки: *Mr. Heinz – Heinz*.

Другой интересный зооним, производящий комический эффект, – шутовское прозвище *Wun Hung Lo*, данное псу с опухолью в паховой области. В его имени обыгрывается фонетический облик типичных единиц азиатского антропонимического ряда (*Wung, Hun, Luo*) – эта шутка зафиксирована в фольклорных сборни-

ках ещё 1920-х гг. Для перевода этого эпизода И. Гурова создала аналогичную игру слов – *Вон Ви-Сит*, в то время как А. Гарсиа Бургос была вынуждена прибегнуть к деонимизации, назвав животное “perro del colgante”. Шутка здесь компенсирована через двусмысленность: прозвище можно толковать как «пёс с кулоном» или как «пёс с подвисшим [чем-то]».

Заключение

Из собранных данных видно, что происхождение исходного онима оказывает большое влияние на выбор метода межъязыковой передачи. В частности, при передаче на русский язык англоязычных антропозоонимов используются в основном традиционные соответствия, а при передаче зоонимов, образованных от имён нарицательных и словосочетаний, – онимическая замена и калькирование.

В проанализированных случаях передачи на испанский язык доминирует прямой графический перенос, что соотносится с наблюдениями испанских исследователей. В частности, валенсийский лингвист Х. Франко Ашела называет 1960-е и начало 1970-х годов переходным периодом для переводов на испанский язык. По его наблюдениям, в переводах, выполненных до этого периода, основными приёмами были «натурализация» (транспозиция) и «лингвистический перевод» (калькирование), а после – «повторение» (прямой графический перенос) [11, p. 556]. Схожие тенденции отмечает Королевская академия испанского языка в своей «Орфографии испанского языка».

Тем не менее различия между переводческими нормами двух культур не могут считаться единственным объяснением для наблюдаемых различий между подходами к межъязыковой передаче. Важную роль здесь также играет, к примеру, решение самого переводчика: выбранный им подход может отличаться от господствующей нормы. Разумеется, влияние оказывают и другие факторы: жан-

рово-стилистическая принадлежность текста, пожелания заказчика и т. д.

Творческого подхода требуют онимы, использованные в исходном тексте для создания комического эффекта и языковой игры, а также мотивированные онимы.

На межъязыковую передачу зоонимов напрямую влияет осведомлённость переводчика о зоонимии исходного и переводящего языков. Знание зоонимии исходного языка помогает определить мотивированные и множественные зоонимы, а знание зоонимии переводящего языка – подобрать им при использовании онимической замены. Считаем, что для англоязычной зоонимии полез-

ным источником является, к примеру, справочник А. Рума¹ и словарь кличек Г. Джарретт², для русскоязычной – работы Р. Ю. Намитоковой и М. Ю. Беляевой [1; 7 и др.], для испаноязычной – энциклопедия собственных имён Ж. Альбайжеса³.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021

¹ См.: Room A. The Naming of Animals: An Appellative Reference to Domestic, Work, and Show Animals, Real and Fictional. Jefferson, NC: McFarland & Co., 1993. 231 p.

² Jarrett G. S. The All-Breed Dictionary of Unusual Names. Loveland, United States: Alpine Publications, 1988. 236 p.

³ Albaigès J. M. Enciclopedia de los nombres propios. Barcelona: Planeta, 1995. 488 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева М. Ю. Ономастика Кубани: прошлое и настоящее : учебное пособие для студентов вузов. Славянск-на-Кубани: Филиал ФГБОУ ВПО «Кубанский гос. ун-т» в г. Славянске-на-Кубани, 2020. 138 с.
2. Боброва М. В., Посохина Ю. Ю. Зоонимы Троельжанского сельского поселения Пермского края: производящая лексика // Филология в XXI веке. 2020. № 2 (6). С. 141–148.
3. Варникова Е. Н., Зимичева Н. Н. Зоонимикон современной деревни (на материале кличек животных с. Горицы Вологодской области) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 2 (5). С. 73–77.
4. Гардинер А. Теория собственных имен. М.: Наука, 1954. 461 с.
5. Генидзе Н. К., Яковлева А. А. Проблема передачи имен собственных в художественном переводе // Лингвокультурное измерение текста и дискурса : сборник научных статей / под ред. И. В. Кононовой. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 88–94.
6. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.
7. Намитокова Р. Ю. В мире имен собственных: лингвистические беседы по краеведению. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1993. 184 с.
8. Николаева Т. М. Князь Звездич и Баронесса Штраль – кто они такие? // Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 191–213.
9. Седина И. В., Четвергова В. В. Стратегии и приёмы перевода имён собственных в произведениях жанра фэнтези (на примере произведений цикла «Песнь Льда и Огня» Джорджа Р. Р. Мартина) // Дневник науки (электронный научный журнал). 2017. № 6 (6). URL: http://dnevnika.nauki.ru/images/publications/2017/6/philology/Sedina_Chetvergova.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
10. Топоров В. Н. От имени к тексту // Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 15–27.
11. Franco Aixelá J. Condicionantes de traducción y su aplicación a los nombres propios (inglés-español): Tesis doctoral. Alicante: Universidad de Alicante, 1996. 779 p.

REFERENCES

1. Belyayeva M. Yu. *Onomastika Kubani: proshloye i nastoyashcheye* [Onomastics of Kuban: past and present]. Slavyansk-na-Kubani: Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban Publ., 2020. 138 p.
2. Bobrova M. V., Posokhina Yu. Yu. [Zoonyms of Troelga rural settlement, Perm region: producing vocabulary]. In: *Filologiya v XXI veke* [Philology in the XXI century], 2020, no. 2 (6), pp. 141–148.

3. Varnikova Ye. N., Zimicheva N. N. [Modern village zoonymicon (on the material of animal names in the village of Goritsy of the Vologda region)]. In: *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye, obshchestvennyye, pedagogicheskiye nauki* [Bulletin of Vologda State University. Series Humanitarian, Social, Pedagogical sciences], 2017, no. 2 (5), pp. 73–77.
4. Gardiner A. *Teoriya sobstvennykh imen* [Theory of proper names]. Moscow, Nauka Publ., 1954. 461 p.
5. Genidze N. K., Yakovleva A. A. [The problem of proper names translation in literary works]. In: *Lingvokul'turnoye izmereniye teksta i diskursa* [Linguistic and cultural dimension of text and discourse]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2019, pp. 88–94.
6. Yermolovich D. I. *Imena sobstvennyye: teoriya i praktika mezh"yazykovoy peredachi* [Proper names: theory and practice of interlanguage transmission]. Moscow, R. Valent Publ., 2005. 416 p.
7. Namitokova R. Yu. *V mire imen sobstvennykh: lingvisticheskiye besedy po krayevedeniyu* [In the world of proper names: linguistic conversations on local history]. Maikop, Adygeyskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1993. 184 p.
8. Nikolayeva T. M. [Prince Zvezdich and Baroness Shtral – who are they?]. In: *Imya: Semanticheskaya aura* [Name: Semantic aura]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, pp. 191–213.
9. Sedina I. V., Chetvergova V. V. [Strategy and methods of proper names translation in works of fantasy genre (on the material of the cycle “A song of ice and fire” of George R. R. Martin)]. In: *Dnevnik nauki (elektronnyy nauchnyy zhurnal)* [Diary of Science (electronic scientific journal)], 2017, no. 6 (6). URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2017/6/philology/Sedina_Chetvergova.pdf (accessed: 10.10.2021).
10. Toporov V. N. [From the name to the text]. In: *Imya: Semanticheskaya aura* [Name: Semantic aura]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, pp. 15–27.
11. Franco Aixelá J. *Condicionantes de traducción y su aplicación a los nombres propios (inglés-español)*: Tesis doctoral. Alicante, Universidad de Alicante, 1996. 779 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: spat@mail.ru;

Овчинников Алексей Владимирович – специалист по иностранному языку, ООО «Букинг.ком Русиа»;
e-mail: aovchinnikovmsk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana N. Ponomareva – Cand. Sci. (Philology) Assoc. Prof., Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: spat@mail.ru;

Alexey V. Ovchinnikov – Language Specialist, LLC “Booking.com Russia”;
e-mail: aovchinnikovmsk@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пономарева С. Н., Овчинников А. В. О межъязыковой передаче зоонимов в переводах рассказов Дж. Хэрриота на русский и испанский языки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 106–113.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-106-113

FOR CITATION

Ponomareva S. N., Ovchinnikov A. V. Interlingual transfer of zoonyms in Russian and Spanish translations of short stories by James Herriot. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 106–113.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-106-113

УДК 81(437.1/2)"20"(092)Матезиус В.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-114-116

«ЗНАЧИМЫЕ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ»: МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИЛЕМА МАТЕЗИУСА

Вековищева С. Н., Савченко Е. П.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

“SIGNIFICANT PERSONALITIES IN THE LANGUAGE AND CULTURE”: INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE DEDICATED TO VILÉM MATHESIUS (140TH JUBILEE)

S. Vekovischeva, E. Savchenko

*Moscow Region State University
ul. Veri Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

15 февраля 2022 г. в рамках VII Международного Фестиваля науки на лингвистическом факультете Московского государственного областного университета прошла Международная научно-практическая конференция «Пражский лингвистический кружок и развитие лингвистики XX века» (к 140-летию со дня рождения Вилема Матезиуса).

Вилем Матезиус (1882–1945) – выдающийся чешский лингвист, основатель и первый президент Пражского лингвистического кружка, манифест которого – знаменитые «Тезисы», составленные при непосредственном участии выдающихся отечественных языковедов Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона.

В историю языкознания Вилем Матезиус вошёл прежде всего как исследователь феномена «актуального членения предложения». Такое название получила и его самая знаменитая работа «О

так называемом актуальном членении предложения». Идеи В. Матезиуса в области функционального подхода к языку, исследования в области актуального членения предложения, а также работы, посвящённые контрастивной лингвистике, получили дальнейшее развитие как в самой Пражской школе, так и в работах других лингвистов.

Инициатором конференции стала кафедра теории языка, англистики и прикладной лингвистики под руководством кандидата филологических наук, доцента **Татьяны Владимировны Холстиной**, а идейным вдохновителем, безусловно, выступил **Георгий Теймуразович Хухун**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики. Его совместный доклад с доктором филологических наук, профессором, профессором кафедры теории языка, англистики

ки и прикладной лингвистики **Ириной Ивановной Валуцовой** на тему «Пражская лингвистическая школа: основатель и коллеги» открыл пленарное заседание конференции и задал тон работе всей площадке по обмену научным опытом.

Особо значимо и приятно, что конференция привлекла внимание ведущих отечественных и зарубежных учёных, лингвистов, богемистов, филологов (общее число участников превысило 250 гостей: докладчиков и слушателей).

Почётными гостями конференции стали:

– **Олег Анатольевич Радченко**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет (доклад «Пражский период Романа Осиповича Якобсона: факты и домыслы»);

– **Владимир Ильич Карасик**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (доклад «Ситуативный и формульный варианты языка с позиций теории дискурса»);

– **Михаил Юрьевич Федосюк**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (доклад «Принципы исторической чистоты и прямолинейной регулярности при определении норм русского литературного языка наших дней»);

– **Анна Александровна Осипова**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой контрастивной лингвистики Института филологии, Московский педагогический государственный университет (доклад «Информационные документы о языковой подготовке в Карловом Университете на русском и английском языке»);

– **Андрей Иванович Изотов**, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Московский

государственный университет имени М. В. Ломоносова (доклад «Чешский национальный корпус как основной итог развития традиций Пражского лингвистического кружка в чешской лингвистике в XX веке»).

Рабочими языками конференции стали русский, чешский и английский. Работа конференции проходила по секциям (Секция 1. Пражская лингвистическая школа: история, современность, методология; Секция 2. Межъязыковая и межкультурная коммуникация; Секция 3. Композиционно-стилистические ресурсы языка и текста). По итогам конференции планируется издание сборника научных трудов.

Стоит также отметить, что конференция проводилась в рамках масштабного научно-просветительского проекта «Значимые личности в языке и культуре», реализуемого на лингвистическом факультете с 2014 г.

Научно-просветительский проект «Значимые личности в языке и культуре» посвящён непреходящим проблемам творчества знаменитых отечественных и зарубежных писателей, исследованию интересных фактов их биографии, вопросам возрождения литературных и лингвистических кружков и сообществ, проблемам перевода их произведений на иностранные языки (английский, немецкий, французский, испанский и др.), актуализации интереса современной молодёжи (школьников, студентов, аспирантов школ и вузов Московской области) к бесценному лингвокультурному запасу знаний, сохранению литературных традиций путём популяризации научных направлений в языкознании, привлечения внимания к современной и классической отечественной и зарубежной литературе, посредством возрождения литературных кружков и тематических вечеров, организации мероприятий различной направленности и уровня подготовки.

Проведение мероприятий различного формата в рамках реализуемого про-

екта способствует раскрытию потенциала талантливой молодёжи Московской области, развитию межличностного и межкультурного сотрудничества, сохранению и защите народной лингвокультуры. Различный формат проводимых

мероприятий также способствует широкому охвату участников от школьников и студентов, молодых учёных до исследователей со сложившимися научными интересами, известных как в России, так и за её пределами.

Дата поступления в редакцию 19.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вековищева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, декан лингвистического факультета;
e-mail: fakul-ling@mgou.ru;

Савченко Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана лингвистического факультета по научной работе;
e-mail: ep.savchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Vekovisheva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dean of Linguistic Faculty, Moscow Region State University;
e-mail: fakul-ling@mgou.ru;

Elena P. Savchenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Deputy Dean of Linguistic Faculty, Moscow Region State University,
e-mail: ep.savchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вековищева С. Н., Савченко Е. П. «Значимые личности в языке и культуре»: Международная конференция к 140-летию со дня рождения Вилема Матезиуса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 114–116.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-114-116

FOR CITATION

Vekovisheva S. N., Savchenko E. P. "Significant personalities in the language and culture": International scientific conference dedicated to Vilém Mathesius (140th jubilee). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 114–116.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-114-116

НЕКРОЛОГ

5 марта не стало Иосифа Абрамовича Стернина – выдающегося лингвиста, специалиста по психолингвистике и когнитивной лингвистике, прекрасного преподавателя, лектора, глубокого ученого, автора более 30 монографий, почти полустотни учебных пособий для высшей и средней школы. 29 апреля 2022 года ему бы исполнилось 74 года.

Сложно себе представить, как успевал всё этот человек! Иосиф Абрамович руководил Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, был профессором кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ, председателем Воронежской Ассоциации экспертов-лингвистов, членом многих других ассоциаций и комитетов. Он всегда был окружён своими соратниками и учениками, подготовил 10 докторов и 64 кандидата наук. Не знаю, получила ли организационное оформление в стенах Воронежского университета его школа, но на различных конференциях, где мы с ним встречались, его коллеги всегда выступали с интересными докладами, развивающими его идеи, продолжающими его экспериментальные исследования. Иосиф Абрамович неоднократно выступал на конференциях в МГОУ, его доклады поражали и глубиной мысли, и лёгкостью и увлекательностью изложения.

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (2008). Автор огромного количества трудов (более 1200) по психолингвистике, когнитивной лингвистике, семасиологии, речевому воздействию, лингвокриминалистике, речевому воздействию. С полным списком его трудов можно ознакомиться на его персональном сайте¹, так как перечислить даже основные работы не представляется возможным.

Иосиф Абрамович был разносторонним человеком, не только учёным, погружённым в свои изыскания. Он называл себя основоположником жанра научно-юмористической лингвистики, в котором прекрасно сочетался тонкий юмор, наблюдения над речевой деятельностью говорящих и, одновременно, точный и глубокий научный анализ явлений языка и речи, а некоторые его заметки, например, о поведении аспирантов, можно раздавать как памятку всем обращающимся в диссертационный совет.

Как человек, который часто пересекался с Иосифом Абрамовичем на различных конференциях, и занимается научными исследованиями в области психолингвистики, знает его чёткую принципиальную позицию по многим вопросам, не могу сказать, что он ушёл из жизни. Его дело продолжится в учениках, коллегах, молодых людях, только приходящих в науку.

*Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики
и прикладной лингвистики
И. И. Валуицева*

¹ Профессиональный сайт Иосифа Абрамович Стернина. URL: <http://sterninia.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2022. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,5, уч.-изд. л. 9.
Подписано в печать: 29.04.22. Выход в свет: 23.05.22. Заказ № 2022/04-04.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А